

Гала Рубинштейн

забавные повадки людей

грам

МАКС ФРАЙ + АМФОРА = ФРАМ

Персонажи этой книги совсем живые, вот в чем дело. Кажется сперва — ну, персонажи, ладно, забавные и по большей части симпатичные, треплются бесконечно, письма друг другу пишут, сражаются со смертью, как могут, одни — профессионально, другие — только на досуге, гремят лабораторной посудой, как оружием, изучают «Искусство войны» под руководством Суньцзы и гадание на картах таро под руководством таинственных незнакомцев, любят друг друга, не понимают ничего, кроме разве что устройства мироздания, заливают непереносимый груз этого знания коньяком, заедают мороженым и как-то живут дальше, если получается не умереть, — словом, одно удовольствие иметь с ними дело по утрам за чашкой кофе и потом, в метро.

А потом, вечером, вы возвращаетесь домой и видите, что они оккупировали вашу гостиную, сидя на ковре, спорят, к примеру, об устройстве мироздания, о чем еще и спорить в таких обстоятельствах, и вы понимаете, что попали, и я, честно говоря, не знаю, как вы будете выкручиваться, поэтому пусть у вас дома всегда будет бутылка коньяка про запас, а еще лучше две — это поможет разрядить обстановку.

Я хочу сказать, что автору, несомненно, удалось создать новую форму жизни. *Неизвестным для меня способом.*

МАКС ФРАЙ

www.amphora.ru

9 785367 100434 2

ISBN 978 - 5 - 367 - 00434 - 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

Рисунки на обложке Людмилы Милько

ГАЛА РУБИНШТЕЙН

«ЗАБАВНЫЕ ПОВАДКИ ЛЮДЕЙ»

Отсканировано и обработано: https://vk.com/biblioteki_proshlogo

Гала Рубинштейн

забавные повадки людей

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

2007

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р 82

Рубинштейн, Г.

Р82 Забавные повадки людей: [роман] / Гала Рубинштейн.— СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007.— 287 с. — (Серия «ФРАМ»).

ISBN 978-5-367-00434-2

Роман «Забавные повадки людей» — прообраз детективов нового века. Герои которых, делая вид, что озадачены поиском скрывающихся убийц или банковских кодов, на самом деле ищут... себя? смысл? путь? Какая, в сущности, разница?

**УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6**

ISBN 978-5-367-00434-2

© Рубинштейн Г., 2007
© Фрай М., послесловие, 2007
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2007

Тщательно изучив забавные повадки собак,
Я пришел к заключению:
Человек — высшее существо.
Тщательно изучив забавные повадки людей...
Должен признаться, друзья мои, я в затруднении.

Эзра Паунд

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...мне тоже очень жаль, что мы не повидались перед моим отъездом, но я ждала тебя из Вены во вторник. Кто же знал, что ты внезапно отправишься в Альпы, надеюсь, вследствие попадания вожжи под хвост, любую другую причину в данном конкретном случае нельзя считать уважительной. Я помахала тебе из иллюминатора и чуть было не прослезилась, но, на мое счастье, стюардессы на «Корсиканских авиалиниях» отличаются необыкновенной чуткостью и наблюдательностью. Поэтому стоило мне нахмуриться, как услужливая рука тут же подносила коньяк в пузатом бокале. После пятой дозы у меня открылся третий глаз, этим глазом я внимательно посмотрела на бокал, вспомнила, что радиус — в квадрате (а радиус у этих бокалов — о-го-го, дай бог каждому), и начала следить за мимикой, побоявшись последствий.

Я планировала переночевать в гостинице прямо в аэропорту, но мне посчастливилось разговориться с милым юношей из соседнего кресла, просто для того, чтобы убедиться, что французский забыт мной не окончательно, а если окончательно, то хотя бы не бесповоротно. Милый юноша, то ли ослепленный моей небесной красотой, то ли, наоборот, оглушенный убогим французским, взялся устроить мое будущее, и уже через три часа мы подъезжали к дому его тетки, которая имеет обыкновение предоставлять кров утомленным путникам за символическую, как она утверждает, плату. Я не сильна в символике, а спросить постеснялась, поэтому, что именно символизирует цена двести пятьдесят

евро, так и осталось для меня загадкой.

Комната маленькая, я бы даже сказала, крохотная, но балкон... Моя квартиродательница, или черт знает, как там это по-русски называется, судя по всему, неважный тактик, а стратег так и вовсе никудышный. Если бы она сразу повела меня на балкон, я бы вдвое больше заплатила. У меня нет слов, чтобы описать это великолепие, не буду и пытаться, увидишь всё на фотографиях. А если у тебя хватит фантазии, чтобы представить меня с ноутбуком в плетеном кресле посреди этой красоты, то ты поймешь, почему я пишу такие длинные письма (ты не любишь смайлики, поэтому я их не ставлю, но иногда подразумеваю, вот тут, например).

Так что я вот уже третий день обживаюсь на новом месте и даже купила настольную лампу, которая рядом с местным торшером совершенно ни к чему, но меня это не остановило. Видимо, комната, в которой стоит моя настольная лампа, автоматически начинает считаться моим домом.

Видишь, я изо всех сил тяну время, чтобы не отвечать на вполне закономерный вопрос: почему Марсель? Ты же собиралась в Италию?

Мне нечем тебя порадовать: никакого мало-мальски вразумительного ответа у меня нет.

Так вышло.

В воскресенье я в очередной раз навеки рассталась с Олегом, привычно огорчилась и села глушить коньяк. Телевизор во весь голос призывал меня одуматься, не брезгуя никакими средствами, даже передачей «Здоровье». Мрачная убийца в белом халате долго и подробно описывала предстоящую мне в недалеком будущем мучительную смерть от цирроза печени, а на закуску рассказала про СПИД, видимо, чтобы я не слишком расстраивалась: непьющие тоже умирают, оказывается. Подробностей не помню, но в сюжете фигурировали марсельские медики, которые приехали то ли в Донецк, то ли в Саратов с гуманитарной миссией. Я не очень поняла, в чем именно она заключалась, потому что выпила к этому времени полбутылки, дала обет безбрачия на всю оставшуюся жизнь и пыталась вспомнить, где именно находится мой рюкзак — чтобы положить в него спички и

уйти в Гималаи босиком. Рюкзак я нашла, но спичек в доме не оказалось, а уходить в Гималаи с зажигалкой показалось мне пошлым, и я осталась в кресле. А неиспользованную в Гималаях энергию направила на переключение канала. И некоторое время мой угасающий разум пытался следить за дискуссией двух людей в паршиво сшитых черных костюмах, которые (люди, а не костюмы, хотя головой не поручусь) битый час не могли решить, похожа ли Одесса на Марсель или, наоборот, Марсель на Одессу. Силы к этому моменту покинули меня окончательно, поэтому я ничего не сказала и только бросила в экран тапок. Телевизор испугался и сделал все, что от него зависело, а именно — показал мне в высшей степени художественный фильм «Граф Монте-Кристо». Фильм увлек меня зрелищностью и совершенно непредсказуемым сюжетом, слава богу, что Дюма не дожил, а то ему стало бы мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Но, несмотря на бурную фантазию сценариста, действие все-таки происходило не в Лос-Анджелесе, в результате я в третий раз за вечер услышала слово «Марсель» и не то чтобы запомнила, но где-то на обочине сознания оно отложилось.

И вот, представь, сижу я в девять утра у Ларочки в агентстве, мучаюсь тяжелым похмельем и размышляю о тщете всего сущего. Ларочка бодро стучит по клавиатуре, разыскивая для меня билет в Милан; я от этого адского стука совсем шалею и теряю способность сосредоточиться на тщете, а ты же знаешь, этого допускать нельзя, ибо размышления о тщете сущего — единственная моя поддержка и опора во дни разлук, а горестных сомнений у меня, к счастью, не бывает, хоть в чем-то повезло.

В общем, раскрываю я первый попавшийся журнал, а ты представляешь, что может первым попасть в руки безмозглой тупице с суицидальными наклонностями, которая рискнет приблизиться к Ларочкиному столу? Мне еще относительно повезло: журнал сам собой открылся на статье «Марсельское таро». И пока я мучительно пыталась вспомнить, где же я слышала это слово, Ларочка оторвалась от компьютера и с сожалением в голосе промяукала, что ни в Милаан, ни в Риим на этой неделе ну совсем ничего нет, ну совсееем, вы же

знаете, Юленька, я бы для вас, мяу-мяу-мяу... А куда есть? А есть в Марсель, четверг, двенадцать-пятнадцать, девятая стойка.

Так я оказалась в Марселе; по-моему, все очень логично, хотя мне почему-то кажется, что ты со мной не согласишься (тут опять мог бы быть смайлик, и опять его тут нет, даже и не ищи).

Ну вот, а что у тебя? Как прошел симпозиум или, может быть, конгресс, я их путаю. Ты ведь не хотела ехать, если я не ошибаюсь? Но надеюсь, что альпийский снежок примирил тебя со всем остальным.

И я же до сих пор тебя не поздравила, позор на мои седины! Я же тебе говорила, что все получится, а ты не верила, и напрасно, потому что я очень умная, почти как ты 😊 (уууупс, не удержалась). Подарок в честь этого знаменательного события (я имею в виду лабораторию, а не то, что мы с тобой такие восхитительно умные) дожидается тебя у моих водителей, заодно объяснишь им, что я не сошла с ума (хотя ты, возможно, так не думаешь) и что всё у меня будет хорошо (хотя в этом случае так не думаю я).

Короче, получай поскорее Нобелевскую премию, а заодно вырасти для меня в пробирке новые мозги — старые потому что совершенно никуда не годятся...

* * *

Рай — это такое место, где нет ни одного будильника. Во всяком случае по утрам Нель была в этом абсолютно уверена. К вечеру рай менялся, наполнялся людьми, удачными результатами, живучими мышами и мертвыми начальниками. С утра о таком вечернем рае даже думать страшно, очень уж он на ад похож с утра. «Какое счастье, что я так и не завела собаку», — привычно подумала Нель и побрела в ванную думать вторую мысль из черного утреннего списка: «Какое счастье, что я не мужчина и мне не нужно бриться». На этом утешительные мысли закончились и начались жалобные. Сегодня Нель практически ни минуты не задержалась на «за

что, Господи, я ведь такая хорошая девочка», зато «ну когда же я наконец сдохну» думала минут пятнадцать, а это уже тянуло на личный рекорд.

По мере того как организм просыпался, душевная смута приобретала некоторую изощренность, и, прогревая машину, Нель уже довольно бодро размышляла о том, что солипсизм из нее получился хороший, но тупой. Это же надо, каждое утро в первую очередь придумать работу, а все остальные подробности додумывать в ванной комнате. Неудивительно, что погода мерзкая, а новости по радио и того хуже. И машину, если уж на то пошло, можно было бы вообразить поновее, а то стучит что-то внутри подозрительно, уже третий день стучит, как пепел в сердце стучит, надо бы к механику съездить, да некогда.

По дороге Нель вспомнила, что забыла купить конфеты, а первая заповедь молодого руководителя гласит: никогда не возвращайся из-за границы без конфет. Так что пришлось остановиться возле магазина, вылезти из машины, порвать колготки, выругаться нецензурно, вымокнуть под дождем, купить коробку бельгийского шоколада, сорвать этикетку, сломать ноготь, сесть обратно в машину и не заплакать. Потому что вторая заповедь молодого руководителя гласит: никогда не плачь с утра — в течение дня слёзы тебе еще понадобятся.

Весь личный состав был в сборе и даже более или менее при параде. Нель зашла в лабораторию, с удивлением припоминая, что еще буквально десять минут назад мир казался мрачным и злобным, будущее, безрадостным, а работа — каторгой.

— Нелечка, детка, погляди, серия, которую ты начала, очень хорошо получилась. Я статистику еще не делала, тебя ждала, но на глазок — очень неплохо.

— Нелька, я на минутку заскочил, у меня гениальная идея, совершенно гениальная, ты вечером что делаешь? Я зайду к тебе, хорошо? Всё, побежал, а то меня шеф убьет.

— Нель, у нас проблема с заказом, нам не подписали заказ. Сказали, что мы слишком дорогих мышей заказываем. И

потом, они вообще не понимают, зачем нам мыши нужны.

— Действительно, зачем нам мыши, можно ведь и с тараканами работать, я им так и сказал, а они почему-то не подписали.

— Неля Александровна, а я научил двух мышей танцевать под дудочку, хотите, покажу?

— Да отстаньте вы от человека, вот ведь пристали, дайте хоть чаю выпить! Нель, ты чай будешь? Мальчишки, несите печенье, у меня в сумке пакет.

— Ну уж нет, дорогие мои, никакого чая. — Нель села в кресло и скрестила руки на груди. — Сначала о деле, а то взяли моду, понимаешь, чай гонять в рабочее время. Никто не сделает ни одного глотка, пока я сама, своими собственными глазами не увижу этих ваших танцующих мышей!

* * *

Любите ли вы лабораторию так, как люблю ее я? Вряд ли, во всяком случае надеюсь, что нет. В нашем мире и без вас достаточно душевнобольных, взять хотя бы меня... Как можно любить вечную беготню, шум приборов, запах мышей, недовольство начальства и капризы подчиненных? Но это бы еще ничего, а вот что бы вы сказали, если бы вам пришлось три года тяжело работать, а потом выбросить все результаты в мусорное ведро, потому что ничего не получилось? Идея хорошая, а все равно не получилось. И никто не виноват, хотя это вы так думаете, а ваше начальство точно знает, кто виноват, и ваши подчиненные тоже догадываются. Я уже молчу о шкафчике «Яды», радиоактивной комнате и вот об этих подозрительных клетках, которые выросли в чашке Петри вместо кишечной палочки, которую я лично, своими руками, посеяла три дня назад. Кто вы, подозрительные клетки, и куда делась моя волшебная кишечная палочка? Молчат, не дают ответа.

Разве об этом я мечтала в детстве?

Конечно об этом...

* * *

— Ты знаешь, Нелечка, пока тебя не было, приходил Олег Волошин. Сказал, что они с Юлей развелись и она уехала во Францию.

— Знаю, Дина Владимировна, я вчера получила от нее письмо. А зачем он приходил? Меня искал?

— И тебя тоже. Он же в Комитете по вопросам научной этики работает, они в последнее время очень ужесточили закон о клонировании. Раньше мы под него не попадали, а теперь попадаем. Все, кто со стволовыми клетками работает, все попадают. В общем, он открыл на нас дело. Хотел прямо на месте проверять рабочие документы, но я не дала. Сказала, что ты вернешься, пусть тогда и проверяет. Он выкобениваться начал, так я ему напомнила, как он чуть не вылетел из университета после третьего курса. Помнишь эту знаменитую драку? Только благодаря мне не вылетел. Короче, напоила я его кофе и выставила за дверь. Но ты поговори с ним, как-то мне это подозрительно. С чего бы ему начинать именно с нас? Может, что-то личное? На этот раз Юля его бросила, как я поняла. Может, он решил на тебе злость сорвать?

— Да ну вас, в самом деле. Детский сад какой-то получается. Ладно, позвоню ему вечером. Заодно Юлькин телефон узнаю, а то она мне адрес написала, а телефон нет, Зачем мне ее адрес, спрашивается? А что у вас дома? Как Женечка?

— Мы с ней вчера в зоопарк ходили. Долго гуляли, часа три, наверное, а потом дождь пошел, и мы спрятались в змеюшнике. Стоим около террариума, рассматриваем эфу, и тут Женя спрашивает: «Бабушка, а если змея разобьет стекло и тебя укусит, ты умрешь?» Нет, говорю, есть специальные вакцины, мне укол сделают, и я не умру. Женечка еще подумала, а потом уточняет: «Тебе сделают укол, и ты никогда не умрешь?» Ну, говорю, когда-нибудь умру, конечно, все когда-нибудь умирают. А она продолжает: «Бабушка, а если ты умрешь, как же я домой доберусь?»

— Ну а вы что?

— А я ей на бумажке написала адрес и домашний телефон. Покажешь, говорю, врачу «Скорой помощи», который ко мне

приедет, если я умру, — он тебя домой отвезет.

Действительно, мало ли что... Ира меня потом ругала, а Сережа ругать, конечно, не решался, но весь вечер молчаливо не одобрял. Нечего ребенка травмировать, говорят. Мол, теперь она будет все время думать, что ты умрешь. Но я ведь действительно умру, отвечаю, а Ира в слезы. Откуда у меня такие мысли, спрашивает.

Знаешь, Нелечка, я вот начала об этом думать, выходит, что нас с детства учат смерти бояться. Женька очень спокойно про смерть говорила, буднично так, а сейчас задумается, испугается.

— Дина Владимировна, миленькая, это вы внучке можете глупости говорить, а я точно знаю, что вы никогда не умрете.

— Вот видишь, и ты туда же... Ну хорошо, пойдем поработаем для разнообразия, а то три часа дня, а мы все о главном да о главном...

* * *

...а самое удивительное, что я нашла работу. Я теперь экскурсовод в ботаническом саду! По-русски и по-итальянски, а по-французски у меня пока плохо получается. Нажимаю на архитектурные особенности дизайна, а названия деревьев, к счастью, написаны на табличках. Правда, очень мелкими буквами.

Ну, ты понимаешь, что это значит. Это значит, что я смогу целый год продержаться, пока виза не закончится, а там видно будет. Думаю, что к тому времени моя хозяйка выдаст меня замуж за какого-нибудь солидного господина или продаст в публичный дом, я пока не поняла. Но у нее такой взгляд делается, когда она на меня смотрит, что прямо не по себе. К тому же ее племянник, мой самолётный знакомец, зачастил. Еще без цветов, но уже с тортками.

Утром по дороге на работу я битый час объясняла полицейскому, что у меня тяжелый комплекс Очень Маленькой Машины: я еду не с разрешенной скоростью, а с максимально возможной, потому что в девяносто девяти

случаях из ста она раза в два меньше разрешенной. Он меня отпустил, потому что «мадам говорит так много слов, что у него кружится голова». Иди, сказал, и больше не греш...

* * *

Костик звонил в дверь долго, даже очень долго. Совершенно игнорируя явное нежелание хозяев открывать дверь. Или хотя бы притвориться, что их нет дома, — например, сделать потише музыку и не орать во весь голос: «Какого черта, я не понимаю, неужели нельзя оставить меня в покое?!» В общем, неприлично долго звонил и совсем уже было отчаялся, но тут дверь распахнулась. Нель стояла на пороге, взъерошенная и растрепанная, в шелковом халате с драконами и с сигаретой в зубах.

— Мне уйти? — грустно и покорно спросил Костик. — Ты скажи, если уйти, я не обижусь, я же понимаю, у тебя дела, наверное...

Нель махнула рукой в том смысле, что чего уж теперь, заходи, раз пришел, и посторонилась. Но недостаточно быстро, потому что моментально повеселевший Костик ворвался в квартиру со скоростью курьерского поезда и с его же грацией. Так что Нель пришлось сменить томную позу «прислонясь к дверному косяку» на менее изысканную, но куда более уместную в данном случае «я не выйду из этого угла, пока ты не сядешь в кресло». Костик, конечно, сел в кресло, но перед этим опрокинул журнальный столик, рассыпал окурки на ковер, чудом не разбил пепельницу и наступил Нель на ногу. После чего сам же завопил «ай-ай-ай» и помчался на кухню за льдом, но Нель силой впихнула его в кресло и даже сказала обидным голосом, что лучше она совсем без ног останется, чем совсем без посуды. Костик собрался обидеться и даже уже почти нахмурился, но тут вспомнил, зачем пришел.

— У меня гениальная идея, Нелечка, вот послушай: я вчера разговаривал с бывшим одноклассником, так у его жены диабет, настоящий, инсулинозависимый. Он мне рассказал, что сейчас есть новый инсулин, его достаточно раз в три дня

колоть, там часть молекул в защитной оболочке. И она растворяется медленно, главное — это вовремя есть, а то гипогликемический криз будет. Так я подумал, а что если совсем без уколов? Ну помнишь, году в восьмидесятом была такая идея, чтобы кишечная палочка вырабатывала инсулин, но ничего не получилось, потому что вырабатывать-то она вырабатывала, но инсулин в кишечнике расщепляется, а если бы не расщеплялся, так можно было бы его в таблетках выпускать, но он расщепляется...

Нель закурила сигарету и попробовала расфокусировать зрение так, чтобы Костик находился между двумя сигаретными огоньками. Задача оказалась не из легких, потому что Костик подпрыгивал на месте и отчаянно жестикулировал, сбивая прицел. В конце концов Нель отчаялась и откинулась на спинку кресла, попутно представляя, как она метким выстрелом сносит Костику полчерепа. Картина получилась до того натуралистичная, с избытком кровавых подробностей, что Нель чуть было не расплакалась над еще теплым телом. Но тело махало руками, брызгало слюной и блестело глазами, не давая сконцентрироваться.

— Вот смотри, — продолжал Костик. — Берем обычную культуру мышечной ткани, встраиваем инсулиновый ген, помещаем в капсулу из мембраны, и пусть себе производит инсулин прямо в кровь.

— Замечательная идея! А гипогликемию лечить дешевле, ты это хочешь сказать?

— Погоди, ты не дослушала. Поставим регулировку какую-нибудь, ну хотя бы тем же сахаром. Поднимается в крови сахар — начинает производиться инсулин. Или даже без сахара можно. Встроить в капсулу фотоэлемент, а клетки взять не мышечной ткани, а растительные. И подавать световой сигнал.

— Костя, я тебя умоляю, может, тебе фантастический роман написать? Задатки у тебя хорошие. «Световые сигналы...» Это очень красиво выглядит, а на деле тебе твою замечательную капсулу придется регулярно вырезать и новую вшивать. Судя по стандартному биореактору, раз в неделю примерно. Ты считаешь, что операция раз в семь дней лучше, чем уколы?

— Ну ладно, ладно. Не больно и хотелось. Тебе лишь бы задушить в зародыше хорошую идею — и всё, день прожит не зря. Чаю хотя бы нальешь?

Нель вздохнула и поплелась на кухню, сопровождаемая требованиями, наглость которых возростала в геометрической прогрессии: сахар, лимон, мята, коньяк...

— Что у тебя на работе?

— Мы новые капли для глаз сделали. Я предложил их назвать «Слеза ребенка». Представляешь, какую рекламу можно сделать? Выходит Федор Михайлович и говорит, что всеобщее счастье не стоит слезы ребенка, или как там у него было, я уже не помню.

— Ну да, и голос за кадром: «Слеза ребенка. Всего три рубля за флакон!» И что, они согласились?

— Нет, конечно. Тогда я предложил назвать капли «Поглядин». Или, как вариант, «Виднобудин».

— А они что?

— Ничего. Сказали, что взяли меня на ставку научного консультанта, а специалист по рекламе у них и без меня есть. Нелька, возьми меня на работу, надоело мне там смертельно.

— Костя, я могу тебя взять, конечно, но с одним условием: ты на работу ходить не будешь. Мне сейчас гениальные идеи не нужны, а сидеть по десять часов с пипеткой ты не умеешь. Превратишь мне лабораторию в бордель за три дня.

— Почему это в бордель?

— Потому что наших деток хлебом не корми, дай поговорить о бескрайних горизонтах. А я именно так представляю себе бордель: никто не работает, и все постоянно говорят о бескрайних горизонтах. И я уже молчу, что Леночка в тебя влюблена. Так что бордель в данном случае перестает быть метафорой. Представляю себе рабочую обстановочку: в одном углу Андрей с Лешей с пеной у рта обсуждают производство бактерии, которая перерабатывает свинец в золото, в другом углу несчастная Леночка режет вены от неразделенной любви. Причем, заметь, я оптимист: что будет

происходить в этом углу в случае разделенной любви, я даже представлять стесняюсь...

* * *

Результаты последнего опыта превзошли всяческие ожидания, просто насмешка судьбы, честное слово. Экспертная комиссия рассмотрела заявку Комитета и приняла решение тему закрыть. Нель, движимая скорее чувством долга, чем надеждой, подала апелляцию и велела всем не расслабляться и тренироваться на мышах. Только какой толк в мышах, если у них нервная ткань синтезируется, а у человека — нет? Причем похоже, что нервные клетки сами себя защищают от восстановления. Прямо хоть трактат философский пиши, очень поучительно. Напоминает соседа Петю, который в приступе белой горячки начал стрелять по санитарам из рогатки, да так ловко, что двоих уложил. Но третий все равно Петю скрутил и увез в психушку. С нервными клетками так очень долго не получалось, а как только забрезжила крохотная надежда, так тему закрывают. Нель чувствовала себя подростком, которого не пускают воевать, потому что не вышел годами. Говорят, сначала подрасти. А там ведь война закончится, как вы не понимаете, товарищ генерал...

Ну, если уж совсем честно, то официально тему закрыли, но Нель посоветовалась с Диной и решила продолжать. В конце концов, самое страшное, что ей грозит, — это выговор от институтского начальства. Федеральный закон о временном запрете на клонирование принят, но ни в какой кодекс не занесен, поэтому ответственность за нарушение не подразумевается. Ни уголовная, ни гражданская, ни административная. Костя пришел в полный восторг, когда об этом узнал. Ну действительно, закон есть? Есть. Нарушать нельзя? Нельзя. А что будет, если нарушишь? Ничего не будет. Это, говорил Костя, рассчитано на немцев, русским такой закон не потянуть. Между тем в Германии за нарушение закона о клонировании пять лет тюрьмы дают. И где после этого справедливость, я вас спрашиваю?

Нель для надёжности проконсультировалась с юристом и начала планировать очередную серию экспериментов.

* * *

...знаешь, мне иногда кажется, что люди не меняются с возрастом, а всегда пребывают в цельном и неизменном состоянии. Меняются лишь обстоятельства их жизни, меняются зрители и декорации. Свою роль мы выучиваем в детстве, а потом бродим по бесчисленным театрам, просим роль героя-любownika, и тут уже главное — найти подходящую труппу, потому что если ты в костюме лисёнка-недотёпы, то тебе прямая дорога в театр юного зрителя, а во МХАТ тебя могут взять разве что в массовку. Сыграть эпизодическую роль без слов в сцене лисьей охоты. Ну вот, поначалу, конечно, мы жульничаем, устраиваемся в кукольный театр, и это кажется нам, неопытным, прекрасным решением всех проблем, но лет через десять оказывается, что главного режиссера не обманешь.

Так и живем. Мечтаем украдкой о главных ролях или даже о собственной постановке, но потом, поразмыслив, решаем, что овчинка выделки не стоит, каждый сверчок знай свой шесток, каждому овощу свое время. И выходим каждый день ровно в семь ноль пять со своим неизменным «кушать подано». Шлифуем осанку и оттачиваем каждый жест, с каждым годом все ясней понимая, что не бывает маленьких ролей, бывают только маленькие актеры, и это как раз ты и есть, «маленький актер». Но не отчаивайся, тебе уже скоро на пенсию, думать о главном и писать эпический труд «Дзэн на сцене и за кулисами». Потому что мучительная боль лишь добавляет к бесцельно прожитым годам другие, тоже бесцельно прожитые...

* * *

Ну вот спрашивается, сколько можно сидеть перед компьютером и тупо раскладывать «спайдер»? Тошнит уже от него, в глазах темнеет и спать хочется, но ведь нет никакой кровати в воспаленном сознании. Куда прилечь бедному солипсисту, у которого в сознании две колоды да мышшь оптическая, а больше ничего не помещается? А поспать надо, не говоря уже о том, чтобы принять холодный душ и заняться делами. Но об этом даже помыслить страшно. А может, и не страшно, а невозможно помыслить? Может, пора махнуть рукой и честно признаться, что атрофировалось то, чем мыслят? Если даже и было раньше, то за три дня раскладывания «спайдера» точно атрофировалось, вот ты какой, оказывается, спайдермен, с красными глазками и охрипшим от непрерывного курения голосом. И ведь понятно же, что это навсегда. Что всю жизнь теперь сидеть перед экраном и щелкать по ненавистным картам и клясться, что всё, последняя сигарета — и спать. А с утра поехать в бассейн, а после бассейна надеть чистое исподнее, тем более что есть не только чистое, но даже совершенно новое, купленное в Вене за бешеные деньги исподнее, и вообще все белое надеть и — в бой. Вот только последнюю сигарету выкурить... А с утра всё сначала, и, уже открывая глаза, понимаешь, что никакого чуда не будет, а будет все та же бесконечная паутина. Но все равно говоришь себе, что нет, ничего подобного, сейчас только чаю напьюсь и сигарету выкурю.

Позвонить бы Юльке, она бы прискакала тут же, да еще с какой-нибудь затейливой бутылочкой. Ну да, напились бы, конечно, не без того, и голова бы трещала наутро. Но встали бы как миленькие и поплелись в бассейн, переругиваясь из-за того, кому садиться за руль. Даже как бы и не в шутку, почти всерьез переругиваясь. А потом отвезти Юльку домой, чмокнуть в щечку и сказать, что да, солнце, конечно, жди известий с поля непечатной брани, на щите или под столом, по *pasaran, vive la patrie!* И не было бы тогда никакой

возможности позорно дезертировать вот уже третий день кряду.

Хотя в свете последних событий совершенно непонятно, что Юлька скажет про грядущие бои, это ж не просто так бои, абы с кем, это с ее любимым Олегом бои. Они поругались, конечно, но это, в сущности, мало что меняет. И вот непонятно, как умницу Юльку угораздило влюбиться в этого тупого уroda? Ну хорошо, пусть умного и красивого, но все равно тупого уroda. Нель однажды, осмелев по пьяни, прямо спросила: как? ну как? ну не понимаю, ну должны же быть какие-то причины? у него же прямо на лбу большими буквами написано, что ничего хорошего ждать от него не приходится, а может, и небольшими буквами, не такой уж там лоб, чтобы так много больших букв поместилось. А Юлька смеялась и говорила: не знаю, гражданин начальник, все бежали, ну и я побежал, — с ней в последнее время совершенно невозможно разговаривать. впечатление, что если она на секунду перестанет смеяться, то умрет, вот не сходя с места умрет. Так что ну ее к черту, пусть лучше смеется. За последний месяц один раз поговорили серьезно — когда Юлька сказала, что поедет в Италию, может, на год, может, на полгода, как получится. А то что это за переводчик с итальянского, который в Италии никогда не жил? Ну и так далее, у нее, конечно же, миллион причин нашлось, чтобы непременно поехать в Италию. А то, что в Италию она так и не попала в результате, так это как раз неудивительно.

* * *

— Ну ты только представь себе, я охренел совершенно, когда увидел, это же черт знает что такое! Как со мной, так у нее голова болит, а с этим...

— Да что ты бесишься, как будто у нее любовник, мало ли какие фантазии у человека. Скажи спасибо, что резиновый.

— Спасибо!!! Мне кому спасибо сказать — Нинке или вот прямо этому розовому... монстру?

— Чего, такой большой?

— Да уж не маленький! А если она теперь меня с ним будет сравнивать?

— Смотря что за критерий сравнения, сам знаешь. Если интеллект, то не в твою пользу, конечно...

— Очень смешно! Я бы на тебя посмотрел, если бы твоя жена...

Дина не выдержала, оттолкнулась от стола и выехала на стуле прямо в дверной проём.

— Мальчики, что случилось? У меня мышцы дерутся от вашего крика.

— Дина Владимировна, у Андрея уважительная причина: он застучал жену вибратором... То есть с вибратором.

— Дина Владимировна, моя жена, мать моих детей, оказалась шлюхой! А вы меня мышами попрекаете!

— Андрюшенька, у вас же нет детей. И потом, почему шлюхой? Вибратор ей что, платил за любовь?

— А и правда, Андрюшенька, признайся, он ей платит? Тот-то я смотрю, ты галстук новый купил! Женой торгуешь?

— Да пошел ты... Простите, Дина Владимировна, но я Семёнова сейчас придушу.

— Какая вопиющая несправедливость! С вибратором небось боишься связываться, так на мне, на слабеньком, злость срываешь! Дина Владимировна, запомните меня таким и детишкам моим расскажите: мол, сгинул ваш папка во цвете лет, в неравном бою. Не смей! Положи лед на место! Ты меня простудишь! У меня гланды!

— Алешенька, но у вас ведь тоже нет детей...

— Но у меня будут, а вот Андрею жена принесет в подоле резиновых пупсиков... Эй, ты чего? Ты что, обиделся?

— Ты не поверишь, Лёха, он на ножке. Весь такой розовый, и ножка розовая, с пяточкой, с пальчиками, все дела. Как вспомню, так прямо тошнит... И голова кружится... Дина Владимировна, можно я домой пойду? А то у меня стресс, кажется.

— Дина Владимировна, ему обязательно нужно домой, вы же нас сами учили: стресс — мощный канцероген, и еще иммунитет подавляет, вы поглядите, какой Андрюша бледненький! Я его провожу до подъезда, а потом вернусь,

хорошо, Дина Владимировна?

— Плохо я вас учила, молодые люди. Плохо, и не тому. Что, по-человечески не могли отпроситься? Мощный канцероген...

— Так ты всё наврал? Я к тебе со всем сердцем, а ты меня обманул? Да ладно бы меня, ты Дину Владимировну обманул! Эта святая женщина тебе верила, а ты, иуда...

— Дина Владимировна, я не вру, он правда на ножке, меня правда тошнит!

— Это меня от вас тошнит, исчезните оба, немедленно.

* * *

Симпозиум оказался невыносимо бездарным, но чего можно ожидать от студенческого мероприятия с патетическим названием «Морально-этические аспекты клонирования»? Нормальные люди обходят подобные, с позволения сказать, симпозиумы десятой дорогой, и правильно делают, между прочим. Природа мудра, и если она наградила нас безгливостью, то незачем с ней спорить. Кстати, о мудрости этой самой природы все кому не лень говорили. Мол, нечего с природой спорить, природа этого не любит. Это теперь такой боженька, надо полагать, причем до невозможности обидчивый и трепетно заботящийся о своих авторских правах. Нель, конечно, предполагала нечто подобное и лекцию составила соответствующим образом. Мол, дорогие товарищи, мне понятны ваши опасения, но точно так же понятно, что вызваны они недостатком информации. Потому что знаете, что будет, если подойти к первому встречному, хоть бы и не на улице подойти, а в университете (это, к сожалению, неважно), и спросить: а что вы, господин хороший, думаете про клонирование? Хороший господин либо ответит: «Ура-ура, я давно мечтал о бессмертии, давайте клонируйте меня скорее», либо, наоборот, начнет страшно ругаться и кричать, что ученым только дай волю, они сразу какую-нибудь бомбу сварганят. И нарисует апокалипсическую картину вражеской армии из миллиона зомбированных клонов, всех таких на одно лицо, шагающих в ногу. А ведь клонирование мало отличается

от обычного размножения (зал захихикал в этом месте, честное слово, захихикал, мало того что студенты, так еще и первокурсники, не иначе). Точно так же клетка должна попасть в матку и девять месяцев усиленно делиться, пока на свет не появится детеныш. Только у этой клетки очень непростая судьба. Вам, наверное, кажется, что у обычной яйцеклетки тоже судьба не сахар, а у сперматозоида и подавно (а что делать, надо же их как-то развлекать; если уж я сюда приперлась со своими миссионерскими идеями, то надо их нести в народ самым коротким путем), но тут все еще сложнее. Сначала берется яйцеклетка, ну, скажем, мышки Минни. Потом она оплодотворяется сперматозоидом мышки Микки, хотя нам в данном случае совершенно неважно, чей это сперматозоид, но, может, Минни будет приятно, если это будет Микки... В общем, яйцеклетка весело делится, но всего два раза. Потом любознательные ученые в белых халатах берут получившиеся четыре клетки и говорят: ура, у нас есть четыре замечательные стволовые клетки! Что бы нам с ними сделать? И не находят ничего лучшего, чем вытащить из стволовой клетки все хромосомы, выбросить их в мусорное ведро (бедный Микки, он этого не ожидал) и вместо них засунуть другие хромосомы, которые предварительно были извлечены из лапки Минни. Или, например, из хвостика. Ну а дальше клетку засовывают в матку Минни, и через пару недель рождается маленькая мышка. Только Минни не сможет сказать Микки: посмотри, у нее совершенно твои глазки. Потому что мышка будет точной копией Минни в детстве. И знаете, что мы из этого всего учим? Мы учим, что процесс этот сложный и дорогой и никакой практической ценности не имеет. Потому что с тем же успехом можно посадить Микки и Минни в одну клетку и на пару недель поехать в отпуск. А если нам так важно, чтобы мышонок был похож на маму, то можно плюнуть на мораль и вместо Микки посадить в клетку Минниного брата-близнеца. Но представьте себе, что Минни попала в автокатастрофу и ей отрезало хвостик. Или нет, у Минни диабет, и ей срочно нужна почка. Врачам приходится ждать, пока кто-нибудь из Минниной многочисленной семьи погибнет в пьяной драке и можно будет взять почку у него. А

мы усиленно работаем над тем, чтобы взять у Минни ее собственную стволовую клетку и вырастить из нее почку. Честно говоря, клонированием это назвать нельзя, потому что клонирование, по определению, «создание идентичного организма», но так уж сложилось исторически, если мы используем стволовые клетки, то это клонирование, со всеми вытекающими последствиями. А последствия из этого вытекают самые печальные, потому что, как вы понимаете, мышки вместе со своим диабетом нас волнуют мало, а любые эксперименты по клонированию человека в большинстве стран запрещены.

С просветительской деятельностью покончили и с чистой совестью перешли к деятельности агитационной, так что оставшиеся полчаса Нель расписывала дивный новый мир, не жалея красок, а потом грустно сообщила аудитории, что все эти грандиозные замыслы вряд ли увидят свет в ближайшее время. Студенты прониклись бедственным положением несчастных генетиков, сочувствовали, задавали вполне разумные вопросы, и Нель, глянув на часы, решила, что всё, отстрелялась. Но тут-то и начались сюрпризы. Потому что Комитет, конечно же, не мог пропустить такое грандиозное мероприятие, глупо было даже надеяться на такое чудо. И Олег, конечно же, сам приехал, никому не доверил, господи, понять бы еще, что ему нужно. Они вполне вежливо поздоровались и даже пошли вместе обедать. Нель, не выдержав, спросила: Олег, что тебе нужно, у меня паранойя, не иначе, но мне кажется, что ты меня преследуешь. Он вроде даже смутился, покраснел и что-то такое начал говорить, что почему бы ему не преследовать такую очаровательную девушку, но не успел вовремя отвести взгляд и замолчал на полуслове. А через минуту продолжил, другим голосом, и даже с лицом что-то произошло, заострилось, что ли? И глаза пожелтели, и вроде даже запах изменился — ну точно, оборотень! Сейчас шерстью покроется и на луну завоюет. Но нет, на луну выть не стал, а сказал тихо и четко, что при всем уважении, восхищении и симпатии дело, которым Нель по

трагическому совпадению занимается, он считает вредным и опасным. Ну вот представь, если ты увидишь, что подростки с энтузиазмом тычут железным прутиком в сложнейший аппарат, не имея ни малейшего представления, как именно он работает, неужели ты их не остановишь? Или будешь стоять рядом и размышлять, рванет или не рванет? А может, они так удачно прутиком ткнут, что аппарат заработает намного лучше? Так что ничего личного, дорогая подруга моей бывшей возлюбленной, ничего личного.

И всё, больше не разговаривали, просто молча доели обед, хотя Нель внезапно затошнило, в груди похолодело и отчаянно заломило висок. Наверное, еще и побледнела, потому что Олег, скользнув по ее лицу взглядом, кашлянул негромко и спросил: всё в порядке? Может, в аптеку сбегать? Хорошо бы, конечно, в аптеку, но разыграла дурацкая гордость, мол, старая гвардия не сдаётся, так что Нель бодро мотнула головой и мужественно доела. А после сладкого чая с мятой все прошло, и на предложение погулять по городу Нель неожиданно для себя ответила согласием. Гуляли они до ночи, старательно изображая добрых друзей. Тщательно убирали из речи любой намек на враждебность, на двусмысленную шутку, на неясность — одним словом, сразу видно давних врагов. Уже подходили к гостинице, когда Олег вдруг коснулся ее руки и спросил: Нель, ну почему клонирование? Ты же совсем другим занималась после института, я видел «сиви», очень хорошей темой занималась и вдруг все бросила на середине. Ты не похожа на человека, который бросает на середине. Что произошло? Нель потеряла висок — вот ведь паскудство, думала, что прошел, только мигрени сегодня не хватало, — вежливо улыбнулась краешком губ, пожелала Олегу спокойной ночи и ушла, а он остался смотреть ей вслед. Получилось эффектно, прямо как в мексиканском сериале, но смеяться не хотелось, а хотелось как-то добраться до номера и не рассыпаться на мелкие кусочки. Ну надо же, пять лет держалась, и тут нá тебе.

* * *

...Да что ж это такое, Нелечка, вот скажи мне, ну что за напасть? О чем ни начнешь писать, всё одно выходит о любви, хоть ты тресни. Стоит только начать, только первые буквы сложить в слове «вечность» — и лед вроде бы качественный, и сердце переполнено отрешенностью и морозной свежестью, а нет, отвлечешься на одну малюсенькую минуточку, и буквы тут же расползаются. Как бы случайно, как бы рассеяно, как бы ничего такого не замышляя, а глядишь — никакой вечности, одна сплошная любовь. Бренная и суетная. Или вот, скажем, рвется сердце от одиночества, трепыхается в открытом космосе, набухает от ужаса, ну, думаешь, наконец-то. Экзистенция чистая, дистиллированная, лунным светом промытая, висит себе, звезды отражает. А тронешь пальцем, да что пальцем — взглядом неосторожным тронешь, и нет в помине никакой чистой экзистенции, а вместо хрустального звона — мерзкое хихиканье купидончиков. Срам, да и только. Люди добрые, просто боязно умирать: ну как начнешь, а там и смерти никакой нет, и вместо долгожданного реквиема — Мендельсон с Шопеном, попеременно. Ни сна, ни отдыха, ни света, ни покоя, только эти вот бесконечные бабочки в животе трепещут или гусеницы копошатся, это уж от сезона зависит. В окно глянешь, а там весна; техническое пособие откроешь — а там стихи. Что делать? Куда податься? Не знаю...

* * *

День рождения Нель решила не отмечать, потому что настроение поганое, погода отвратительная, да и видеть никого не хотелось. Утром позвонил Володя Александров из экспертного отдела, сказал, что комиссия апелляции рассмотрела и отклонила. Так что теперь остается тихо сидеть и ждать пять лет, когда закон о клонировании потеряет юридическую силу. Никто, правда, не гарантирует, что его не продлят еще на пять лет, но, может, хоть со стволовыми клетками разрешат работать.

Вечером позвонила Дина и сказала, что лаборатория в полном составе сидит у Кости дома и ждет именинницу. Шампанское в холодильнике, курица в духовке, а народ в нетерпении. Так что давай, детка, поторопись, мы все голодные.

— Ура! Неля Александровна, наконец-то вы пришли! А то нас не кормят без вас.

— Не слушайте этого идиота, Неля Александровна! С днем рождения!

— Сам ты идиот, а у меня сахар в крови падает, сейчас кома начнется.

— Ну и отлично, хоть помолчишь немножко. Нелька, это тебе, держи крепче, оно бьется. Светка тебе привет передает и поздравления. Она тебе везет какой-то личный подарок. Говорит, что в нашу складчину она больше не играет, после того как мы Дине Владимировне игуану подарили.

— А хотите, Неля Александровна, я вам Семёнова подарю? Он тоже бьется. Ай! И лягается! Держите его крепче!

— Ну что за наказание, пустите меня к имениннице, обормоты. Нелечка, детка, поздравляю. Прости меня, дуру старую, но я тебе желаю замуж выйти поскорее.

— Все, Нелька, ты пропала! Пожелания Дины Владимировны — это тебе не федеральный закон. Тут апелляции не принимаются. Назначай день свадьбы, а я тебе жениха найду.

— Возьми у меня лучше пальто. Ой как пахнет! Умираю от голода.

— Неля Александровна, осторожно, это не курица, а какой-то мутант. Я ее видел, у нее четыре ноги, а рук вообще ни одной.

— Нет, это у нее такие руки. Просто они растут из жопы и поэтому похожи на ноги. Точно как у тебя.

— Неля Александровна, он меня оскорбляет! А сам вчера электрофорез в другую сторону запустил. У меня хоть руки из жопы, а у него голова!

— Леночка, запри их, пожалуйста, на балконе, а то сил

никаких нет. Где там у вас шампанское...

В два часа ночи позвонил Олег, поздравил с днем рождения и спросил, не хочет ли Нель погулять по городу. Когда? Ну, скажем, через час. Я знаю, что ночь, но ты же все равно не спишь.

Встретились на набережной, и Олег очень торжественно вручил ей розу и еще какую-то коробочку, перевязанную розовой ленточкой. Нель повертела коробочку в руках, а Олег засмеялся и сказал, что у нее такое лицо, как будто она ожидает там увидеть скорпиона. «Я не боюсь скорпионов, — буркнула Нель, — я только людей боюсь», а коробочку сунула в карман и только на другой день открыла, с ужасом думая, что там, наверное, украшение, причем дорогое, и что тогда делать, вообще непонятно. Но оказалось, что не украшение, а золотой «паркер», который стоил, конечно, бешеных денег, но все равно как-то спокойнее, чем украшение.

Нель довольно быстро замерзла, и они зашли в бар выпить горячего чая. О работе не говорили, говорили о какой-то ерунде, о парусных катамаранах, например. Нель даже достала карандаш и пыталась нарисовать катамаран «Альбатрос», но получилось плохо. Потом заговорили о Юльке, и Олег спросил: а вот скажи, ты Юльке никогда не завидовала? Нет, я понимаю, у тебя карьера и все такое, но Юлька-то красавица, как ты с этим справлялась? Ну и потом, это у тебя сейчас карьера, а пятнадцать лет назад никакой карьеры не было. Неужели не ревновала? И на лице такой интерес неподдельный, что даже сам Станиславский поверил бы, и совершенно напрасно. Тоже мне большая лодка, сложные перипетии девичьей дружбы. Понятно же, что за пятнадцать лет чего там только не было, и Нель поймалась поначалу, потеплела, начала вспоминать, но тут уже Олег ошибся, прикоснулся к плечу торопливо и не вовремя. И когда еще только начинал жест, понял, что нет, неправильно, не стóит. Но рука продолжила движение, а он наблюдал за ней растерянно и даже как-то обиженно, вот ведь предательница... Нель вздрогнула, отстранилась, и уже никакого тепла во взгляде, а одни сплошные колющие

льдинки, и ломается карандаш в пальцах, она небось эти карандаши тоннами закупает по оптовым ценам, чтобы потом ломать. Вот и сейчас, повертела немножко в руках, осмотрела внимательно со всех сторон, а потом подняла глаза и сказала тихо: а я, знаешь, женщинам не завидую. Я мужчинам завидую.

Мне иногда хочется быть уже не очень молодым мужчиной, обязательно худым, смуглым, с черными волосами и серыми глазами, носить черные узкие джинсы и серый вязаный свитер, не курить, потому что не хочется, не пить, потому что надоело, любить дайвинг, не бояться вообще ничего, даже фильма «Челюсти» не бояться, быстрым росчерком рисовать на запотевшем стекле фигурки зверей, а потом, воровато оглянувшись, убивать их нарисованной стрелой и идти дальше, пряча улыбку, запрокидывая лицо и ловя губами редкие снежинки, просыпаться среди ночи в непонятной тоске и ехать на другой конец города в такси, не застать никого дома и уйти, оставив на пороге розу, которую я подниму несколько дней спустя и суну в мусорный бак, уколую палец, высосу из него капельку крови, подумаю привычно: господи, как мне все это надоело, лягу спать, не смогу уснуть, поеду на море, постою полчаса на берегу, но так и не решусь зайти в воду, потому что, черт меня побери совсем, какая-то чудовищная несправедливость заставляет меня бояться темной воды, носить бирюзовое платье, не уметь рисовать и всем сердцем ненавидеть снег.

И так карандашом хрустнула, что Олегу даже показалось, что это у него внутри какая-то косточка не выдержала, знаете, как бывает, слабенькая косточка была, вот и не выдержала. А может, и не показалось, может, и правда сломалось что-то внутри, и теперь уже не починить и не склеить. Так и придется дальше жить, руками придерживая. Официант, у вас есть клей? Да нет, что вы, это ошибка, разумеется, я имел в виду коньяк. Двойную порцию, чтобы два раза не бегать.

Конечно, Нелька, я тебя прекрасно понимаю, я сам иногда завидую мужчинам. Они, знаешь, такие мужественные. И вот еще, ты свой карандаш больше не будешь ломать. Можно я доломаю?

* * *

...конечно, нефритовые чётки — это пижонство, самое обыкновенное пижонство, я понимаю, но ведь подарок, не выбрасывать же. Я к ним какое-то время вообще не прикасалась, так они у меня на стенке и висели под кодовым названием «прощальный дар моей Изоры». Потом я их пару раз взяла в руки, но тут же воспоминания ну не то чтобы нахлынули, нахлынули — это же когда много: и оно кааак нахлынет! а тут, знаешь, как будто из поливалки побрызгало воспоминаниями. Но все равно приятного мало. А потом как-то забылось Спасибо склерозу, я про душевные раны забываю даже раньше, чем они заживают. Ну вот чувствую, что болит, а что? почему? Не помню. И с чётками то же самое. Я их перебираю и точно знаю: что-то с ними связано, имеют они какую-то сентиментальную ценность, не просто камушки на ниточке, а вот чтобы подробности вспомнить, уже приходится напрягаться. А напрягаться, как ты знаешь, я не люблю. Знаешь, оказалось, что нефрит отгоняет плохие сны, я такого за ним раньше не знала. И еще: если я их беру в кровать, то мне обязательно снится вода. Надо эти загадочные явления разъяснить, тем более что я пару дней назад познакомилась с очень занятным мужиком. Такой, знаешь, весь из себя, лет шестьдесят, наверное, а может, и больше, тут же все мужики загорелые, как черти, поди разбери, сколько ему там, под этим загаром, лет. То ли историк, то ли алхимик, а скорее всего, обычный шарлатан, но хорош необычайно. Увидел у меня в сумке Марсельское таро и выразил удивление: он-де не знал, что молодежь нынче увлекается таро. Я от «молодежи» растаяла и благосклонно позволила напоить себя кофе. Шарлатан он или честный жулик, я не знаю, но в таро разбирается гораздо лучше меня. Что, впрочем, нетрудно. Короче, он меня пригласил в гости, вроде как показать библиотеку, но у меня смутное подозрение, что это тщательно завуалированное предложение посмотреть испанские гравюры. Конечно, я же боязлива как серна. Меня можно спугнуть неосторожным словом. В общем, не знаю, как там

сложится с соблазнением неопытной меня, но на лекцию о нефрите я его надеюсь раскрутить...

* * *

Нель быстро опьянела, то ли от усталости, то ли просто выпила много. А если честно, то совершенно сознательно напилась, потому что знала уже, чем вечер закончится. Еще в Вене знала, когда Олег спокойным и отрешенным голосом обещал закрыть лабораторию, если при проверке хоть одну стволовую клетку найдут в инкубаторе, а глаза горели тем самым огнем, отсветы которого Нель ловила иногда в зеркале. За одну искорку этого пламени Нель брала человека на работу, не интересуясь ни образованием, ни стажем работы. И в друзья брала, не глядя ни на что — ни на верность, ни на честность, — а с остальными не о чем было разговаривать, Нель и языка-то их не понимала. Юлька говорила, что если КГБ когда-нибудь решит выловить инопланетян с зелеными антеннами на голове, то им останется всего лишь повязать Нелину лабораторию и близких друзей. Только я одна среди вас нормальная, смеялась Юлька, ну или хотя бы могу притвориться нормальной. А человек, который может притвориться нормальным, и есть нормальный, потому что это как раз и есть норма, а другой нормы и быть не может. Если пытаться действительно стать нормальным, то дело закончится либо дурдомом, либо язвой желудка. Попадаются, конечно, идеально здоровые люди, ничего их не берет, так этим приходится спиваться или с парашютом прыгать в тайной надежде, что он не раскроется... Юлька часами могла нести подобную чушь, обычно приходилось бросать в нее каким-нибудь предметом. Не очень легким, а то попросту не заметит, но и не очень тяжелым, потому что, увлекшись затейливым словесным узором, опять-таки не заметит. Пару лет назад Юля в полубреду собственного монолога не заметила летящей в нее зажигалки и неделю потом щеголяла синяком на скуле, на недоуменные вопросы с удовольствием отвечая, что это ее любимая женщина побила, но она не

обижается. Бьет — значит, любит, правда ведь?

В общем, пришлось, конечно, напиться и прикинуться, что случайно, я не хотела, он сам пришел и воспользовался моим беспомощным видом, то есть родом, то есть телом. Осталось только понять, перед кем прикидываться, потому что перед собой — глупо, да и не получится все равно. А перед Юлькой тем более глупо и тем более не получится. Но коньяк тем и хорош, что можно совсем ни о чем не думать, а просто наблюдать, как собственное тело постепенно теряет вес и очертания и парит где-то там, под потолком, — так, наверное, чувствует себя высокотемпературная плазма; и уже всё вокруг неуклюже несется, как спотыкающийся конь о четырех ногах, а он целует холодными губами; нет, не конь, чего вы придираетесь, в самом деле? Очень странно, руки горячие, а губы холодные, вегето-сосудистая дистония, наверное, кровь до головы не доходит, это многое объясняет, вот ведь какая чушь думается, а он спрашивает: как ты хочешь? демократ хренов, как я хочу? дай подумать; я как-нибудь так хочу, чтобы ты лабораторию мою оставил в покое, как мне лечь, чтобы так получилось?

И такое у него лицо стало, что Нель зажмурилась и даже руку вскинула. Не ударил, нет, и не ушел, но дальше уже молчал, а Нель так глаза и не открыла. Как-то очень было понятно, что ничего хорошего она не увидит. Олег так сжимал ее затылок, что шея потом несколько дней болела и голова не поворачивалась, особенно в сторону компьютера. И даже когда не шевелилась совсем, а всего-навсего вспоминала, что надо Юльке ответить, так сразу начинала невыносимо болеть шея. Просто чудеса физиологии, да и только. Сдайте меня в поликлинику, люди добрые, для опытов, а то не очень понятно, как быть, если не в поликлинике.

* * *

...Он продолжает таскать мне тортики, я скоро не влезу в любимые брюки. Как бы ему намекнуть тактично, что пора уже переходить к семейным драгоценностям, а то у меня

гастрит начнется. Но самое ужасное, что не есть эти чертовы тортики невозможно. И я чувствую, когда Франсуа не приходит, что мне чего-то не хватает. Слюна выделяется почему-то...

Вот так живешь, считаешь себя высокоорганизованным интеллектуальным индивидуумом, а условные рефлексy между тем никто не отменял.

Вообще Франсуа мне нравится. Во-первых, он каждую среду встречается со своим психотерапевтом. Я сначала думала, что это такой эвфемизм, но оказалось, что никакой не эвфемизм, а банальный психоанализ. Во-вторых, у него совершенно отсутствует чувство юмора. Загадка. Даже, я бы сказала, тайна. Уходящая, как он говорит, своими корнями далеко в детство. Или если корнями, то глубоко? Неважно, для нас ведь главное — это проблема, чем серьезнее, тем лучше. В идеале, конечно, кризис экзистенции в целом, депрессия и рыдания по ночам в подушку, но над этим еще работать и работать. Потому что здоровый организм берет свое, зараза такая, никакого с ним сладу.

* * *

Послушай, ты можешь поговорить с Леной? Она меня изводит, я уже боюсь к вам в лабораторию заходить. Да не флиртовал я с ней, один раз в кафе сходили, но мне же в голову не пришло, что она это воспримет как признание в любви. Ну, ты права, я сам дурак, но трудно удержаться — молодая красивая баба смотрит влюбленными глазами и ресничками хлопает: «Константин Аркадьевич, пригласите меня на чашку кофе, а то я кошелек дома забыла». Ну, я пригласил. А она кофе выпила залпом, чашку в сторону отставила и говорит, что мы с ней должны быть вместе, она ходила к гадалке, так гадалка ей сказала, что мы должны быть вместе. Наш брак заключен на небесах, жену свою я не люблю (это ей тоже гадалка сказала), но бросить не могу: мне ее жалко. А то, что у нас своих детей нет, так это знак, что брак заключен не на небесах, а в загсе.

Своих детей! Нашла, понимаешь, самый короткий путь к

моему сердцу, вот ведь дура, прости господи!

Я попробовал ее образумить, но она ж не слушает ни черта, талдычит, как попугай: «Конечно, вы человек порядочный, вы ничего другого сказать не можете, а когда я вам рожу сына, тогда поговорим». Нель, я тебя умоляю, поговори с ней, она же нам домой звонит каждый вечер. Светка сначала смеялась, а теперь злиться начала. Говорит, что я ее поощряю, потому что ни один человек в здравом рассудке не станет обрывать телефон, если его не поощряют.

Где она нашла здравый рассудок, интересно?

* * *

Мы с Андреем придумали вчера сюжет для фильма. Можно его продать за бешеные деньги в Голливуд. Вот послушайте. Просыпается человек в больнице, а у него амнезия. И помнит он только то, что у него раздвоение личности. У второй личности тоже амнезия. И вот они пытаются разобраться, кто из них герой, а кто — злодей. При этом каждый уверен, что злодей — он, но все-таки надеется, что нет. Начинают шпионить друг за другом, ну, там, камеры ставить, перед тем как заснуть... У обоих — паранойя; а потом постепенно они выясняют, что у них еще и пол разный. Такой смутно выраженный, но все-таки разный. И вот однажды в порыве гнева они неожиданно для себя трахаются и понимают, что на самом деле любят друг друга, прямо жить не могут, так любят. У них рождается малыш. Без амнезии. Он смотрит по сторонам, думает: фигасе, проблемы с жилплощадью. И мочит родителей, а сам при этом жив остается. Как это у него получилось, я пока не знаю. Может, пусть он будет гениальный нейрохирург, и тогда он сам себе перед зеркалом делает операцию, вырезает родителей из мозга и бросает их в мусорное ведро с таким видом, что вот, мол, я сверхчеловек, а вы все говно. Но потом у него начинаются страшные головные боли, просто страшные, и кошмары по ночам. Ему мерещится, что из мусорного ведра два голубка вылетают и прочая гуманистическая хрень. А он уже ступил на темный путь, ему теперь одна дорога, так он,

значит, крадет известного психоаналитика и запирает его в подвале со своими чудовищами. А психоаналитик — тот еще жук, у него вообще никаких представлений о профессиональной этике нет, ну ни капельки. Так он нашему герою внушает, что это всё его фантазии и не было никаких родителей с раздвоением личности, а были у него самые обыкновенные родители, на каждое тело по личности, без изысков. И герой, хотя что мы его всё герой да герой, пусть будет, ну, скажем, Вася. Так вот, Вася не мог простить родителям их примитивной нервной организации и еще того, что они денег ему на учебу не давали и ему пришлось стать ассенизатором. Так он мало того что родителей стыдился, так еще и себя стыдиться начал. А в качестве последней капли он влюбился, а любимая девушка ему сказала, что ты, Вася, конечно, прелесть и лапочка и я тебя страшно обожаю, но меня дядя Вова замуж зовет, а дядя Вова известный нейрохирург, и денег у него больше, чем у тебя на работе говна. Ну, Вася, значит, заплакал, посмотрел в словаре, кто такой нейрохирург, потом словарь в печке сжег и спать пошел. И вся эта бодяга с вырезанием родителей из мозга ему попросту приснилась. Так ему во сне психоаналитик объяснил. Зато, говорит, Вася, ты теперь от родительских сценариев освободился, пусть даже и с помощью таких кровавых метафор, так что ты теперь личность свободная и независимая, давай-ка, дружок, просыпайся и ступай учиться на нейрохирурга.

И вот, значит, Вася просыпается утром в своей постели, психоаналитика никакого в подвале нет, но непонятно, то ли это он голову Васе заморочил и сбежал, то ли не было никакого психоаналитика, а был один сплошной ночной кошмар. Смотрит по сторонам, а с ним в постели лежит его любимая, причем постель не абы какая: простыни шелковые, над кроватью полог и пахнет лавандой, а где вы такого ассенизатора видели, чтобы он лавандой пах? Он к любимой прикасается, она потягивается, плечико у нее обнажается, и он смотрит на это плечико как замороженный. А она ему говорит: Владимир, супруг мой ненаглядный, пора вставать, а то у тебя операция в десять, и мне тоже пора вставать, ты же вчера ассенизатора вызвал, что-то там с трубами во дворе... И тут

врывается в спальню их сын и мочит обоих из пистолета. Он бросил университет и пошел в ассенизаторы, а родителям сказать боялся. Сегодня он как раз должен был прийти к ним чинить трубы во дворе, тут бы все и раскрылось. А он очень добрый мальчик, ему сама мысль невыносима, что он родителей чем-нибудь огорчит. Ну и решил пристрелить их обоих, чтоб не расстраивались. Мне кажется, хороший фильм мог бы получиться. Жизненный.

* * *

...он гадает по колоде Кроули, а у меня с ней сложные отношения. Хорошие, но сложные. Если с колодой Уайта у меня долгий и счастливый брак, надежный и скучноватый, как большинство известных мне счастливых браков, то колода Кроули — любовник, с которым встречаешься раз в три года, проводишь незабываемую ночь и расстаешься утром со смешанным чувством счастья, растерянности и отвращения. Я ей не доверяю совершенно, но она никогда меня не обманывает. Хотя чувство юмора у нее специфическое, ничего не скажешь. Вчера, например, выпадает мне Разрушенная башня. Этьен смотрит на меня с обеспокоенным видом, как и положено настоящему Другу и Учителю, а я ему говорю, что, мол, ничего страшного, это, наверное, мой любимый семенит ко мне на кривеньких лапках любви. Друг и Учитель удивился и высказался в том смысле, что не может такого быть, чтобы Разрушенная башня — да к скорому свиданию с любимым. Ха, это он просто не знает моего любимого! Потом Друг и Учитель поведал, что действительно, некоторые интерпретируют Разрушенную башню как эрегированный член, хотя лично он склонен считать, что все-таки не «эрегированный член», а «накрывание эрегированным членом» (о сколько нам открытий чудных готовит коллективное бессознательное).

Как бы то ни было, колода Кроули, как всегда, оказалась на высоте (на высоте разрушенной башни, хе-хе), и сегодня утром, закинув Сеть, я извлекла из морской пучины дохлого голубя, а в клюве того голубя — бутылка из-под портвейна, а в

бутылке той — письмо, а в письме том — буквы. Если буквы эти прочитаешь, тут Василисе Прекрасной смерть и наступит.

В общем, ты уже поняла, что приезжает Олег, а я жду его с нетерпением загипнотизированного кролика...

* * *

Из пункта А в пункт Б вылетел пассажир. Неизвестно, с какой скоростью, но это и не важно, потому что пассажиру хотелось как можно быстрее покинуть пункт А и забыть его как страшный сон. По мере отдаления от пункта А пассажир очень явственно ощутил, что прибывать в пункт Б ему совершенно не хочется. Можно, конечно, угнать самолет и улететь куда-нибудь, ну, скажем, в нейтральный пункт Ц, но это ведь мало что изменит. Такие вот условия. А в задаче между тем спрашивается: какого черта уважаемый пассажир полетел самолетом? Мог бы поплыть на пароходе и три дня болтаться между пунктами А и Б, кормить чаек, пить виски на верхней палубе и ни о чем не думать. Хорошо Одиссею, думал пассажир, сосредоточенно глядя в иллюминатор и убеждаясь, что пункт А остался далеко позади, а мне от Цирцеи до Пенелопы рукой подать, как от Сциллы до Харибды, спасибо техническому прогрессу, черт его подери совсем. На этой оптимистической ноте пассажир заказал водки с томатным соком, выпил его и заснул, отказавшись от обеда. Лететь до пункта Б ему оставалось два с половиной часа.

* * *

...Картина «Возвращение в сераль», первоначально задуманная как батальное полотно, ну или хотя бы панно, на поверку оказалась книжкой-раскраской «Веселая поллитрочка». Пара страничек развернулась было в батальное полотно, но тут же свернулась в панно, потому что тяжелые предметы очень быстро закончились и обошлось, к сожалению, без увечий.

По итогам ночи решено, что если каждый будет отвечать за свои слова, то это черт знает что такое может получиться, так что этим путем мы не пойдём. Другого, правда, нету, но этим мы не пойдём. В свете последнего решения я собираюсь некоторых окружающих меня прекрасных существ убить как-нибудь безболезненно, а на суде потом скажу, что больше не буду...

...Во сне брожу по снежным вершинам и в происходящее не вмешиваюсь: во-первых, пусть себе идет как идет, а во-вторых, у меня все равно нет скальпеля, у меня только альпеншток. Хороша бы я была со скальпелем в горах...

* * *

— Дина Владимировна, мы с Андреем одну реакцию делаем, у него получается, а у меня — нет. Это что значит?

— Не знаю, Лёшенька. Наверное, месть богов за твою болтливость.

— Ничего себе! Я молчалив и сдержан, это Андрей всё время разговаривает. Почему боги ему не мстят?

— Ну, возможно, они целились в Андрюшу, но промахнулись.

— Точно! Промахнулись, потому что он слишком мелкая фигура для божественного гнева, они его и разглядеть-то не могут.

— Зато у меня опыт получился. У меня всегда всё получается, потому что я работаю, а ты в это время крутишь задницей перед богами, чтобы они твою крупную фигуру разглядели. Помыл бы лучше посуду, сегодня твоя очередь.

— Я не могу, у меня рука болит. И вообще сколько можно мыть посуду, когда я уже проснусь знаменитым?! Вот ты, Андрей, хотел бы проснуться знаменитым?

— Я? Я хотел бы проснуться поздно, часов в одиннадцать, и чтоб Нинка была дома, а то она на выходных работает уже второй месяц, черт знает что, а не семейная жизнь.

— Ты тупой обыватель, Андрей. У тебя нет ни капли фантазии!

— Зато у меня есть мозги. Знаешь, почему люди дружат? Они ищут в партнере качества, которых им самим не хватает.

— Дина Владимировна, скажите ему, чтоб не дразнился! Почему он дразнится? Я тогда не буду мыть посуду, раз он дразнится. И вообще пора мне менять специализацию, засиделся я на одном месте. Займусь этологией лабораторных животных.

— Ты что, совсем офонарел, придурок чёртов?! Дина Владимировна, извините, Семёнов мне мышью бросил за шиворот! Я его прибью сейчас и в кунсткамеру сдам, пусть уже найдет свое место в жизни, в конце концов.

— Знаете, молодые люди, для кунсткамеры вы еще пока слишком живенькие. А вот в цирке вас вполне можно показывать. Ну и меня заодно. Я буду демонстрировать чудеса выдержки и самообладания.

* * *

Зашли когда-то с Юлькой в гости к Свете и Костику, но в итоге получился девичник: Костик пошел Ваську укладывать и заснул, а Васька через полчаса вышел в кухню и сообщил, что папа спит, а Васик не спит, Васик хочет писать и хлебушка. В итоге Ваську уложили, а Костика решили уже не будить. Пили вермут, говорили про всякие девчачьи радости, проголодались и взялись жарить блины. Юлька рвалась ехать за икрой, но согласилась на сметану с вареньем. Света долго смотрела на блин в тарелке, а потом расплакалась и рыдала у Юльки на плече до рассвета. Да нет, ничего особенного, просто пьяная истерика: на морде морщины, волосы седеют, муж не любит, и вообще, жизнь кончена, а другой не будет. Свету уложили спать, а сами пошли гулять по набережной, и Юлька непривычно долго молчала, а потом сказала: знаешь, я, наверное, урод. Мне стареть нравится, у меня такая красивая морщинка есть, на ключице, хочешь, покажу? Нель долго морщинку разглядывала, водила по ней пальцем и даже поцеловала, сказав при этом, что действительно, никогда в жизни ничего красивее не видела. Юлька покосилась на нее

подозрительно, но Нель безмятежно улыбалась и рылась в сумке в поисках шоколадки. Шоколадки в сумке не оказалось, и они молча просидели на парапете до рассвета, бросали камешки в воду и думали каждая о своем. А может, и нет, может, об одном и том же думали, но теперь ведь уже и не вспомнить.

* * *

Нель просидела в лаборатории до шести утра. Писала никому не нужный отчет, навела на полках никому не нужный порядок, а под утро даже начала никому не нужный опыт. Несколько раз ложилась на раскладушку и пробовала заснуть, но безуспешно. В пять часов сорок восемь минут по московскому времени пришло письмо от Олега. Знаете, как бывает: заглядываешь в почту каждые пять минут, нет, конечно, никаких писем не ждешь, просто так, от нечего делать заглядываешь. Потом раскладываешь пасьянс на желание. Письмо? Да нет, при чем тут письмо, мало ли какие желания у человека. Ну вот, например, хочу, чтобы потеплело завтра. А то невозможно так жить, когда на дворе собачий холод, хочется лечь и умереть или хотя бы заснуть навсегда. Потом носишься по комнате в поисках пятого угла, варишь кофе, роняешь чашки, вытираешь пыль, рыдаешь над какими-то стихами в интернете, куришь, пишешь пять разных писем Юльке и все стираешь, и вот тут совершенно неожиданно приходит письмо. Так сказать, вдруг. Сюрприз, так сказать.

Нель отвернулась от экрана и несколько минут внимательно разглядывала допотопный учебник генетики, неизвестно какими судьбами попавший на ее стол. Потом вздохнула и щелкнула мышкой.

*Уважаемые господа,
в данный момент я нахожусь в отпуске и не имею
возможности отвечать на письма.
Спасибо за интерес, проявленный к моей работе.*

* * *

— У тебя уставший вид, — сказал Костик, наливая коньяк в стакан и делая большой глоток, — ты много работаешь, мало спишь и совсем не гуляешь. И куришь, ты слишком много куришь. Если бы я столько курил, я бы уже умер. А так — посмотри на меня, я в отличной форме. — И запустил стаканом в стену. — Эта сука вчера мне сказала, что беременна. От меня. — И потянулся за вторым стаканом.

Нель понимала, что надо бы, конечно, удивиться, вскинуть брови, вытаращить глаза, закричать: «Ты что, с ума сошел!», схватиться за голову, но сил не было. Даже нервно дернуть веком и то не вышло. Пришлось срочно искать и извлекать на свет внутренние ресурсы, но и внутренних ресурсов хватило только на то, чтобы отобрать у Костика стакан и закурить, подумав при этом, что действительно, нельзя же столько курить, я слишком много курю, и поэтому я уже давно умерла. Костя клялся и божился, что с Леной не спал. Как-то всё странно: с одной стороны, он не врет, вообще никогда не врет, даже когда очень нужно. А с другой стороны, Лена очень уж уверенно держится, а ведь еще месяц — и можно делать генетическую экспертизу. Это вам не по группе крови определять отцовство, там стопроцентная точность, не может ведь она не понимать.

— А она это объясняет непорочным зачатием?

— Говорит, что я спал. Помнишь твой день рождения, ты у нас отмечала, а Светка с Васиком уехали к тёще в Питер. Тебе тогда кто-то позвонил, и ты ушла в ночь, вся такая загадочная, а Лена, Андрей и Леша остались. Я утром проснулся, а эта коза рядом со мной спит. Ну, я их быстренько выставил, а она в дверях задержалась, обернулась и что-то сказала, то ли она эту ночь не забудет, то ли мы оба эту ночь не забудем. Что-то такое.

— Ну так, может, ты напился и был в беспамятстве, а она тебя изнасиловала?

— Нелька, ты же со мной три года жила, сама ведь жаловалась, что я пьяный вообще никуда не гожусь.

— Так теперь молодежь знающая, не то что я. Может, есть какие-нибудь секреты. Или она тебе каких-нибудь шпанских мушек в коньяк сыпанула. Или «Виагры».

— Конечно, тебе смешно, а мне что делать?

— Пока ничего. Подождем месяц, я думаю, что она врет, а от экспертизы в последний момент откажется. Тогда пошлешь ее торжественно на хуй — и все дела. Я ее уволить, конечно, не могу, но могу отстранить от работы, она не выдержит, я ее знаю.

Ну почему как только попадется по-настоящему талантливая девка — так обязательно психопатка?

— Ладно, будем ждать. Мне самому, честно говоря, все равно. Это не мой ребенок, даже если она меня действительно тогда изнасиловала. А Васик — мой, хоть у него и нет моих генов. Но я его хотел, и ты же помнишь, как он сам меня выбрал. Я ему палец протянул, а он схватил этот палец и смотрит на меня своими глазами. Светка засмеялась и говорит: «У него твои глаза. А нос — нет, нос моей мамы». Так мы его и родили.

— Нашел кому рассказывать. А кто вас встречал с цветами? Иван Федорович Крузенштерн? Давай за Ваську выпьем, что ли. А то мы как-то некультурно сидим, без тоста, под конфетку...

* * *

— Я сегодня Олега встретил в универе, он сказал, что ездил к Юльке на неделю, а через месяц собирается еще раз, уже на полгода. Ему предложили в Марсельском университете курс провести, и он согласился, а теперь они спохватились, что студенты английского не знают. Так что либо всё отменится, либо будет читать лекции с переводчиком. Удовольствие ниже среднего, я когда-то пробовал.

Он о тебе спрашивал. Нелька, скажи, у вас что-то было?

— «Что-то»! Где ты таких слов набрался? Не было у нас чего-то, отстань от меня. Не смотри так, займись своими делами. Лена, между прочим, сделала анализ околоплодных

вод, не отказалась. Результат через две недели, но я звонила в лабораторию, мне обещали сделать за три дня. Ты поезжай к ним прямо сегодня, сдай кровь. Слушай, а может ее убить? Ядом или проводку где-нибудь испортить. Отправим тебя в командировку, а меня никто не заподозрит.

— Это ты теперь так шутишь? Когда уже Юлька вернется, тебе нельзя без нее надолго оставаться, ты с ума сходишь. И потом, не драматизируй, ничего страшного не происходит. Самое страшное, что мне грозит, — это алименты. Неприятно, конечно, но не смертельно. А Светка пару тарелок разобьет и успокоится.

* * *

...я тебе, Нелька, всегда ужасно завидовала. Мне казалось, что ты такая независимая и ничего-то тебе ни от кого не нужно. В хорошем смысле. Дают — берешь и спасибо говоришь. Не дают — бровью шевельнешь и дальше идешь. Я же помню, ты с Костей встречалась и влюблена в него была, мне так казалось, по крайней мере, и он загулял где-то, вернулся через три дня, к тебе не пошел, сразу ко мне. Плакал, говорил, что ты его выгонишь. И мы к тебе вместе отправились. Чтобы я тебя смешить начала, а ты тогда не сможешь разозлиться, такой вот гениальный план. Ну вот, мы пришли, а ты, оказывается, вообще не заметила, что его три дня не было. Схватила за руку и начала что-то тараторить на этом вашем варварском наречии: триплеты, кодоны, трансляция белка... Костя сначала обрадовался, что всё обошлось, а потом задумался. А я чуть от зависти не умерла: у меня же если любовь, так я в этой любви с головой. Потом уже только до меня дошло, что у тебя так же, только любишь ты свою работу. Я никогда тебе в лабораторию не звонила, потому что к телефону подходил совершенно незнакомый человек, который имя моё откуда-то знает, но с этим именем у него ничего не связано. Знаешь, почему алкоголизм так тяжело лечится? Потому что это такое раздвоение личности, пьяная и трезвая субличности никогда не пересекаются и

вообще друг на друга не похожи. Так и у тебя. Я помню, как разговаривала с тобой когда-то утром, ты жаловалась, что на работу идти не хочется и как бы так до вечера дожить, чтобы время побыстрее прошло. А вечером того же дня сказала по телефону, что вот черт, день так быстро закончился... Мы еще потом это обсуждали, и ты сказала, что если человек утром с удовольствием идет на работу, а вечером с удовольствием возвращается домой, то, значит, у него нет ни нормального дома, ни нормальной работы. Почему-то это нам тогда казалось очень смешным...

* * *

— Дина Владимировна, у нас плохие новости. Мне сегодня звонили из института генетический анализ готов. Это Костин ребенок, никаких сомнений.

— Лена знает?

— Нет еще, официально анализ будет готов еще через две недели. Но она-то знала с самого начала. А я так надеялась...

— Ты Косте позвонила?

— Не хочу по телефону, лучше поеду к ним вечером. А вы как себя чувствуете?

— Ты в детстве слушала пластинку «Доктор Айболит»? Ирочка очень любила, и Женечка тоже слушает с удовольствием. Так там Айболит дает больным мартышкам яблоко и ставит им градусник. И спрашивает их жизнерадостным тенором: «Ну как вы теперь себя чувствуете, мартышки?» А они ему отвечают слабенькими такими голосочками: «Нам уже почти совсееем хорошо...» Так и мне, уже почти совсееем хорошо. Температура упала, а горло еще болит. Статьи пока не прочитала, ты уж извини.

— Да черт с ними, со статьями. Никуда не денутся. Болейте спокойно, нам теперь спешить некуда.

* * *

...Ты меня просила расклад таро на прошлое-настоящее-будущее. Вот что у меня получилось:

Прошлое — Отшельник. Можно даже не толковать, и так все понятно. Мудрость, одиночество, рациональное мышление. Я бы еще добавила: замедленный обмен веществ, что, кстати, объясняет, почему ты постоянно мерзнешь.

Настоящее — десятка мечей. Спешу тебя обрадовать: эта карта обозначает полный пиздец. Я даже с перепугу вытащила карту на состояние здоровья, выпал Маг, и я расслабилась. Но десятка мечей — одна из самых мрачных карт в колоде. Тем не менее я ее люблю: она настолько плоха, что хуже и быть не может, а значит, будет лучше. Так что прорвемся!

Будущее — пятерка жезлов. Это значит, что тебе придется разобраться, чего ты хочешь и чего хотят от тебя другие. Определить цель и участников игры.

И вот еще что. На прошлое тебе выпал старший аркан, а на будущее и настоящее — ситуационные карты. Я бы это интерпретировала так: прошлое волнует тебя гораздо больше, чем настоящее и будущее. Я, кстати, давно собиралась тебе это сказать, но всё не представлялось случая.

Я тебя очень люблю и постараюсь на следующей неделе приехать на пару дней, тем более что Олег тайком от меня расплатился с моей квартирной хозяйкой за целый квартал, а потом еще рассовал целую кучу денег по книжкам, косметичкам, ящичкам и шкафчикам. Я уже нашла двести евро и боюсь, что это только начало. Приятно, что он так дорого ценит мои нервные клетки. Нелечка, солнышко, когда ты уже научишься их восстанавливать, а то у меня скоро ни одной не останется.

Целую тебя нежно...

* * *

Тем временем объективная реальность, данная Нель в ощущении, внушала серьезные опасения. Причем Нель даже не

могла с ходу оценить, что же ее больше тревожит: сама реальность или неадекватность собственных ощущений. Окружающий мир бился в истерике и рассыпáлся на невротичные осколки, которые скандалили, уезжали на вокзал, хлопнув дверью, пили без продыху, с тяжелым вздохом говорили «ты меня не любишь» и со слезами на глазах признавались «я тебя не люблю». У них болели родители, капризничали дети, а что самое ужасное — их всех когда-то научили буквам и цифрам. Поэтому они писали длинные душераздирающие письма, а в промежутках набирали номер телефона.

«Бедный окружающий мир, — думала Нель, поднимаясь по знакомой лестнице, — мне тебя очень жалко, я бы тебя даже погладила по загривку, но боюсь, что ты меня укусишь: у тебя пена на губах, безумные глаза и судорожные движения, смахивающие на агонию. Я думаю, что пора пристрелить тебя из жалости, мой дорогой и любимый окружающий мир, и создать новый, на этот раз на трезвую голову, учитывая все недостатки предыдущего. А если дивный старый мир не хочет, чтобы я его пристрелила, то пусть сам куда-нибудь уйдет и заберет с собой все свои гвоздики для забивания в мозг, иголки для втыкания под ногти, щипчики для выдирания волос, дыбу, и вот эту вот веревочку с узелками для памяти тоже пусть заберет, а то я за себя не отвечаю».

* * *

Света не поверила, конечно, ну а кто бы поверил? Вот вы бы поверили? Дорогая, эта женщина от меня беременна, но я здесь ни при чем. Раньше хоть можно было свалить на другого, мол, с чего вы взяли, что от меня? Она сама говорит? Мало ли что она говорит, говорите и вы... Но генетическая экспертиза не ошибается, Нель это прекрасно понимала, поэтому утешать Свету не решилась, а просто затащила ее домой, напоила вином и неожиданно для себя рассказала про Олега. И про то, что не знает, как теперь с Юлькой встретиться, и про то, что жалеет ужасно, ну не то чтобы жалеет, но вот понимаешь,

Светочка, помутнение, обычное помутнение, знаешь ведь, как это бывает...

— Теперь уже знаю, — мрачно ответила Света. — Трах-бах, помутнение, шел, упал, очнулся — ребенок. — Помолчала немного и добавила, что собирается подавать на развод.

Нель убеждала, доказывала, кричала и топала ногами, но без особенных успехов.

— Мне плевать, — сказала Света, — что он с ней переспал, мало ли что бывает по пьяни. Но то, что он мне врал три месяца... Я ему говорила, еще когда мы только познакомились, что могу простить все, кроме вранья. Костя тогда смеялся и говорил, что пытаться понять женщин — напрасный труд. Вроде как он тебе признавался в измене, а ты кричала, что ничего не хочешь знать и пусть в следующий раз врет, что ходил в библиотеку.

— Я помню, — улыбнулась Нель, — мне казалось, что он специально изменяет, чтобы потом об этом рассказать. А я тогда свое получила: вернулась как-то из библиотеки, а он на меня кидается как ненормальный. Где была, спрашивает. В библиотеке была, говорю. Он меня чуть не убил... Но ты зря так бурно реагируешь, подожди хотя бы пару месяцев, в таком состоянии нельзя принимать решения.

— Знаешь, Нелька, это не я принимаю решение. Это Костя принял решение, когда соврал. Может, для него важно иметь своего родного ребенка, я же не знаю...

— Ну знаешь, мать, ты просто фантастическая дура! У тебя вообще глаза есть? Попробуй только подать на развод, я с тобой разговаривать перестану. Господи, почему ты окружил меня такими идиотами? В мире ведь столько умных людей...

* * *

Нелечка, ты знаешь, мне после родов такие сны кошмарные снились. Что Ирочка выпала из окна и я смотрю на нее сверху, она летит и мне улыбается, а я ничего не могу сделать. Невообразимый какой-то ужас. Или что ее разрезало пополам, я держу ее в руках, а она еще даже не успела почувствовать,

смотрит на меня, моргает.

Я по врачам ходила, мне какие-то травки выписывали — а что делать, я же грудью кормила. А потом Михаил Семенович мне сказал: «Дина, ты знаешь, что наша дочь когда-нибудь умрет? И мы ничего не можем с этим поделать. Она ходит, улыбается и ни о чем не подозревает, но она умрет». Я тогда несколько дней рыдала, даже молоко пропало, еле-еле в себя пришла. Но кошмары закончились.

Вот только недавно очень похожий сон приснился про Женечку.

Михаил Семенович надо мной смеется. Обещает выстроить фамильный склеп. Вот гонорар получит и выстроит, а без второй машины обойдемся, говорит.

Но ты знаешь, смех смехом, а я бы хотела иметь фамильный склеп. Приходить туда, детей приводить. Чтобы все близкие в одном месте лежали. С живыми так не получается, они вечно разбегаются как тараканы, кто в отпуск, кто в командировку или вот как Юлечка — куда глаза глядят. Так хоть бы за мертвыми по всему кладбищу не скакать... Только не вздумай Михаилу Семеновичу рассказать, он меня тогда вовсе со свету сживет. В этот самый склеп прямиком.

* * *

Неля Александровна, посмотрите, пожалуйста. Мне кажется, получилось. Третий раз подряд получилось. Помните, мы говорили о том, чтобы гормон заменить? Так я гормоны менял, штук пять перепробовал, а потом зашел Константин Аркадьевич, посмотрел мою тетрадь, кофейник зачем-то нарисовал и говорит: «Вы клеткам создаете идеальные условия, а в идеальных условиях никому не нужно ткань восстанавливать. Попробуйте их чем-нибудь шокировать». Мне смешно стало, что, спрашиваю, станцевать им на столе стриптиз? А он даже не понял, что я шучу, задумался на минуту и сказал, что нет, лучше не стриптиз, лучше поставить их в заморозку на несколько минут, в минус семьдесят. Или, наоборот, высокую температуру дать, но тогда на пять секунд,

не дольше. Ну вот, он ушел, а я попробовал низкую температуру, и все получилось, посмотрите сами, образец под микроскопом — это линия КР56.

А что мы теперь делать будем? Мы же нелегалы, даже статью написать нельзя. Можно было бы в «Nature» написать. Может, все-таки напишем? Контрабандой? Под покровом ночи? Вы с Диной Владимировной будете текст набирать, а мы с Лешкой вас прикроем. Ну а Лена будет маркитанткой, я думаю. Вот вы сейчас скажете, что я шут гороховый, у вас такое лицо, я же вижу, а я не шут, я просто очень рад, вот у меня и звенят бубенчики. Я за неделю чуть было не лопнул, даже рассказать некому. Дина Владимировна болела и к телефону не подходила, вы опять в Вену уехали, а Лёшка ушел в горы. Он не простой козел, оказывается, а горный. Это меняет дело: горный козел звучит гордо!

Вот вы меня сбиваете все время, и я забываю, о чем говорил...

Да, я Константину Аркадьевичу начал рассказывать, а он зевает. Ему скучно, что сразу получилось. Вообще непонятно, зачем ему биология, ему надо в дзэн-буддисты идти, они его прибудут к доске и будут показывать туристам как наглядное пособие под гордым названием «независимость от результата». Я ему сказал, что это ж, может, Нобелевская премия, а он головой кивнул и опять сел рисовать кофейник. А Лена в больнице, на сохранении. Говорят, угроза выкидыша после анализа околоплодных вод. Я зашел к ней один раз, фрукты принес, но она не вышла. Записку написала, поблагодарила, но не вышла.

А знаете, Неля Александровна, что я вам скажу? Константин Аркадьевич, конечно, гений, но кофейники рисовать он совершенно не умеет!

* * *

...Я нашла еще одну работу. Сдается мне, что я — дурак: с каждым днем количество любящих меня работ увеличивается. Оказывается, в Марселе тоже есть русская газета. И они взяли

меня журналистом, хотя в чем будут заключаться мои обязанности, мне пока не сказали. Хорошо, если кофе варить да с главным редактором трахаться... Я им честно сказала, что кроме этого ничего не умею, но зато очень быстро обучаюсь. Вот, скажем, варить кофе я научилась всего за три года, а трахаться с главным редактором я никогда не пробовала, но должно получиться, я думаю...

* * *

Дина носилась по лаборатории и орала, размахивая зажатými в руке листочками. Подобную вспышку ярости Нель наблюдала лишь однажды, когда Юра Польский в контрольной работе на вопрос «Каким образом занятия спортом и здоровый образ жизни влияют на потомство?» ответил, что занятия спортом укрепляют мышцы и эти изменения записываются в генетическом коде и передаются по наследству. С тех пор прошло почти двадцать лет, и Нель с удовольствием констатировала, что со здоровьем у Дины по-прежнему все в порядке: она буйствовала уже добрых четверть часа, а ведь только что после ангины и еще сегодня утром жаловалась на слабость и головокружение.

Дина сообщила всем присутствующим, что ее абсолютно не удивляет тупость вот этих вот молодых людей, от Кости она тоже ничего не ожидала — его мозги, видимо, были заняты насущной проблемой создания вечного двигателя на основе мышцы древесной жабы, но вот Нель поразила ее в самое сердце.

— Ты же моя лучшая ученица, я надеялась, что чему-то смогла тебя научить, а ты оказалась безмозглой тупицей, — кричала Дина. — Иди на фабрику шить халаты, на большее ты не способна!

Нель изо всех сил изображала стыд и раскаяние, но губы расплзались в предательской улыбке.

— Ну что ты смеешься, я тебя спрашиваю, где твои глаза, ты же мне про этот анализ все уши прожужжала. — Дина постепенно успокаивалась, но замолкать пока не собиралась:

— Ты посмотри, черным по белому написано: у двух образцов стопроцентное совпадение по полиморфным локусам. Ну хорошо, в центре молекулярной генетики работают сапожники, мне это без разницы, я их не учила. Но ты каким местом думала? Стопроцентное совпадение — это один и тот же организм! Лена подменила образец, не знаю, как она это сделала, но подменила.

— Нет, Дина Владимировна, это невозможно. Разве что взятку дала, но откуда же у нее деньги на взятку?

— О господи, мне кажется, я поняла... Она сумасшедшая, она действительно сумасшедшая. Нелька, позвони в лабораторию, попроси, чтобы они сделали еще один анализ. У них ведь есть Ленина кровь, она при мне сдавала. Пусть проведут экспертизу материнства. Я к ним подъеду завтра с утра, заплачú. Но пусть сегодня начнут, а то меня удар хватит.

* * *

...мне как-то не по себе. А тут еще Этьен со своими мрачными предсказаниями, даже рассказывать неохота, сплошная гадость. Вчера подарил мне свою колоду таро, он нарисовал ее сам, много лет назад, но уже очень давно не прикасался к ней. Не знаю почему. Я спросила, а он коснулся моей щеки и сказал, что я очень красивая и очень хорошая, но это все ненадолго. Надеюсь, что это не конкретные опасения, а дежурные размышления о бренности. Настоящего эзотерика всегда можно узнать по энтузиазму, с которым он размышляет о бренности всего вечного.

Все мои электроприборы дружно сошли с ума, а некоторые даже умерли. Такое впечатление, что мир раскололся на две части и трещина прошла через мой холодильник.

Сижу на балконе, глушу коньяк и тихонечко вою на луну. Хоть бы Олег поскорее приехал, что ли. С ним, конечно, жить невозможно, но и без него тоже как-то не очень получается...

* * *

Нель очень надеялась, что Олег не позвонит, потому что совершенно непонятно, как разговаривать, и главное — о чем. А с другой стороны, так ведь тоже невозможно, сидеть и напряженно надеяться, что не позвонит. Пусть уже лучше позвонит, что ли. В крайнем случае, можно прямо сказать: Олег, что нам делать, как нам быть, надо же выпутаться из этой непонятной кучи неизвестно чего. Он, конечно, пожмет плечами, мол, тебе надо — ты и выпутывайся, но ведь можно не заметить. Тем более по телефону. Мало ли кто там чем пожимает на другом конце провода, а я тут прикинусь шлангом и буду убедительно пахнуть резиной в трубку. Но для этого нужно как минимум, чтобы Олег позвонил, а звонка все нет, и остается сидеть и надеяться, что не позвонит. Чтобы на самый крайний случай осталось слабое утешение, что вышло все-таки именно так, как сама хотела. Сотовый в кармане сумки превратился в черную дыру, отнимающую силы, время и внимание. И через несколько дней непрерывной надежды, что Олег не позвонит, Нель начала случайно забывать телефон дома. Вечером, вернувшись домой, приходилось первым делом кидаться к телефону и, промахиваясь мимо кнопок, листать список пропущенных звонков, но хотя бы дни освободились. К тому же после работы Нель шла в бассейн, чтобы дома оставалось только чаю выпить да заснуть в обнимку с маленьким и очень удобным средством связи, черт бы ее побрал совсем, эту связь.

* * *

Понимаешь, Светка, она ребенка клонировала. Это совсем не так сложно, если знать технику, а технику она знает лучше меня. У нее же специализация — микрохирургия ядра, и диссертация по этой теме, и в Англию она ездила учиться на полгода. Я ее туда своими руками отправила, между прочим.

Не знаю, думаю, у нее есть знакомые в центре искусственного оплодотворения, потому что яйцеклетку надо

ведь сначала извлечь, а потом обратно в матку имплантировать, тут без врача не обойтись.

А ядро из яйцеклетки вытащить и другое вместо него вставить она могла даже на работе. Холодильники для транспортировки у нас есть, и они вполне помещаются в сумочку. Один такой точно есть, я сама в нем клетки возила, он даже в карман куртки влезает, очень удобно.

Это моя ошибка, конечно. Надо с донорами работать, причем с анонимными донорами, а то мы вечно у себя берем образцы. Я лично брала у Кости клетки кожи, и слизистой тоже. И моих клеток там полно, и даже твоих, если я не ошибаюсь. Помнишь, вы Васику приводили и я вам показывала, как по хромосоме можно определить возраст организма?

Ты правильно понимаешь: если клонировать тридцатилетнего человека, то ребенок родится со старыми клетками. Умрет раньше, конечно, но у него вообще мало шансов родиться живым и здоровым. Я никогда не выращивала клоны, но помнишь знаменитую овечку Долли? Так у нее было около сотни братьев и сестер, которые умерли не родившись или сразу после родов. Клонирование не годится для размножения, потому что приходится подавлять все естественные системы защиты от повреждений.

Кстати, знаешь мы нейроны научились восстанавливать. Костик мимо нас пробежал, хвостиком махнул — и научились.

Лена в психиатрии, я думаю. Когда я видела ее в последний раз, она пыталась выцарапать мне глаза и кричала, что я — сатана, мешаю появиться на свет ее сыну, который непременно станет новым мессией по причине непорочного зачатия. Ее привязали к кровати и вызвали санитаров из Кащенко, а я неожиданно вспомнила, что у меня срочное дело, и сбежала. Жалко ее, да и меня жалко: где я такого специалиста найду? Придется пока самой работать, а я микрохирургию не люблю, у меня от нее мигрень. Ну не страшно, Лёшу научу или лучше Андрея. Я их вообще перестала различать, ходят все время вместе, скоро в сиамских близнецов срастутся. Как их жёны терпят — не понимаю.

Да ладно, тебе-то что терпеть? От твоего мужа молодая и

красивая женщина не смогла забеременеть, пришлось его клонировать. Нам всем пора в Кашценко, ты не находишь?

Нет, слава богу, обошлось. Если бы не выкидыш, то шуму было бы... Лабораторию точно бы закрыли — не за клонирование, так за незаконное использование генетического материала.

Юлька? Юлька обещала приехать. Я сначала боялась, а теперь уже так скучаю, что не до страхов. Разберемся как-нибудь, я думаю. Она у меня тоже когда-то мужика увела. В пионерском лагере. Четверть века прошло...

Да не плачу я, с чего это ты взяла, просто глаза устали: три дня за микроскопом сижу.

* * *

— Дина Владимировна, вы знаете, Семёнов два года искал, с кого б ему делать жизнь, и решил с Константина Аркадьевича делать. Теперь ему срочно надо учиться рисовать кофейник, а то грызть ноготь на ходу он уже умеет. Куда вы кофейник спрятали, Дина Владимировна?

— Так его твой любимый Семёнов сегодня утром и разбил. Ничего, выпей чаю, а завтра я металлический принесу, у меня дома стоит, никто им не пользуется. У нас вообще кофейников развелось — страшное дело.

— Это потому, что вы их не рисуете, Дина Владимировна. Вообще непонятно, чем вы дома занимаетесь.

— А я, Андрюша, веду с внучкой философские беседы. Она меня вчера спросила, зачем люди живут. В чем смысл жизни? И что тут ответишь? Не могу же я пятилетнему ребенку сказать, что нет в жизни никакого смысла? Она же алфавит учить откажется и будет права, между прочим, а меня дочка с зятем из дома выгонят. Жизнь, конечно, смысла не имеет, но прожить ее все-таки лучше в тепле и уюте.

— Дина Владимировна, вы в следующий раз говорите, что смысл жизни видите в творчестве, как Семёнов. А творчество самодовлеет, между прочим, со страшной силой самодовлеет. О, Семёнов пришел! Семёнов, тебе надо определиться. Решить

уже наконец, творчество безгранично или вы с Константином Аркадьевичем так и будете всю жизнь кофейники рисовать? А как же свободное самовыражение и карьерный рост? Я не понимаю тебя, Семёнов!

— Я сам себя не понимаю, Лёха. Вот, поверишь ли, спрашиваю себя иногда: Андрей, почему ты этого мудака Лёшу терпишь? И не понимаю, хоть ты тресни.

* * *

Нелька, я, пожалуй, из своей дыры не буду пока уходить. Шеф мне разрешил заняться прямой эволюцией белка. Что, вообще никогда не слышала? Ну, понятно, ты ж заперлась в избушке на курьих ножках и клонируешь, как бабка твоя клонировала, и прабабка тоже.

Direct evolution — это сейчас очень модно. Вот, например, тебе нужно получить... ну, неважно, что именно... пусть иммуноглобулин, но только устойчивый к высокой температуре. Что значит зачем? Отстань, ради бога, такая задача. Специальная разработка для пожарных. Представь рекламу: «Вы уже сгорели, а наш новый иммуноглобулин в вашей крови продолжает повышать иммунитет!» Ну, я же тебе рассказываю теорию, чего ты придираешься? Короче, у тебя есть белок А, и тебе надо, чтобы он приобрел новое свойство. Например, устойчивость к щелочной среде. Ты берешь бактерию, в которой есть этот белок, и начинаешь выращивать, поливая щелочью, только пока не очень концентрированной. Бактерии в основном мрут, но некоторые выживают. Более устойчивые. Ты повышаешь концентрацию щелочи, и продолжаешь отбирать самых живучих. Обычная селекция, но в пробирке. И новое поколение ты получаешь не на следующий год, а через три дня.

Ну вот, мы уже получили свою собственную полимеразу, устойчивую к высокой температуре. Стоит копейки. И никакой генной инженерии.

Мне генная инженерия не мешает, но ты в своей избушке на курьих ножках даже не представляешь, во сколько раз

повышаются продажи лекарства, если на нем написано: «Получено естественным путем, без генетической модификации». Никто же не думает, что любое скрещивание — это уже генетическая модификация. Генная инженерия, тоже мне нашли монстра. Просто новая техника, которая позволяет получить новый признак не за пятнадцать лет, как раньше, а за год. Прямо хоть лекции читай на площади, но если я пойду на площадь читать лекции, то работать будет некому. Поэтому мы начали заниматься прямой эволюцией. Вроде как альтернатива генной инженерии. Только отбор, как в старые добрые времена.

Кстати, приходи к нам на мозговой штурм в четверг, посмотришь свежим взглядом. А мы тебе оплатим как консультацию, я с шефом уже договорился. Шеф обожает мозговые штурмы, они у нас чуть ли не каждую неделю. Дома Васик в солдатиков играет, а на работе Дмитрий Юрьевич тайны мироздания штурмует. Живу, как на вулкане...

* * *

«Нель, привет. Я не приду больше, работай спокойно».
«И тебе привет. Куда ты не придешь? Чтобы я была готова».
«Не прикидывайся дурой, тебе не идет. В лабораторию не приду».
«Да ладно, мы справляемся. Ю ар велкам, дарлинг».
«Давай, может, я позвоню, а то годы мои уже не те, чтобы в кнопочки пальцем тыкать».
«Я не могу разговаривать, я на совещании».
«Ну тогда приходи в гости, у меня для тебя от Юльки маленькая посылочка на 8 кг».
«Хорошо, я только взорву институт и сразу приеду. Часа два займет».
«А я тогда взорву министерство, чтобы не идти завтра на работу».
«Тогда уже надо сжечь почту, телефон и интернет».
«И останемся мы одни на дымящейся планете».
«Мы и так одни на дымящейся планете. Всё, я пошла

докладывать доклад ☺ До вечера».

* * *

...Море пока холодное, плавать нельзя, так что гуляю по берегу и обдумываю эпическое произведение «Как перестать беспокоиться и начать всерьез бояться». Очень своевременная книга получится, как мне кажется.

Вытащила себе на будущее карту, хотя давала зарок, что как минимум месяц даже близко к таро не подойду. А то это становится навязчивым состоянием. Тем более что зарок я не выдержала. Карта на будущее мне выпала жизнеутверждающая: Смерть. Так, я не поняла, что мне хотят сказать. Что я умру? Но я же так не договаривалась, меня никто не предупредил, вот только сейчас спохватились. Я бы, может, и жить не начинала, а теперь уже поздно — привыкла, втянулась. Черт знает что такое, эта ваша жизнь. Кстати, в колоде Этьена есть карта Жизнь. И это очень тяжелая карта, она обозначает, что сейчас всё на тебя кааак напрыгает!

Я тоже рисую потихоньку свою колоду. Мне казалось, что напридумываю по дороге кучу своих карт, а в результате на данный момент у меня готовы ровно семь, и мне их вполне хватает для гадания. Вообще, мне кажется, можно обойтись двумя картами. Одна пустая, а вторая — Мир. Мир означает, что волноваться нечего, все хорошо. А пустая — что, может, и есть причины для волнения, да только ты все равно ничего не знаешь и никогда не узнаешь, хоть тресни. Очень подробно можно описать реальность.

На самом деле, конечно, для гадания достаточно одной карты, но я еще не доросла до такого мастерства...

* * *

Лёшка, я и сам толком ничего не знаю. Она поехала вечером к Волошину, он привез ей передачу от подруги из Франции. Нея с женой Волошина дружит с детства, ты знал?

Я не знал. Чего ж он тогда на нас кинулся?

Да неважно.

Она зашла в квартиру, дверь была открыта, вот она и зашла.

Не знаю, но если они давно дружат, то могла зайти, наверное. А он лежит на диване и уже не дышит. Потом сказали, что отравление. Инъекцию цианида ему сделали. Конечно, подозревают, только она так себя вела, что глупо ее подозревать. Могла ведь уйти, никто не знал, что она к нему собирается. Отпечатков ее в квартире не нашли, она, как только поняла, что он умер, сразу милицию вызвала и на лестницу вышла. У нее же нервы, как у осьминога. Помнишь, нам в универе рассказывали, что самые толстые нервы — у осьминога. Миллиметр в диаметре.

Ну вот, ее на допрос уже вызывали, она попросила детектор лжи, но они пока не торопятся.

Да у Нинки же брат работает в судмедэкспертизе, так мы ему звоним каждый день.

А ты как думаешь, могла она?.. Ну, это... Я вот думаю, что вполне могла. Я один раз опыт завалил, так она так посмотрела, что никакого цианида не надо. Я не паясничаю, я пытаюсь разрядить атмосферу.

Но только знаешь, что я тебе скажу? Если это она — никто и никогда этого не докажет!

Ну что, начали? Ты их лови пинцетом за хвост, а я сразу буду перехватывать за шкурку. Поехали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Плывет лодочка, качается на волнах, сосной пахнут доски, и ты сидишь напротив, такой родной, такой красивый, такой единственный. Как тебя зовут, душа моя? откуда ты? куда держишь путь?

Не очень-то получилось, надо признать, да и какая лодка из сосны, так, смех один. А если честно, то совсем не получилось. И вёсла, ну это же надо так лажануться, забыть про вёсла. Всё из-за запаха этого чертового, вязко склеивает бронхи, стучит в висках, а самое обидное, что уключины полдня ковал, чтоб не просто так, а в форме лиры. Я, типа, творец, а не ремесленник. Это точно, с этим не поспоришь. Плыви теперь по течению, творец хренов. А солнце все сильнее припекает, и укачивает, как я вообще мог про это забыть? Меня же укачивает на воде, у меня морская болезнь, тошно мне и муторно, зачем же я дал себя уговорить? Я люблю тебя, конечно, но при чем тут река? А теперь ты смотришь на меня с вечной твоей укоризной, не смотри, отвернись, я сам знаю, что плохо получилось.

Откуда ты взялся, чего ты хочешь, зачем смотришь так пристально, а потом зачем взгляд отводишь? Я тяну руку прикоснуться к влажной коже, хотелось бы щекой, но отчего-то страшно, и прикасаюсь, и сдавленное рычание не то чтобы слышу — рукой чувствую. И даже как будто шерсть на загривке дыбом и колючие звездочки в глубине зрачка — зря потянулась, зря дотронулась. Вообще надо бы отодвинуться, но шевелиться страшно, и голова кружится все сильнее. Я зачерпываю воду, чтобы смочить виски, но ты внезапно бьешь

меня по руке — резко и сильно, — и я отворачиваюсь, чтобы скрыть слезы, а в глубине души нарастает страх: я так и знала, господи, я так и знала, ты хочешь меня убить. Не рано или поздно, а вот прямо сейчас, а я ведь тебя люблю. Прости меня, я не знаю за что, но прости, я больше не буду, я исчезну, растаю в горячем воздухе и не буду больше, отпусти меня, не мучай, позволь мне уйти.

Черт, ну я всегда знал, что она ненормальная: собирается пить из реки! Ты видела, что в ней плавают? Сил моих больше нет, когда ты уже повзрослеешь? Так же нельзя, тем более что у меня осталось в бутылке немного воды, на двоих не хватит, но я и не хочу. Ты так на меня смотришь, что я уже совсем ничего не хочу, только на берег. Так что я пить не буду, пусть это будет как будто такая жертва богам, на таком как будто алтаре. А они за это чтобы к берегу лодку прибили, а меня сделали умным, и я чтобы больше никогда в жизни, ни сном ни духом... Но если это слишком сложно, то не надо, главное — это лодку к берегу. А я и сам, честно говоря, ни сном ни духом, больше никогда в жизни. Ну что ты смотришь, пей уже, действительно ведь жарко.

Почему, господи, почему это происходит со мной? Я не буду это пить, ты что, думаешь, я совсем идиотка и ничего не понимаю? Или — ну конечно, ты думаешь, я понимаю, но все равно выпью, когда это я могла тебе отказать? Вот интересно, что там за яд? То есть ты хочешь, чтобы я быстро умерла или чтобы долго, а ты бы разглядывал, и тогда, может, ты позволишь прикоснуться и рычать не будешь, и тогда ты, может, станешь нежным и будешь водить пальцами по моему лицу, а я буду ловить их губами и делать вид, что ничего не понимаю, чтобы тебя не разозлить... Я выпью, конечно, но иди ты к черту, я не стану умирать под твоим снисходительным взглядом. Лучше в реку, честное слово, хотя бы не так жарко будет.

Я же говорю — ненормальная, в такой грязи купаться, я уже молчу, что вода холодная! Ну и черт с тобой, хочешь неделю валяться с ангиной — кто я такой, чтобы тебе мешать? А к берегу меня никогда не прибьет, так и буду в этой лодке торчать до второго пришествия, а в воду все равно не полезу, пусть лучше меня вынесет в море, а еще лучше — в океан. Долго я там не продержусь, конечно, но зато при удачном стечении обстоятельств меня никто и никогда не найдет.

* * *

Больше всего на свете я люблю играть в самолетики. Игра рассчитана на половозрелых детей любого возраста, а также на их родителей, которые поначалу кричат и сопротивляются, а потом ничего, втягиваются. Начинать игру желательно внезапно и стремительно. Очень хороша для этого фраза: «Да пошло оно всё», после которой водящий отправляется в туристическое агентство и выходит из него через полчаса с билетом на самолетик. Остальные игроки образуют вокруг водящего плотное кольцо, размахивают руками и говорят разные слова, и тут главное — не вступать в дискуссию и вообще всячески ожесточить свое сердце. Неопытные игроки часто совершают трагическую ошибку — покупают билет на самолетик за целый месяц до финального тура игры, в результате многие сходят с дистанции, а некоторые, я думаю, даже совсем умирают. Высший пилотаж заключается в том, чтобы купить билет за сорок семь часов до вылета самолетика, а потом на все уговоры отвечать с тупым видом: «Я уже и сама не рада, но отменять поздно». Конечно, всегда может найтись какой-нибудь опытный игрок, который достанет бумажник и скажет, что вовсе даже и не поздно, дорогая, сколько, ты говоришь, стоит твой билет? В таком случае рекомендуется вспомнить, что стоит тебе сдать или хотя бы просто замешкаться, и опытный игрок тут же займет место водящего.

Единственный серьезный недостаток игры в самолетики заключается в том, что она базируется на предпосылке, что в

мире существуют так называемые другие люди, а это спорно и уж во всяком случае совершенно недоказуемо.

* * *

Я иногда очень хорошо понимаю Ван Гога. Бывают, знаете, в жизни такие ситуации, когда уши явно излишни. Вот сидит, например, в кресле бывший любимый и говорит человеческим голосом: «Знаешь, дорогая, all you need is love. Тебе срочно надо влюбиться».

Сначала он по мне прицельно лупит из фаустпатрона и то, чем влюбляются, выжигает намертво, а потом начинает вести светскую беседу. О погоде и моей будущей личной жизни. Хорошо, ладно, не буду отрезать уши, женщины ушами любят, это мой единственный шанс на сегодняшний момент. Решено, выхожу замуж за первого встречного и буду его любить ушами, только пусть он будет немой, а то я не сдюжу. Когда мои любимые разговаривают, у меня не то что любовь, у меня даже чувство юмора заканчивается.

Конечно, он думает исключительно о моем благе. «Что вы говорите, вам отрезало ноги? А почему бы вам не пройтись по тенистой аллее, движение и свежий воздух пойдут вам на пользу».

А вот Волошину точно уши ни к чему. Во-первых, он не женщина. Во-вторых, никого не любит. А в-третьих, зачем ему уши, он все равно ими не пользуется. Я ему про развод и девичью фамилию, а он мне про карнавал в Венеции, там и поговорим. «Мне, — говорит, — твой размах нравится, дорогая. Ты из бытовой ссоры способна сотворить грандиозную драму. Посуду бить тебе как-то неловко, а вот с рассеянной улыбкой взойти по трапу самолета — в самый раз. Но твоя дурацкая счастливая звезда, как всегда, права: я очень рад, что тебя здесь не будет в ближайшее время».

Опять тайны мадридского двора. На мадридском дворе трава, которая, кстати, подходит к концу, надо бы еще прикупить, хотя все равно через два дня самолет, не везти же траву через таможню. А на траве — дрова. Суть метафора

состояния наших дел. Которые хоть и дрова, но ни черта не горят. Олег мне когда-то объяснял, что горение и гниение — один и тот же процесс. Только горение — быстрое, а гниение — медленное. В итоге вместо пепла в мое сердце стучит какая-то гниль, а это неэстетично.

* * *

...а также категорически не рекомендуется купаться в реке ночью, особенно в незнакомых местах. Но если вы все-таки попали в водоворот, не отчаивайтесь — расслабьте мышцы и позвольте течению утянуть вас вниз. Коснувшись ногами дна, сгруппируйтесь и, резко оттолкнувшись ногами, сделайте сильный рывок в сторону...

(Выдержка из инструкции «Правила безопасного поведения на реке».)

* * *

Ну хорошо, допустим, жизнь кончена. Это можно понять. Тем более что мы люди привычные, у нас жизнь кончается с удручающей регулярностью, раз в сезон примерно. Но почему при этом стихи не складываются — вот это вопрос. Скачет в голове нечто беспорядочное и кривобокое, а толку чуть. Офелия какая-то дурацкая в тихом омуте с чертями барахтается, но плывет, вот ведь бред, прости господи.

Офелия, милая Офелия, если уж ты попала в водоворот, не пытайся удержаться на поверхности, забудь о белых кувшинках и общей прекрасности облика, ныряй на дно, группируйся, отталкивайся ногами и делай сильный рывок в сторону.

Но вот если бы стишок сложился, то можно было бы уже выдохнуть, а потом вдохнуть холодный речной воздух, а дальше как-нибудь само пойдет, на три такта вдох, на два — выдох, но нет, не выдыхается пока.

Ну и черт с ними, со стишками, сяду-ка я на берегу и сложу

башню из камней.

Вы знаете, как строить башню?

Берете камешек, кладете его на землю. Сверху на него кладете другой. Потом аккуратно пристраиваете третий, вот тут уже начинаются сложности, но если двигаться плавно, дышать ровно и не торопиться, то все получится.

Мне кажется, что с душой всё происходит примерно так же. Неважно, сколько там за пазухой камней, и какой они формы тоже неважно. Всегда можно найти точку равновесия, и тогда все камни сложатся, как пазл, в прекрасную башню, знай себе двигайся плавно, дыши ровно, а торопиться все равно некуда.

* * *

...я-то, может, и Гамлет, да ты не Офелия. Ты принцесса Эльза, рвешь по ночам на кладбище крапиву и вяжешь братьям рубашки. И тут прихожу я, в белом фраке, со своим неуместным «люблю, как сорок тысяч братьев», и ты вздыхаешь покорно и плетешься ночью на кладбище. На сорок тысяч братьев очень много крапивы понадобится, тут не до отдыха. А я слежу за тобой из-за угла и думаю с отчаяньем, что ты ведьма и придется тебя сжечь...

* * *

Она приходит сюда каждый день. Заказывает всегда разное — то полный обед, то чашку капучино с круассаном. Наверное, живет где-то поблизости. Сегодня она пришла после моря, волосы мокрые, ласты и маска сохнут на веранде. Мне видны оба ее профиля: она сидит возле зеркальной стены. И вертит в руках ключи — так, наверное, выглядел бы Янус, спустившийся на землю в облике молодой женщины. Заказывает луковый суп, улыбается официанту и достает из сумочки книгу.

Прошу прощения, говорю я, прикасаясь к ее плечу. Прошу прощения, мадам, но не могли бы вы удовлетворить мое

любопытство? Как называется ваша книга, мадам?

Она поднимает голову, щурит глаза и медленно поворачивается к своему отражению в зеркале. Отражение щурится в ответ и еле заметно подмигивает.

Похоже, они неплохо ладят.

Она говорит: «Александрийский квартет». Я читаю «Александрийский квартет», вот, поглядите. Такое плохое издание — рассыпается в руках.

Она говорит: но, может быть, так и нужно читать эту книгу — чтобы листы рассыпáлись и перемешивались.

Она говорит: меня зовут Жюли.

Она говорит: я вас знаю. Вы любите креветки и запиваете их «Бенедиктином». У вас странный вкус.

Она говорит: да, эту колоду таро я привезла из Москвы. Она плохо переносит чужбину и не любит оставаться одна дома.

Я говорю: я читал «Александрийский квартет» в Праге, в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году, вы тогда еще не родились.

Я говорю: простите, не хотел вас обидеть. Конечно, в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году вы были вполне взрослой, и даже несколько пожилой.

Я говорю: в моем возрасте можно позволить себе небольшие причуды.

Я говорю: Этьен. Это мое имя — Этьен.

Я говорю: из вашей сумочки выглядывают карты таро. Вы всегда берете их с собой на море?

Я говорю: у вас забавный французский, мадам. Мне нравится вас слушать.

* * *

Ты приносишь в мои сны сумятицу и неразбериху. Вот вчера, например, ты шла по краю обрыва, закрыв глаза, и

несла на вытянутых руках что-то блестящее, не знаю, что именно, не разглядела, зеркало, что ли. Ко всем делам, ты в этот раз обернулась мужчиной, ну совсем спятила, честное слово, что за странные фантазии? Солнце светило нещадно, ужасно хотелось тоже закрыть глаза и проснуться или улизнуть тайком в какой-нибудь другой сон — с прохладным морем и большими раковинами на дне. Но глаза не закрывались, ну ни в какую, тревога нарастала, мне казалось, что ты вот-вот оступишься, я не выдержала и закричала. Крик почему-то отразился в зеркале яркой вспышкой, ты вздрогнула, открыла глаза, потеряла равновесие и упала вниз. Я проснулась, не дослушав собственный крик, с чувством невыразимого облегчения.

Скоро вечер, я пью кофе и поминутно проверяю почтовый ящик — пусто. Мигрень осторожно постукивает в висок, у меня вообще очень деликатная мигрень, ее легко спугнуть, такая ненавязчивая, не то что... Ох, ну да, я уже предчувствую завтрашний сон, в котором ты будешь бесечно нырять, всё глубже и глубже, пока очередная раковина не заманит тебя так глубоко, что мне останется только пожать плечами, собрать разбросанные на песке вещи и пойти вверх по тропинке, стараясь не оглядываться, щуриться на солнце и ступать легко, демонстрируя (кому?) наивысшую степень бесечности, пока чей-то крик не толкнет меня в спину. Я вздрогну, потеряю равновесие и полечу вниз, даже не попытаюсь понять, что произошло. И последним усилием воли заставлю себя разжать пальцы и отбросить зеркало в надежде, что оно упадет раньше меня, это же мой сон, ну что мне стоит, — но нет, зеркало летит рядом со мной, и уже не избавиться, не избавиться...

* * *

Только на первый взгляд кажется, что диалог — это последовательный обмен репликами. На самом деле это два

клубка, которые одновременно разматываются и переплетаются. Если, конечно, собеседники владеют искусством вплетания чужеродной нити в свой узор. Только лишь взглянув на партнера, мы уже знаем все будущие реплики: слова еще не сказаны, но записаны на невидимом листе симпатическими чернилами — стоит только согреть их теплым дыханием разговора, и они проступят, обретут силу и вес.

Первое касание — и уже отчетливо звучит музыка предстоящего танца. Мы ничего не знаем друг о друге, но начинаем ритмично двигаться в такт. Кто посмеет веселиться во время нежного ноктюрна? Или маршировать под звуки страстного танго?

Между двумя людьми возможна лишь одна музыка, она может звучать громче или тише, обрастать вариациями и виртуозными соло, более того, ее можно не слушать — отвернуться, отвлечься, заткнуть уши, да в конце концов просто уйти, но отменить ее невозможно. Мелодия начнется, продолжится и завершится, а нам остается прикрывать бесполезные глаза и послушно переплетаться ниточками наших душ.

«Сделайте одолжение старику, мадам, позвольте угостить вас чашечкой кофе».

Но все чаще и чаще сквозь нежный менюэт прорываются другие звуки — я вздрагиваю, сбиваюсь с шага и замираю в ужасе, прислушиваясь. Но нет, еще не сейчас. Еще есть время.

«Сегодня изумительный день, не правда ли, мадам?»

* * *

Здравствуй, мамочка.

Ну почему не звоню? Я же как раз звоню.

Хорошо, мам, я буду звонить чаще.

Мам, ну почему никогда не звоню? Я звоню.

Между прочим, когда я тебе звонила три дня назад, ты спешила к косметичке. Для тебя косметичка дороже родной дочери?

Я знаю, сколько стоит косметичка.

Да.

Нет.

Мам, ты хочешь продолжать сокрушаться, что мы совсем не разговариваем из-за того, что я никогда не звоню? Или, может, поговорим?

Ну да, все в порядке.

А зачем ты спрашиваешь, если все равно не веришь?

Ты угадала, я утонула в море, потом попала под машину, а потом вышла без шарфа, и теперь у меня ангина.

Я издеваюсь? А ты? Ты не издеваешься?

Мам, если я никогда не звоню, то что же я сейчас делаю? Трагическую ошибку?

Да, все хорошо.

Я ношу шарф.

Конечно, я тебе ничего не рассказываю, ты же мне не даешь слово вставить.

Я нашла работу.

В ботаническом саду, экскурсоводом.

Да, экскурсоводом.

Это позор? А чего бы тебе хотелось?

Нет, ты скажи, не стесняйся.

Я могу пойти учиться на юриста, например. Или на зубного врача.

А хочешь, я стану косметичкой? Тоже позор, но зато сэкономим примерно половину семейного бюджета.

Я тебя не уважаю? Мама, ты что там пьешь? Имей в виду, женский алкоголизм очень плохо лечится! Я волнуюсь...

Я тебя уважаю, мама.

Послушай, а папа дома? Я бы хотела ему пару слов сказать, пока у меня карточка не закончилась.

Я тебя тоже целую.

Обязательно надену шарф, не волнуйся.

* * *

...хорошо, что ты уехала. У меня сейчас на повестке дня

война, политика и большие деньги. Очень насыщенная программа. Секс туда еще можно впихнуть, а любовь уже не помещается.

Прочитал твои последние стихи. Знаешь, выплеснуть боль на бумагу — дело нехитрое. Всегда найдется кто-нибудь, у кого болит в том же месте, он твою волну поймает, она его поднимет и опустит, неважно, не о том речь. Меня беспокоит, что ты стала наркоманкой. Если раньше ты писала для облегчения боли, то сейчас это самостоятельный кайф, ради которого ты готова резать себя ножичком. И не только себя. Когда любимым больно — это ведь совсем невыносимо, об этом очень хорошо можно написать.

Представь, что у тебя есть флакон, в который налили несколько разных жидкостей. Ты примерно догадываешься, какие именно, но как они взаимодействуют друг с другом — черт его знает. И вот ты взбалтываешь флакон и начинаешь увлеченно описывать, как там все бурлит, и что-то выделяется, и температура повышается, а вот если еще и спичку поднести, так может и рвануть, если повезет, конечно. Такой вот набор «Юный химик».

Отстань ты от него, от бедного измученного флакончика, не трясись, поставь в прохладное темное место. Я не хочу рассуждать о том, насколько твоя боль реальна, это не имеет никакого значения. Просто подожди, пока она пройдет, и тогда уже берись за перо. А пока дыши и береги себя...

* * *

А ты говоришь: убери руку с сердца, а то у тебя ладошка горячая, мне неуютно, солнце, и еще что-то про кванты; или мне это уже приснилось, черт разберет теперь; а мне самой, думаешь, легко? мне самой от нежности больно и плакать хочется; я уберу, конечно, но что же нам тогда останется?

* * *

Она плавает очень долго, чуть ли не полтора часа. Я наблюдаю за ней с террасы, чищу апельсин и подогреваю яблочный сок с вином и корицей.

Она говорит: я пока не буду переодеваться, посижу в халате.

Она говорит: спасибо, очень вкусно.

Она говорит: я только что видела Нептуна с трезубцем, он подарил мне жемчужинку. Но потом я встретила Морского дьявола, он сидел на камне и плакал. Я отдала ему подарок Нептуна, но он плакать не перестал, засунул жемчужину за щеку, пробормотал невнятно и хвостом махнул — мол, чего стоишь, плыви куда плыла.

Она говорит: можно произносить любые слова, все равно никто не поймет. Даже самые близкие не понимают, вернее, близкие особенно не понимают, кроме Морского дьявола, пожалуй. Этот мог бы, если бы перестал плакать хоть на минуту.

Она говорит: лучше жить вот так, в чужой стране, среди чужих людей, хотя бы не ждешь никаких чудес. А то раскрываешь, знаете ли, душу, а тебе в ответ: ну, это у тебя кризис среднего возраста. Или еще хуже: ну, это тебе просто мужик нужен. А потом удивляются, что кривая бытовой преступности неуклонно идет вверх. Ничего удивительного, я сама иной раз только чудом удерживаюсь.

Она говорит: ерунда это все, а вот Морской дьявол плачет, не знаю, чем его утешить.

Всё так. Невозможно прикосновение, и понимание невозможно. Можно только сильно взмахнуть рукой, и тогда серебристые чешуйки проплывающего мимо тебя существа дрогнут, вообразив касание, как бы твое, но ведь на самом деле всего лишь вода, одна и та же для всех. Это и дает иллюзию того, что говорим об одном и том же, вроде как можно понять, дотронуться и растрогаться в ответ. Хотя какое

там, все рецепторы схвачены водой, и не пробиться через двойную преграду. Не увидеть и не услышать, и вот уже есть только белые барашки и шум прибоя, и еще несколько непонятных существ с серебристой чешуей. Которая вполне может оказаться на поверку разноцветными перьями, неважно. Я даже не удивлюсь, если чешуя окажется звоном серебряной монетки, упавшей на мостовую, непременно решкой, потому что если орлом, то я могу и удивиться, а мне сейчас не хочется отвлекаться. Так вот, несколько непонятных существ слушают тот же прибой и глядят в те же волны, а раз так, стоит ли печалиться из-за пустяков?

Конечно, это тоже иллюзия, сверкающая подделка, и пусть, так даже лучше. Я ведь, в сущности, так мало хочу — всего-то навсего, чтобы качественная, из чистого золота самой высшей пробы, чтобы не отличить, как ни старайся. А я, со своей стороны, могу пообещать, что слишком уж стараться не стану.

* * *

...вокруг меня все как будто взбесились. Спорят до хрипа, как правильно жить. Головой или сердцем. Я не вмешиваюсь: когда спорят физики и лирики, биологи спускаются в бомбоубежище, прихватив с собой бутылку портвейна, присланную любимой подругой, и круг овечьего сыра.

Поспорили бы еще, что лучше — печень или почки. Или, например, как правильнее жить — желудком или легкими? Если добрый боженька дал нам такое замечательное сердце и такие чудесные мозги, почему бы не пользоваться и тем и другим, к полному всеобщему удовольствию?

Но нет, ни в коем случае, мы не согласны думать и чувствовать одновременно. Мы будем придумывать эмоции и мечтать о действиях. Мы сделаем из головы жалкое подобие хилого малокровного сердца, а из сердца — тупые и убогие мозги, а потом будем спорить до посинения, поставив перед собой две банки, резко пахнущие формалином.

Как ты поняла по моему мрачному ворчанию, работать мне пока не дают. И я, как тётка из коммунальной квартиры,

скандалю с соседями из-за света в уборной и тычу узловатым пальчиком в гнойные язвы социума. Скоро начну в суп плевать, к этому все идет...

* * *

И я, главное, всегда одну и ту же ошибку делаю: когда тяжело становится, я балласт отцепляю. Но его надо по одному мешку отцеплять, а не весь сразу, а то мой метафорический летательный аппарат взмывает вверх с умопомрачительной скоростью, и вот уже совершенно нечем дышать, и надо бы к земле прибиться, но непонятно как.

* * *

Осталось чертовски мало времени. Врачи обещают полгода, но силы оставляют меня слишком быстро. По ночам мне снится, как из дырки в моем виске со свистом выходит воздух. Сначала это было невыносимо. Невыносимо страшно. Потом на смену страху пришла тоска. И уже подкарауливало тупое безразличие. Я гнал его, гнал изо всех сил транквилизаторами, антидепрессантами, марихуаной и флиртом с прекрасными незнакомками, но постепенно омут, которого я пытался избежать, начал привлекать меня. Сначала незаметно, как бы случайно, потом все сильнее и сильнее, пока я не шагнул с берега в темную воду и остановился, привыкая к ее мертвому холоду.

Я не боюсь смерти. Сейчас вообще никто не боится смерти, кого ни спроси. Психоанализ испоганил этот святой страх, затаскал, захватал руками. Он превратил дрожащего ребенка в индивидуума, испытывающего личностный кризис при попытке осознать прекращение экзистенции. Я не боюсь. Я просто испытываю личностный кризис. Я не умру. Просто моя экзистенция через некоторое время прервется.

«Вам холодно, Жюли? Давайте вернемся».

Она перебирает морские камни, рассматривает их, ощупывает, один даже лизнула украдкой. Некоторые нравятся ей больше остальных, их она складывает сначала в карман, а потом ко мне в сумку. «Я хочу построить башню», — объясняет она.

Дома я достаю таро и показываю ей Разрушенную башню. Я говорю: «Всю свою жизнь я либо строил, либо разрушал. Сейчас я хочу просто смотреть». Она смотрит на меня долго и внимательно, потом кивает: да, понятно. Опускается на пол, выбирает первый камень и греет его в ладонях.

Она говорит: «Когда я нахожу место, которое мне нравится, я сажусь и складываю из камешков окно. Чтобы лучше видеть».

* * *

Все-таки я недаром окружаю себя сумасшедшими учеными, чему-то я от них умудрилась научиться. Например, подходу. Промаявшись неделю с жесточайшим творческим кризисом, я решила, что хватит уже пускать творческие порывы на самотёк. Поразмыслив, я сообразила, что раз фиолетовый — цвет фантазии, то, окружив себя фиолетовыми предметами, я эту самую фантазию смогу стимулировать. И пошла в магазин. Покупать фиолетовую одежду показалось мне глупым: я ж ее сама не увижу, а стимулировать фантазию окружающих — дело опасное и неблагодарное. Черт их знает, что они там нафантазируют. Фиолетовое покрывало на кровать тоже меня не особенно вдохновило — не для того мне фантазия нужна, я ж не «Камасутру» писать собираюсь. Хорошо бы купить фиолетовый компьютер, тем более что я один такой видела — в форме сердечка. Такого мохнатенького. Но жалко денег. В итоге остановилась на фиолетовой зажигалке. А что, удобно. Ну вот, купила я зажигалку, кинула в сумочку и пошла по своим делам. В какой-то момент решила покурить. Лезу в

сумку, а там нет ничего похожего на зажигалку. Вот, думаю, пропасть, только что ведь купила, точно помню, зеленая такая...

В общем, попытка диетотерапии разбилась о склероз.

Может, кокаину понюхать? Он, говорят, тоже фантазию стимулирует. Но я ж его перепутаю с сахаром и в чай насыплю...

* * *

Мое время перестало плавно пересыпаться легким сухим песком из будущего в прошлое. Холодное дыхание смерти осадило влагу на песчинки, они слиплись в комки и плохо проходят в узкий проем настоящего. Время замирает, и тогда я лежу на берегу, глядя на звездное небо, растворяясь в бесконечности, пока вдруг — бах — на меня не обрушивается целая неделя. Мокрое время не течет, а с трудом протискивается, я слышу скрип песчинок о стекло. Поначалу режет слух, но потом привыкаешь.

Она говорит: когда-то давно мы с подругой разжигали в лесу костер. Дрова отсырели и не хотели гореть. Тогда я полезла в рюкзак и нашла на самом дне пачку листов. Половина ушла на растопку, а вторую половину мы читали вслух до самого утра при свете костра. Это оказалась распечатанная на принтере книга «Магия рун».

Она смеется, и только что построенная башня рушится от неосторожного движения.

Она говорит: бестолковые девчонки, даже огонь не смогли развести без магии рун.

Я раскладываю на полу среди камней свои карты. Вырезанные на каменных табличках двадцать лет назад. Гадание наскучило мне, и я хотел дать картам силу. Силу камня. Мне хотелось совместить дремучую мощь Руны с плавной грацией Карты.

* * *

...мне даже как-то странно, что тебя так волнует тема непонимания — вот уже в третьем письме подряд. Помнишь анекдот: встречаются два школьных приятеля, один богатый, другой бедный. И бедный говорит богатому, что он третий день ничего не ест. А богатый цокает языком сочувственно: «Я тебя понимаю, но надо же себя заставлять...»

Так и мы с тобой. Для тебя любовь — полное растворение друг в друге, перемешивание идей, взглядов, привычек, чтоб уже не разобрать, где чьё. А для меня — возможность спокойно жить, зная, что ты рядом. И не бояться, что ты либо начнешь лезть ко мне под кожу, либо удерешь куда-нибудь за тридевять земель, потому что промежуточные варианты тебе неведомы.

Поэтому имей в виду: когда ты говоришь мне о любви, а я тебе отвечаю «я тоже», ни о каком «тоже» речь не идет. Мы говорим о совершенно разных вещах. И каким образом мы эти самые разные вещи умудряемся назвать одним словом — вот это действительно загадка. Вот этого я действительно не понимаю...

* * *

Я наконец поняла, что значит «сила в слабости». Мне всегда казалось, что это значит притворяться слабой, чтобы в решительный момент кааак выскочить, каак выпрыгнуть, полетят клочки по заулочкам. Тоже, кстати, тайна за семью печатями, что это за заулочки такие таинственные.

А сила в слабости — это же совсем другое. Природа не терпит пустоты, поэтому если в какой-то точке пространства силы нет, то рано или поздно природа это самое обессиленное место начнет заполнять силой. Без всякой задней мысли, слепо повинаясь своей любви к энтропии.

Но это, конечно, только в том случае, когда мы под слабостью понимаем отсутствие силы, а не какую-то вполне самостоятельную материю.

Вообще идея того, что отсутствием можно пользоваться так же успешно, как и наличием, очень привлекает меня. Как ток, который может быть потоком электронов, а может быть потоком дырок — мест, в которых электрона не хватает.

Точно так же для любви можно использовать не только присутствие любимого, но и его отсутствие. Огонь любви может гореть и на том, и на другом топливе. Вот за это я и недолюбливаю огонь — за его прожорливую всеядность.

* * *

Жюли осторожно держит в руках Карту. Мне не виден рисунок, но я догадываюсь.

Она говорит: это моя любимая Нель. Она вот уже шестой год воюет со смертью. Иногда я даже начинаю волноваться: вдруг она победит?

Она говорит: Нель похоронила брата шесть лет назад. У него отказали почки, срочно требовалась пересадка. Они тогда продали квартиру, собрали деньги, но почка не прижилась. И вторая тоже.

Она говорит: он перед смертью признался мне в любви, и я сидела с ним потом всю ночь и рассказывала, как он выздоровеет и мы поженимся и кучу детей нарожаем. И Нель сидела с нами и улыбалась. Она потом еще неделю улыбалась, как будто улыбка навсегда приросла к лицу. А потом легла на диван и лежала два месяца, Костик ее и на улицу выносил, и водой обливал, она только извинялась и опять отворачивалась к стенке. И я в какой-то момент совсем испугалась и стала орать, что она тут лежит как бревно, а там люди продолжают умирать, и пусть уже встанет и придумает что-нибудь. Так она в ту же секунду вскочила и поехала в библиотеку. А мы с Костей напились тогда до зеленых веников. Да, это так говорят по-русски: до зеленых веников. Очень сильно напились.

Она говорит: давайте мы с вами тоже напьемся. Возьмем

бутылку и пойдём на море. Мы очень давно не были на море, с самого утра. Там сейчас звезды.

Она говорит: черт ее побери, она думает, что если с утра до ночи работать, то всё остальное как-нибудь устроится.

Я глажу ее по голове, наливаю коньяк в кожаную фляжку, и мы идем на море.

* * *

...я начинаю догадываться, почему порою так сложно найти компромисс, — потому что мы его ищем не в том месте. Мы его обычно в вине ищем, а там сверху болтается истина и выглядит так неприглядно, что поиски сходят на нет, так и не успев толком начаться.

Но иногда компромисс все-таки находится, ну потому что нет ничего невозможного для людей со стальными мозгами, и тогда получается решение, которое не устраивает никого в равной степени. И это правильно, мне кажется, потому что если уж мудростью всемогущие боги нас обделили, то пусть будет по крайней мере честно...

* * *

Мы вчера гуляли на море. Мы, честно говоря, каждый день там гуляем, так что фраза никакой информации, кроме «вчера» не несет. Поднимаемся по ступенькам и встречаем мужика. Ну, не того мужика, который в онучах и овчине, а французского мужика: тросточка из черного африканского дерева, штиблеты из кожи перуанского ядозуба, булавка для галстука и запонки из розового жемчуга... На миллион баксов выглядел мужик, в самом что ни на есть прямом смысле. Пока я на всю это красоту любовалась, мужик побледнел, зашептал: «Не может быть... Призрак... Восемнадцать лет...» — и давай в Этьена пальцем тыкать почем зря.

Вот объясните мне, почему люди осязанию доверяют больше чем зрению? Если глазами увидели так, может, еще и призрак, а вот если рукой пощупали, то все сомнения как ветром сдувает. Если бы я была призраком, ни за что не стала бы зрительную иллюзию создавать. Кого сейчас удивишь голограммой? Я бы сделалась духом невидимым, но осязаемым и обоняемым, плотным и телесным, А внешний вид люди быстренько дофантазируют, нечего самой трудиться.

Короче, мужик некоторое время ощупывал Этьена, меня тоже потрогал зачем-то и потащил нас ужинать в родовое поместье.

Вернусь — учиню родителям грандиознейший скандал. Чему они меня в детстве учили, я не помню, но с этим бесценным багажом невозможно выйти замуж по расчету. Нет там таких слов и знаков. Там если замуж, то сразу же большая любовь, а если замуж без любви, то сразу же когнитивный диссонанс. Вот ведь удружили...

* * *

Мне хочется что-нибудь ей подарить, но я не знаю, что именно. Деньги она не возьмет. Можно завещать ей дом, но мне не хочется, чтобы она узнала о моей смерти.

Она говорит: все мои друзья очень хорошо знают, как правильно жить. Они умные, я одна среди них дура. Один говорит, что наша жизнь — болото, поэтому надо запастись длинной прочной палкой и учиться квакать. Второй считает, что жизнь — полет над скалами, и злится, что я отказываюсь разучивать упражнения для тренировки крыльев. Третий молчит, но думает что жизнь — это подземный лаз. По ночам он ест червяков и морщится от отвращения.

Она говорит: мне кажется, что жизнь — это море. А магия — что-то вроде виндсерфинга. Умение поймать волну, использовать ее силу и скорость.

Она говорит: и чтобы брызги в лицо непременно, я не

согласна, если без брызг.

Она говорит: а вы, Этьен? Нет, постойте, дайте я сама угадаю. Для вас жизнь — это такой фейерверк? Вы гордо стоите в центре вселенной, а вокруг вас все взрывается, искрится и переливается всеми цветами радуги...

«Вы почти угадали, Жюли. Ошибка лишь в том, что вы предполагаете в жизни некий Путь, сюжетную линию, которая связывает прошлое, настоящее и будущее. То, что вы называете смыслом жизни. У вас есть потребность связать прошлое с будущим, поэтому вы так нервничаете, когда теряете смысл. Попробуйте взглянуть на жизнь иначе, позвольте ей рассыпаться на миллиарды мимолетных снимков. Позвольте им не связываться друг с другом ничем, кроме вашего взгляда».

Несправедливость заключается в том, что, для того чтобы это понять, приходится найти свой Путь, шагнуть на него и пройти от начала до конца. А может, в этом как раз и есть высшая справедливость.

* * *

Ну слава тебе, господи, наконец-то Этьен свихнулся. А то я уже начинала подозревать неладное: с какой это стати рядом со мной появился доброжелательный, мудрый и на сто процентов вменяемый человек. Но теперь страхи забыты: у моего шер ами мания величия, оказывается. Ему кажется, что он — холоднокровное хордовое, обитающее в море-океане, с жабрами, хвостом и чешуей золотого цвета. Он вчера выплыл ко мне из морской пучины и спросил, чего мне надобно. Ну так, по жизни. Я долго думала и попросила форель на гриле, но он обиделся. Действительно, как-то неделикатно получилось: ко мне рыбка со всей душой, а я об ухэ мечтаю.

Я вот только не поняла, что он мне хочет всучить — деньги или домик на берегу моря?

Хорошо, что я такая умная. И хитрая. И еще чертовски

проницательная. Стоит со мной заговорить, и я уже буквально через час понимаю, что человек, вероятно, что-то хочет мне сказать. Ничего от меня не скроешь!

Короче, пришлось мне изображать полную идиотку, убогую и бескорыстную. Я загадочно улыбнулась и сказала, что хотела бы научиться гадать на таро. Чтобы все мои предсказания сбывались. Тут с моей золотой рыбкой чуть нервный припадок не случился. Но я была тверда как скала и так же неподвижна. Не хочу, сказала я, быть столбовою дворянкой, а хочу быть владычицей морскою. Заберите ваши несчитанные алмазы и подайте мне учение Кроули, которое истинно, потому что верно! Ура, товарищи!

* * *

...а мой Черный человек совсем расшалился в последнее время. Стоит мне лечь на диван, задрать ноги на стенку и приготовиться смотреть какую-нибудь старую комедию, как я уже слышу его бормотание. И коготки сначала легонько щекочут шею, а потом впиваются в кожу все сильнее и сильнее.

Ты мешаешь, говорю я, мне не слышно, это моя любимая серия, давай лучше завтра.

Но он не слушает и бубнит мне в ухо: почему ты лежишь? Зачем ты в сотый раз смотришь эту фигню? Неужели тебе нечем заняться? А кто за тебя отчет допишет, Пушкин?

Я кошусь на него подозрительно, но он абсолютно серьезен, даже и не думает шутить. Сегодня у него голос моей первой учительницы, а это значит, что вечер испорчен безнадежно, с другими я еще как-то могу договориться, а вот с ней...

А он продолжает: ну хочешь посмотреть фильм, так посмотри что-нибудь новое и хорошее.

Отстань, говорю, я же все равно засну через полчаса, я устала, мне бы полежать уютно, ну чего ты привязался, давай завтра. Ну вот прямо с утра. Хочешь, я будильник на десять минут раньше поставлю?

С утра ты торопишься на работу — его рассудительность

совершенно выводит меня из равновесия, — и потом, завтра будет новый день, а сегодня — это сегодня, так ты всю жизнь пролежишь на диване, неужели тебе не жалко?

Я начинаю злиться, хотя понимаю, что ему только этого и надо. Ну что ты такое говоришь, какая жизнь, какой диван?

Ну конечно — он делает вид, что улыбается, а на самом деле просто показывает зубы, — конечно, ты можешь меня прогнать, но кто тогда о тебе позаботится? Ты сама не в состоянии, если бы я тебя не пинал каждый вечер...

То я умерла бы от голода, машинально заканчиваю я. Всё, на сегодня хватит, выкурю сигарету и спать пойду, господи, ну что за наказание, ну почему нельзя один-единственный раз спокойно заснуть перед телевизором? Что ты от меня хочешь? За эти несчастные полчаса я все равно ничего не успею.

Неправда, говорит он с таким назидательным видом, что мне хочется его убить, да только сил нет, неправда, за полчаса очень многое можно успеть. Сегодня полчаса, завтра полчаса. Ты могла бы починить решетку на окне, разобрать бумаги и диски, связать свитер. Ты могла бы написать книжку, позаниматься йогой, встретиться с этим, как его, вот черт, ну с этим, у которого такие глаза, ты могла бы выйти замуж, родить сына, посадить дерево, починить решетку, ты могла бы напиться с друзьями и танцевать, ты могла бы перестать бояться плавать в море ночью, ты могла бы уже закончить опыт, починить решетку, сходить в поход, заработать много денег...

Я наливаю ему вина, он пьет жадно, громко отхлебывая и фыркая в стакан, постепенно затихает и сворачивается у меня на плече клубочком. Я глажу его по спинке, а он, засыпая, подергивает лапками, как будто за кем-то гонится, и бормочет: пойти на айкидо... научиться играть на пианино... и решетку починить, обязательно починить решетку, потому что там дырка и мне страшно...

Я осторожно перекладываю его на подушку, допиваю вино и засыпаю с мыслью о том, что надо, в конце концов, починить решетку, а то ведь там действительно дырка и ему страшно...

* * *

Третью неделю сижу в башне, прямо Рапунцель какая-то. И косы распускать без толку. По ним только высшее эзотерическое знание поднимется, а меня от него уже тошнит, и звездочки пятиконечные в глазах. «О чем вы думаете, глядя на этот кирпич»? О масонах думаю, потому что я идиотка, а это не лечится, доктор. Ну кто меня за язык тянул? Попросили бы луну с неба, Этьен бы мне ее быстренько организовал, я бы ее под косу пристроила, и все дела. Так нет же, я девушка изысканная и неординарная, я желаю странного. Ну вот, допросилась. Сиди теперь, зубри наизусть Книгу Закона.

Ну что за жизнь, прямо рабство на галерах, а не жизнь. На работу хожу, как на праздник, дожили, совсем уже ничего святого не осталось. А вчера еще и квартирная хозяйка на меня наехала: я много курю, оказывается. «Деточка, вы себя убиваете, нельзя же так легкомысленно». Ну, я ей объяснила, как умела, что это же капля никотина убивает лошадь. А полкапли никотина делает лошадь сильнее.

Господи, ну почему я такая дура, могла же попросить руны вместо таро. Скандинавский эпос такой милый и, главное, короткий. И никаких символов, алфавит выучил — и готово. Можно было бы утешить себя тем, что в другой раз буду умнее, но ведь не будет никакого другого раза, умру ведь во цвете лет...

* * *

Здравствуй, мамочка.

Почему не звоню? Я звоню.

Хорошо, я постараюсь звонить чаще.

У тебя больное сердце? Впервые слышу.

Конечно, мне на тебя плевать, ты очень плохо меня воспитала. Я абсолютно не уважаю родителей.

Да, ты совершенно права.

Как это папа меня плохо воспитал? А как же твоя загубленная жизнь? Где ж это ты губила жизнь, пока папа меня

плохо воспитывал?

Я не грублю, просто по прошлой версии это ты меня плохо воспитала, пока папа гулял с друзьями.

Я говорю, что ты не умеешь воспитывать детей? Ничего подобного, мне кажется, что у тебя прекрасно получилось! Как и все, за что ты берешься, мамочка.

Да, я ношу шарф.

Нет.

Да.

У меня все в порядке.

Зачем ты спрашиваешь, если все равно не веришь?

Тем не менее у меня все хорошо.

Да, я люблю тебя.

Ты можешь позвать папу?

Почему сразу? Не сразу, я сначала с тобой поговорила.

Мам, у меня карточка заканчивается.

Она и была новая, пока мы не начали выяснять, почему я никогда не звоню.

Целую тебя.

* * *

...меня мои мальчики доконают, остается только надеяться на инфаркт. А вдруг инсульт? Хотя знаешь, мне когда-то приятель рассказывал, что у его жены инсульт приключился в каком-то очень юном возрасте, лет в двадцать пять, что ли. Две недели пролежала парализованная, потом потихоньку выздоровела.

А она талантливая скрипачка, со всеми вытекающими концертами и восьмичасовыми репетициями. Так она говорила, что это было самое счастливое время в ее жизни. Две недели лежала, спала, думала... А у меня не жизнь, а гонки с препятствиями — тут поневоле размечтаешься об инсульте.

Прихожу вчера на работу, а в центре лаборатории на столе две клетки с мышами. Ну, я деликатно интересуюсь: откуда мыши? Наш заказ только через неделю придет, это в лучшем случае. Мои красавцы заливаются румянцем, стыдливо

опускают глаза долу и еле слышно бормочут, что мышей им подарили. Выглядели они настолько смущенными, что я предположила худшее. Например, наши мальчики оказывают виварию сексуальные услуги. За мышей. Уточнять я не решилась, они честно сказали, что лучше мне никаких подробностей не знать.

Документы у мышей отсутствовали, но, как известно, дарёному мышу в сертификат не смотрят, так что мы взялись за работу. Еще и пошутили, что надо забаррикадировать дверь на случай проверки. Конечно, чувство юмора есть — отчего же не пошутить?

А через три часа дверь распахнулась, и вошел к нам господин директор, собственной персоной. Кто-то ему на ушко нашептал, что у нас дверь не забаррикадирована, так он решил зайти, чаю выпить. А у меня на столе мышь сидит, морковку ест. Ну, я ее хватаю, засовываю в пенал и сажаю в карман, вместе с морковкой. И краем глаза вижу какое-то мельтешение в другом углу и думаю, что так им и надо, балбесам, будут знать, как мышей воровать. А теперь пусть живьем их глотают, если спрятать некуда. И выхожу к директору, вся такая в белом, с нежной улыбкой на устах и преступными мыслями в голове. И Дина тоже улыбается вовсю, а сама небось думает, куда мы труп спрячем, если вдруг директор найдет мышь. Мы же не одни месяц заказа ждем, весь институт ждет. А если узнают, что я позволила внести в здание каких-то неопознанных мышей без прививок, то меня даже не уволят, а просто на месте расстреляют. Без суда и следствия.

Ну вот, стоим мы с господином директором, лясы точим, пока Дина чай заваривает. И тут мышь в кармане приходит в чувство после глубокого обморока и начинает с грохотом грызть морковку. Я подскакиваю на месте и включаю центрифугу — дескать, ах, боже мой, я совсем забыла, у меня же пробирки... Мышь от ужаса (а центрифуга у нас старая и ревет, как больной слон) опять падает в обморок, а я начинаю проклинать всё и вся, потому что укол я ей уже сделала и теперь она нужна мне живая как минимум на неделю. Дина бледнеет и тоже практически падает в обморок, а она мне нужна живая еще лет на тридцать...

В общем, с грехом пополам выставили мы господина директора. Перед тем как уйти, он вызвал меня в коридор, наклонился ко мне и сказал интимно, что я какая-то нервная в последнее время. Может, отпуск взять?

Пришлось мальчишкам устроить грандиозный разнос: не могли, что ли, сертификаты украсть вместе с мышами?

Так и живем...

* * *

Этьен иногда очень странно себя ведет. И эти его приступы, он их объясняет мигренью, но про мигрень я знаю всё, я могу докторскую диссертацию про мигрень написать, и поэму тоже могу, но вот таких таблеточек я почему-то никогда не встречала. Одна таблеточка розовая, потом еще половинка белой таблеточки, потом еще порошочек... Если это мигрень, то мне даже завидно. Но только не верится мне в мигрень. Я думаю, что-то посерьезнее, тем более что приступы случаются все чаще и длятся все дольше. Но я молчу: в конце концов, если человек хочет создать реальность, в которой я считаю его здоровым, то это его право.

* * *

Я недавно решила, что Этьен свихнулся. Так это я просто не знала, о чем идет речь. Вот вчера — да, вчера он действительно свихнулся. Я собиралась обратиться к нему за разъяснениями, у меня как раз накопилось два вопроса. Первый: почему Кроули ассоциирует Дьявола с Козерогом? Из-за рогов, что ли? А второй, главный: доколе? Доколе я буду губить свою красоту и молодость, которые, если честно, и так на последнем издыхании, в этом мрачном подземелье? Ну хорошо, не в подземелье, а в уютной гостевой комнате с камином и видом на море, но все равно: доколе? Тем более что сегодня я обрела мудрость, может, это не вся мудрость мира, но больше мне уже не вынести. Утром я рассеянно листала

«Книгу Тота», думая о том, что высшее знание — оно не для меня. За последний месяц я затолкала в голову некоторое количество высшего знания, и теперь оно там повсюду валяется. Попытки навести мало-мальский порядок ни к чему не привели, я просто сгребла высшее знание в большие неопрятные кучи и старательно их обхожу, когда мне нужно что-нибудь вспомнить. Но основная проблема высшего знания заключается в том, что оно не готово лежать в куче, оно стремится оторваться от поверхности, воспарить и заполнить весь предоставленный объем.

Вообще-то за фразу «работа — это проклятие, высокие умы не должны работать» я готова простить Кроули очень многое. Почти всё. Кроме, пожалуй, фразы «самоопределение менады в ментале», потому что это выше моих ментальных сил.

Ну вот, а сегодня орех познания дал трещину, из которой пролилась на меня благодать. Я собрала ее в свои алчущие горсти и теперь наслаждаюсь. Опять-таки Кроули, а я уже решила, что он просто вдохновенный лентяй вроде меня.

«Человек не может одновременно жить грубыми формами и тончайшими чувствованиями, ибо, приспособив свое существо к восприятию одних вибраций, он тем самым теряет способность воспринимать другие».

Прямо даже обидно, что не я придумала.

Нельзя одновременно лететь на гребне волны и слушать, как растет трава. Нельзя одновременно любить и быть влюбленным.

А я все пытаюсь чертить узоры на льду посреди ледохода и все сокрушаюсь, что какие-то они выходят нечеткие...

Так вот, только я собралась сообщить Этьену, что я уже всё выучила, что могла, а больше уже ничего в меня не лезет, как тут заходит сам Друг и Учитель, собственной персоной, весь такой с глазами, направленными внутрь, и говорит, что обучение подходит к концу, завтра у нас с утра душ, зарядка и инициация. Есть не будем, а будем принимать психотропные вещества и медитировать на пламя свечи. Пламя свечи — это у Друга и Учителя такой духовный фетиш, я давно заметила. Он

на него все свободное время медитирует.

Я немножко посомневалась, а потом призналась, что ни в какую инициацию не верю. А то Этьен слишком серьезно к моему обучению относится, я-то предполагала ни к чему не обязывающие беседы за стаканчиком глинтвейна. Такое чувство, что я выпросила подарок, а что делать с ним — не знаю. Не нужен он мне, если уж совсем честно.

Этьен выслушал меня, улыбнулся и сказал, что это неважно. Вера нужна только неуверенным в себе демиургам. А для успешной инициации нужно совсем другое.

Поговорили, в общем.

* * *

...хороший такой мужик, моноклональными антителами занимается. Какая-то у него новая методика, раза в три дешевле. Он ко мне подошел после семинара и спросил, не нужны ли мне антитела бесплатно, то есть даром? Потому что моя работа поразила его в самое сердце.

Мой жизненный опыт подсказывает, что на такой вопрос положено отвечать: «Нет, я сегодня вечером занята».

Ну или в самом крайнем случае: «Да, я сегодня вечером свободна».

Но я как раз была занята, поэтому сказала, что антитела мне не нужны, но в будущем очень даже могут понадобиться. Так что я позвоню, если у меня какой-нибудь вечер освободится.

Но мне, если честно, про все эти бесплатные антитела даже думать тошно...

* * *

Я больше не боюсь судороги, заплывая зимой далеко в море, и не верчу головой, переходя дорогу. Со мной ничего не может случиться, меня хранит ангел смерти. На несколько месяцев мне даровано бессмертие. Вообще, если вдуматься,

лучшие ангелы-хранители получают именно из ангелов смерти. Тоска, депрессия, лень — куда всё девается? Стоит лишь просвистеть где-то за левым плечом белоснежному крылу, и тут же страх проходит по душе ледяной бритвой Оккама, отсекая все лишнее.

* * *

...меня всегда удивляла твоя сфера интимности. Какое-то время мне казалось, что нет ее у тебя вовсе — никаких тайн, никаких секретов, никакого смущения. Ты ведь всегда готова рассказать о себе всё, до последнего ковыряния в носу. Хоть другу, хоть любовнику, хоть случайному прохожему. А потом я заметил, что ты при всем при этом категорически не готова поставить мне свою самую любимую музыку, показать самый любимый фильм или ткнуть пальцем в самую любимую книгу. Как будто именно это обнажает твою душу, делает ее слабой и беззащитной, выворачивает наизнанку перед нескромными взорами. И в этом ты права, конечно. Кто, когда, с кем и что именно — глупо искать истину среди фактов...

* * *

Здравствуй, мамочка.
Ну прекрати, ну как это не звоню? Я два дня назад звонила.
А ты проверь входящие, там и время, и дата.
Давай, давай, проверяй, а я перезвоню через пять минут.
Веришь на слово? Ну, это ты зря. Разве можно мне верить?
Давай, может, я твоим здоровьем поклянусь?
Ничего у меня не случилось.
Я не нервная.
Я не кидаюсь.
Мама, я пока еще не кидаюсь, но мне это уже тяжело дается.
У меня все в порядке.
Нет, меня не уволили.
Нет, я не собираюсь возвращаться.

И к Олегу тоже.

Я не кричу.

Нет, я не заболела.

Нет, я не беременная.

Что значит почему? Ни одного аиста, просто как вымерли все.

Я не издеваюсь.

Ах ты мечтаешь о внуке? Я тоже мечтала о братике, и что? Вот родила бы ты мне тогда братика, я бы тебе сейчас за это родила внука...

Послушай, мам, я тебе клянусь, в следующий раз ты сможешь сколько угодно возмущаться тем, что я никогда не звоню. У тебя будут для этого все основания.

Нет, я не хочу твоей смерти, мама. Я своей смерти хочу. Каждый раз, минуте на третьей примерно, такой сильный суицидальный позыв. Мама, как ты думаешь, это из-за того, что я вчера вышла без шарфа?

Нет, я не кричу.

Папу позови, пожалуйста.

Извини, я больше не буду.

Да, ты права, извини.

Да, хорошо, позови, пожалуйста, папу. Целую.

* * *

...а вчера к нам наведальось Высочайшее Начальство. Почитало наши отчеты и ручками захлопало. Потом немножко подумало и ножками затопало. Потому что мы, такие-сякие, закон нарушаем и того и гляди Нобелевскую премию получим. Ну, это я шучу, но патент наш будет даже не золотой, а как минимум бриллиантовый. Мы тупо на Высочайшее Начальство глядели и бормотали: «Так точно, ваше благородие! Никак нет, ваше благородие! Не извольте сумлеваться, ваше благородие. Мы больше не будем, ваше благородие!» Высочайшее Начальство подобрело, пробурчало: «Ну то-то же», чаю с шоколадом откушало и удалилось, предупредив напоследок, что шутки закончены, дальше все будет по всей строгости,

самодеятельность оно терпеть не намерено и в следующий раз придет с проверкой совершенно неожиданно. Примерно двадцать пятого числа следующего месяца. Но если вдруг что, то отвечать, разумеется, мне.

Кто бы сомневался!

Противно, конечно, но на сегодняшний день это лучшее развитие событий из всех возможных.

Так что можно считать, что дела идут хорошо. Ну, разумеется, если не считать моего Черного человека, который мне день и ночь покоя не дает. Такой себе Черный человек без лица. Я даже не хочу знать, чего ему от меня надо. Понять бы, кто он такой.

Пока что шарахаюсь от каждой тени, а ночью мне снится, что я иду по берегу моря, собираю янтарь, и тут поднимается ветер, волны увеличиваются, я понимаю, что еще чуть-чуть — и меня накроет волной. Оглядываюсь и вижу, что бежать некуда, справа море, а слева — высоченная скала. Мне очень страшно, так страшно, что я уже не могу это выносить, поэтому я поворачиваюсь и иду в море сама. Просыпаюсь то ли в холодном поту, то ли в соленых брызгах — черт разберет...

* * *

Ведь говорил же мне любимый мужчина: береги, Юленька, крышу, держи ее двумя ручками крепко, а лучше прибей гвоздиками. А я вот не уберегла. Самое дорогое свое сокровище не уберегла для любимого. Потому что вчера состоялась-таки эта самая загадочная инициация, и я теперь сижу в печали и не знаю, чего мне ждать — то ли рога с копытами вырастут, то ли просветление наступит. Записалась на всякий случай к косметичке, она прекрасно справляется с просветлением.

Разбудили меня эти маньяки в пять часов утра. Я вот не понимаю, почему таинственные ритуалы нельзя проводить поздно вечером? По-моему, это как-то логичнее. Час Зверя какой-нибудь, полнолуние, зловещие тени. Этьен сказал, что все равно, когда именно. Главное — чтобы время

непривычное. А в пять часов я обычно уже сплю. Я его понимаю, конечно, но это понимание, смешанное с тоскливой и безрадостной сонливостью. Потому что садизм чистой воды — будить человека в пять утра в его единственный выходной день.

Ну вот, замотали меня в голубые тряпочки, расшитые золотыми звездочками, грудь и колено обнажили и дали большой кубок. Пей, говорят. Я призадумалась: люди, которые способны встать в пять утра по собственной воле, обычным гашишем не ограничатся. В лучшем случае ЛСД, а в худшем — толчёный рог единорога, от которого у меня поседеют волосы и восстановится девственность. Но Этьен шепнул мне: пей, ничего не бойся.

Ну да, чего ж бояться? Кровь небось давно ушла в землю.

А вино терпкое до невозможности, видимо, кровь ушла в землю на северном склоне и в неудачный год.

Дальше уже ничего не помню, только какие-то обрывки.

То ли в вино что-то добавили, то ли в свечи. Голова кружится.

Нет, на кислоту не похоже, после кислоты мир свежеемытый и звонкий, а сейчас наоборот — мутный и приглушенный. Дурман, я думаю.

Этьен вырос чуть ли не до потолка, и голос странный. Не упасть бы.

Говорит что-то на латыни, а я отвечаю. Ни слова не понимаю.

Подходит Мишель, тоже что-то говорит и колет циркулем в грудь. Циркуль — это розенкрейцеры, мне кажется. А у

масонов при посвящении бьют кирпичом по голове, я думаю. Морда кирпичом — вот тайный знак масонов.

Я все поняла, это не голова кружится — это комната кружится.

Ну вот, и так прошли целые сутки. Когда я немного пришла в себя и вышла, пошатываясь, на берег моря, как раз светало. И я в ужасе подумала, что эти два красавца остановили-таки время. Но тут зазвонил будильник в сотовом, и стало ясно, что все гораздо хуже: время никто не останавливал, и мне пора на работу.

* * *

— Этьен, друг мой, сделайте одолжение, объясните, что это вы за представление устроили? Я ничего не понял. Вы же не собирались принимать ее в орден? Да и нет у вас таких полномочий, вы ведь вышли из ордена, если я не ошибаюсь.

— Простите меня, Мишель, я должен был объяснить все заранее. Но я немножко боялся, что вы мне откажете. Я хотел создать иллюзию обряда, а не сам обряд. К обряду я слишком серьезно отношусь, к сожалению.

— Но зачем вам это? Вы хотите ее соблазнить? Так ведь она и сама не против, как мне кажется.

— Мишель, у меня светлеет на душе от того, что годы вас совершенно не портят. Неужели вас до сих пор волнует лишь одно: годится ли индивидуум для совокупления?

— Ну нет, не все так трагично. Вот вы же, к примеру, совершенно не годитесь для совокупления. Я имею в виду со мной, не хотел вас обидеть.

— Вы меня не обидели. Тут другое. Предварительное соперничество — необходимая часть совокупления, вот тут-то вы и вспоминаете обо мне, мой верный друг.

Я действительно хочу подарить этой девочке таро. Ваш

упрек совершенно справедлив: вчерашний балаган лишь подготовка для настоящей инициации. И мне опять потребуется ваша помощь, один я не справлюсь.

— Вы безусловно можете на меня рассчитывать, но я был бы вам очень признателен, если бы вы объяснили, в чем именно.

— Разумеется, Мишель, я именно для этого пригласил вас сегодня.

Для того чтобы гадать на таро, не нужно верить в Бога, дьявола, Великого Кроули, флюиды и парапсихологию. Достаточно верить в себя, верить в то, что ты сам действительно существуешь, причем не просто существуешь, а обладаешь достаточно развитыми чувствами — особенно шестым, но обычные пять тоже пригодятся. Ну а дальше уже надо всего лишь тренировать чувствительность, точь-в-точь как это делает вор-карманник, да и цель примерно та же: без шума и грохота скользнуть пальцами в складку реальности и извлечь наружу крохотную ниточку изнаночного шва, чтобы потом потянуть за нее легонько и посмотреть в полученную дырочку. Не мигая, секунду или две, сколько сможешь вынести.

У нее есть все необходимое: везение, смелость и любопытство. А веру в себя она получит от меня в подарок. Она к такому подарку не готова, он либо придавит ее к земле на много лет, либо научит летать. Зависит от нее.

* * *

...ты же знаешь, я в искусстве ничего не понимаю, у меня под искусство голова не заточена. Но вот мне больше всего нравится, когда у тебя получается балансировать между смехом и слезами. Это сейчас такие Сцилла и Харибда в современной литературе — рыжий и белый клоуны. И не дай бог, тебя сожрет один из них.

У тебя пока что смех надрывный, тактический смех, а не

стратегический, если ты понимаешь, о чем я говорю. Просто такой у тебя способ держаться и не падать. А вот когда ты уже упадешь и окажешься в самом центре бездны, у ворот ада, или что там самое страшное может оказаться в центре бездны? В преддверии распада, скажем. И если там ты сможешь открыть глаза и улыбнуться — вот такую литературу я бы читал.

Мы вчера с Нель об этом говорили, но ты же ее знаешь, она про центр бездны даже слушать ничего не хочет. А чем, говорит, тебе не нравится наш маленький уютненький центр бездны? И поправляет салфетку около тарелки.

Я очень виноват перед ней, но все мои попытки сделать «как лучше» заканчиваются традиционно. А может, всё не так, и я на самом деле оказал ей бесценную услугу — постелил поле боя, обнажил меч...

Мне самому от таких метафор дурно делается, так что можешь на эту тему не шутить, а если не удержишься, то шути как-нибудь нежно. Что-нибудь вроде «Волобуев, вот вам меч...».

* * *

Друг и Учитель подарил мне сегодня свою колоду таро. И сказал, что все знаки благоприятны, небеса приняли нашу жертву, и теперь я Карточных Дел Мастер, что-то вроде этого. Самое ужасное, что среди обрывков воспоминаний нет ни одного, связанного с жертвоприношением. Хотела бы я знать, что это было? Мы резали кошек?

Спрашивать Этьена я не рискнула, у меня такое подозрение, что это знание может оказаться для меня совершенно лишним. А потом еще попробуй забудь. Нет, я лучше останусь в счастливом неведении.

Но чем бы наша жертва ни была, небеса ее приняли. Спасибо вам, небеса, мне бы вашу решительность и неразборчивость, и тогда моя жизнь могла бы сложиться совершенно иначе.

«С этой минуты, — сказал Друг и Учитель, — будущее открывается перед тобой. Забудь все, что ты успела прочитать.

Забудь все, чему я тебя учил. Просто трогай Карты и не сопротивляйся, когда они поведут тебя. Будь точна, вежлива и не забывай благодарить их после каждого сеанса. Тебе предстоит нарисовать свою колоду, а до этого времени ты можешь пользоваться моей. Но только в моем присутствии, к сожалению. Через три дня полнолуние, если хочешь, мы можем устроить первый сеанс».

Я ужасно устала за последние дни, до того устала, что грохнулась в обморок прямо посреди экскурсии. Испуганные туристы вызвали «скорую», меня тщательно осмотрели и пришли к выводу, что это мигрень. «Как же так? — спрашиваю. — При мигрени ведь голова должна болеть, а у меня не болит». «Деточка, — ответил мне пожилой врач, — за всю мою тридцатилетнюю практику я впервые слышу подобную жалобу. Не гневите Бога, деточка».

А я так думаю, что никакая это не мигрень. Просто я веду слишком здоровый образ жизни, работаю на свежем воздухе, плаваю в море и гуляю по берегу. Организм не рассчитан на такое издевательство, ему нужен смог, стрессы и душная прокуренная комната с низким потолком. Вот и бунтует как умеет.

* * *

Вы знаете, Мишель, девочка вполне освоила Кельтский крест. И очень бойко интерпретирует. Даже, пожалуй, чересчур бойко. Я надеялся, что первые гадания будут нечеткие, размытые. Чтобы иметь некоторый простор для вариаций. Но нет, она очень усложнила мне задачу. Отказалась, кстати, от антуража: свечей, благовоний, полумрака. Сидела на полу, ужасно деловитая и сосредоточенная. Вообще вы заметили, Мишель? Она много смеется и почти никогда не улыбается. Очень серьезная девочка.

Она раскладывала карты на денежные проблемы. Все должно разрешиться наилучшим образом: она получит подарок. И найдет еще одну работу. Подарок я беру на себя, у меня есть замечательная идея. А вот с работой вы должны мне

помочь. Только помните: все должно выглядеть естественно. И пусть траты вас не смущают.

Работа у нас по раскладу получилась интеллектуальная, связанная с распространением информации. Газета, радио, телевидение — всё сойдет. Французский у нее слабоват для газеты, а итальянский хорош, я сам слышал.

И вот еще что, друг мой. Вы не станете возражать, если я завещаю вам свою библиотеку? Увы, мне больше некому ее оставить. Моя семья распродаст ее с молотка, а мне даже сама мысль об этом невыносима. И не подумайте, что я пытаюсь с вами расплатиться за услуги — мне бы это все равно не удалось, потому что услуги ваши бесценны. Так что мои действия продиктованы чистой воды эгоизмом.

* * *

...меня немного пугает твое увлечение таро. Не знаю, как тебе, а мне папочка всегда говорил: «Запомни, сын: карты до добра не доведут». Очень живо представляю, как возвращаюсь это я домой после работы, лет эдак через пять, а в доме немытые полы, сопливые дети в исподнем и полным-полно экзальтированных дам с заплаканными глазами. А посреди этого всего восседаешь ты, в цыганском платке и круглыми серьгами в ушах. Глаза закатываешь и бормочешь невнятно про эманации потустороннего.

Мне осталось закончить одно-единственное дело, и я тут же примчусь на крыльях любви. Ты, конечно же, возразишь, что слово это мне знакомо по курсу «Гормоны и стероиды», и я не буду с тобой спорить. В конце концов, я могу примчаться к тебе на крыльях твоей же любви, они у нее как у птички, не говоря уже о крепком клювике и когтистых лапках, а если она и нагадит ненароком на голову, то это непременно к счастью. Ну, это все в хорошем смысле, ты не подумай. Никогда не забуду, как я в припадке ярости орал, что ненавижу тебя и видеть не хочу больше никогда, а ты оторвалась от перевода и спросила: «Надеюсь, в хорошем смысле?»

Даже и не знаю, где мне тебя больше всего не хватает — в

спальне, в гостиной, в машине, когда еду ночью по трассе, около телевизора... Разве что кухню твое отсутствие необычайно украсило: я выбросил к черту овсяные хлопья, а еду покупаю в соседнем ресторане...

* * *

Загадочность мироздания превзошла самые смелые ожидания. И обещает не останавливаться на достигнутом. Вчера в кафе некая милая девушка не смогла расплатиться за кофе с булочкой — то ли сумочку у нее украли, то ли кошелек, она так громко всхлипывала, что я не разобрала ни одного слова. Подняла на меня огромные синие глаза и попросила денег взаймы. Я дала, не раздумывая: она так трогательно прикасалась к моему рукаву, да и мелочь ведь, чего ж не дать. Ну вот, потом она сказала, что зовут ее Люси, она студентка и учит в университете биологию. Это у меня такая судьба — тупая и без чувства юмора. Хорошо, что она мне этого раньше не сказала, потому что я биологам не подаю. Из принципиальных соображений.

На прощание Люси взяла у меня номер телефона, чтобы вернуть долг, а до тех пор оставила мне томик Рембо, ветхий до невозможности. Вроде как в залог.

Вечером Люси позвонила и огорчила меня сообщением о том, что она вынуждена срочно уехать, поэтому денег мне не видать, как и саму Люси, а книгу она оставляет мне. В качестве компенсации.

Я утешила себя мыслью о том, что мне крупно повезло: а если бы Люси оставила мне в качестве залога дрессированного таракана? От биолога всего можно ожидать, я эти слова вышью девизом на своем белоснежном знамени.

Либо его выбьют эпитафией на моем белоснежном надгробии, это уж как повезет.

Люси сказала мне, что книга досталась ей в наследство от дяди, поэтому она ее не продавала. Ну вы понимаете, мадам, я так сентиментальна... А вот если ее продать, то за нее кучу денег дадут, потому как раритет, первое издание и к тому же в

отличном состоянии. Видимо, у нас несколько разные представления об отличном состоянии, но я все-таки зашла утром к букинисту. Сначала хотела у Этьена спросить, но что-то меня удержало.

Букинист подтвердил, что книга действительно очень дорогая, он сам купить ее в данный момент не может, но у него есть друг, который... Ну и так далее. Позвонил он этому своему другу, тот примчался через двадцать минут, весь в мыле, всучил мне две тысячи, и я ушла, чувствуя себя полной идиоткой. Но дальнейшее расследование показало, что не такая уж я полная идиотка, всего лишь процентов на семьдесят: больше трех тысяч мне бы за этот раритет никто и не дал.

А ровно через час после этого позвонил Мишель и сказал, что его знакомый издает газету для русских эмигрантов и они ищут журналиста. И даже будут платить деньги, что мне в тот момент показалось совершенно излишним. Я бы и так согласилась...

Теперь я думаю, что за странные совпадения? Ну, Мишеля, допустим, мог подговорить Этьен, но эта загадочная книга откуда взялась?

На всякий случай решила Этьену ничего не рассказывать. Хотя это смешно. Если он ни о чем не спросит, то это может означать, что он и так все знает. Но точно так же это может означать, что он давным-давно думать об этом предсказании забыл. Тем более что вчера он выглядел просто ужасно, я даже испугалась.

А если он спросит, то это ведь тоже ничего не значит.

Даже если это его подарок, я не намерена портить ему удовольствие всякими тупыми разоблачениями.

Хотя в любом случае надо признать, что Шерлок Холмс из меня никогда не выйдет: с дедукцией у меня плоховато. Взять, что ли, в Марсельском университете курс логики? Просто так, назло всем биологам? А то они сговорились надо мной издеваться, честное слово.

* * *

...и вот еще что я хотел сказать: тебе не кажется, что ты свои крылья любви надела наизнанку? Почему-то ты на них всегда мчишься от меня, а не ко мне. Тебе это не кажется странным? Ты, нежная и любящая, вечно убегаешь, а я, грубый и бесчувственный, догоняю. Нет, ты не подумай, что мне надоело. Конечно, надоело, но если тебе нравится, то я готов на любые жертвы. Но, может быть, для начала хотя бы назовем вещи своими именами?

Я догадываюсь, что тебя мучает. Тебе кажется, что невозможно полное слияние, и понимание невозможно, и всегда в какой-то момент мы натыкаемся на глухую стену, а раз так, то зачем все это?

Конечно, невозможно, ну и что с того? Представь себе Нель, которая говорит: «Я поняла, что все тайны мироздания мне не открыть, поэтому я вообще не буду больше работать». Что бы ты ей сказала?

Между нами стена, она всегда была и всегда будет, и чем ближе мы друг к другу подходим, тем больше она кажется — таковы законы перспективы. Но в ней есть дырочки, в этой стене, так что можно в такую дырочку посмотреть, а со временем и руку просунуть, и дотронуться, может быть.

Но умирать, конечно, каждый из нас будет в одиночестве, тут я с тобой спорить не стану. И даже зуб удалять каждому из нас будут по отдельности. Ну и что? Даже сто лет одиночества не отменяют пяти минут, проведенных вместе...

* * *

Здравствуй, мамочка.

Что случилось?

Ну допустим, я сошла с ума. А из чего мы это учим?

116

А, это ты сходишь с ума? Ну хорошо, хоть какая-то ясность.

Да, я поняла, что ты волнуешься. Я только не поняла почему.

Ах вот оно что! А если я не отвечаю на телефон, это значит, что я умерла? Я правильно понимаю?

Мама, у меня могло быть свидание, я могла пойти в театр или в кино, я могла ехать по горной дороге. Я могла банально находиться в лифте.

Если бы ты мне звонила почаще, то ты бы знала — далеко не всегда получается соединиться с первого раза. Но ты же мне никогда не звонишь!

Да, я думаю, наша проблема именно в том, что ты никогда мне не звонишь!

Нет, я не была на свидании. Я гуляла по набережной, а телефон оставила дома.

Зачем? Чтобы не идти на свидание.

Мама, я не встречаюсь с незнакомыми мужчинами. Этому ты меня успела научить. До того, как загубила свою жизнь. Я со всеми мужчинами знакомлюсь в первые же пять минут, потому что иначе я не смогу с ними поговорить.

У тебя дочь проститутка? Мама, признайся, у тебя есть еще одна дочь? Почему ты от меня скрыла, мама? Я бы тебя не осудила. Я, конечно, хотела братика, но и сестричка неплохо.

Ах, мама, если бы я была проституткой!.. Ты себе не представляешь, какие возможности открылись бы передо мной в портовом городе...

Кстати о проституции, я нашла новую работу. Журналистом, в русской газете.

Да? А я думала, что вот это как раз позор. Скажи, как ты отличаешь позорную работу от непозорной?

У меня нет ничего святого? Да у меня абсолютно все свято! Куда ни плюнь, обязательно попадешь в святыню!

Я тебя обожаю, мамочка! Это действительно один хрен!

А где папа?

Ну хорошо, привет ему передавай и поцелуй от меня.

* * *

Она косилась на меня подозрительно несколько дней, а потом все-таки спросила. Не я ли подсунул ей подарок и

работу?

Я сказал: Жюли, если тебе нужны деньги, ты всегда можешь ко мне обратиться.

Я сказал: я с удовольствием дам тебе денег, но только если ты меня об этом попросишь.

Я сказал: не люблю, знаешь ли, навязываться.

Я сказал: расскажи мне про новую работу. Она тебе нравится?

Я не сказал: молодец, девочка, ты очень смелая. В твоём возрасте и на твоём месте я не решился задать этот вопрос. Так и ходил в растерянности.

Я не сказал: Жюли, подобная прямота оставляет тебя незащищенной. Будь осторожнее, Жюли. Ты ведь не можешь знать, чего я на самом деле от тебя хочу.

Я не сказал: а впрочем, у каждого свой путь. Не слушай меня, я говорю глупости.

Я не сказал: мне очень приятно делать тебе подарки, Жюли.

* * *

Я когда-то слышала теорию, что человек живет только до двадцати пяти лет, а потом запас жизненных сил у него заканчивается и он начинает медленно умирать. В некотором смысле так оно и есть. Пружины, туго закрученной при рождении, хватает на четверть века, потом несколько лет инерции, а там и Сатурн завершает тридцатилетний круг. И вот тут-то начинается самое интересное. Вот тут-то и приходится останавливаться и искать новые источники энергии. До тридцати об этом не задумываешься, да и смысла особенного нет — растешь себе, как зародыш в яйце, вся еда под рукой. А в один прекрасный день она заканчивается, вот и приходится пробивать скорлупу пока еще слабым клювом и вертеть головой по сторонам — то ли водички попить, то ли

червячка съесть.

Больше всего я люблю энергию Воздуха: Меркурий, посыльный на быстром коне, легкий звенящий меч и бесконечные ночные разговоры. В такие ночи я могу обходиться без сна и еды, а наутро все тело переполнено маленькими колючими пузырьками.

У Воды совсем другая сила. Медленная, мягкая, пластичная сила метаморфозы. В воде легко рожать и рождаться, только в воде и можно отращивать крылья для будущих полетов.

С Огнем у меня сложные отношения: я могу только любоваться его отблесками — стоит мне приблизиться, и он выжигает меня до пепла, до золы.

А силу Земли я вообще не понимаю и, как пользоваться ею, не знаю. Для этого надо осесть, построить дом, посадить дерево, родить сына. А у меня даже цветы не растут, не то что дети и дома.

Расстояние до цели можно пройти как минимум четырьмя разными путями — путями четырех стихий. Укрепить дух и двигаться, расчищая себе дорогу мечом, по пути Воздуха. Либо довериться реке и покачиваться на волнах, пока Вода донесет тебя до нужного места. А можно отдаться страсти и сжечь себя, чтобы возродиться потом из пепла обновлённым. Или — самое простое и самое сложное — возделывать землю. Когда-нибудь я пойму, как это делается.

* * *

...а я достигла небывалых успехов на пути подхалимажа и приспособленчества. Горжусь собой безмерно. Мы с соседней лабораторией находимся в состоянии холодной войны. То есть бомбы друг в друга не бросаем пока, но в туалеты ходим на разных этажах. Я не знаю, разные этажи считаются одним гектаром?

Им кажется, что нам дают слишком много денег, они тоже столько хотят. А мы, в свою очередь, уверены, что, сколько бы им ни дали, все равно получится больше, чем стоило бы. Ты что-нибудь слышала про волновую генетику? Если нет, то всё

прекрасно и дальше не слушай. Они каким-то облучением передают генетическую информацию. Более того, можно, оказывается, со здорового человека генетическую информацию списать и больному передать. Больной тогда сразу же костыли отбросит, встанет и пойдет. Я предлагаю деньги им тоже передавать облучением. Списать информацию с десяти, скажем, тысяч и передать им волнами.

Короче, ты поняла, что именно я думаю о Валерии Григорьевиче, моем коллеге, так сказать. Но мне нужен прибор, который у него есть, а у меня нет.

Вот ты о чем подумала? А это вовсе даже и не он.

Мне нужен такой прибор, который клеточки считает. Стоит он ужасно дорого, да и незачем его покупать — я им раз в сто лет пользуюсь. Так я волосы растрепала, струйку слюны из уголка рта пустила, глаза к переносице скосила и пошла к Валерию Григорьевичу. Валерий Григорьевич, говорю, мне без вас никогда в жизни не справиться. Я вчера ездила в университет, на приборе поработать, но ничего не получилось. Вы со мной не поделитесь своим бесценным опытом? А то мне предлагали объяснить в университете, но я никому не доверяю так, как вам. А я вам за это коньячок поставлю.

И ведь, главное, не соврала, ну ни полсловом. Ездила в университет, действительно ездила. Поработать не получилось — у них в приборе компьютер полетел. Они говорят в таких случаях: доктор Ватсон пришел; это значит — программа дала сбой и перестала принимать сигналы от прибора. И надо теперь все бросать и объяснять ей, что это же элементарно, ну где же твои глаза? Вот отсюда считываешь и вот сюда на экран выводешь.

И даже объяснить, как работает прибор, мне предлагали, но я и сама знаю, так что отказалась. Ну а то, что никому на свете не доверяю я так, как Валерию Григорьевичу, даже и ежу понятно. Комментарии тут излишни.

Но мне кажется, зря я душу продавала, он бы и на один коньяк клюнул. Приходите, говорит, Неля Александровна, в любое время и со всеми вопросами обращайтесь, не стесняйтесь. И уволок бутылку к себе в норку.

Хорошо хоть, коньяк у нас есть: Дина в этом году начала

заочникам читать, так я уже просто волноваться начала, мы все дружно чуть не загремели в больницу со сложным экзистенциальным диагнозом «алкогольный диабет». Мои малолетние придурки даже мышей приучили к шоколаду и коньяку, совсем зажрались...

* * *

Сегодня Жюли гадала по моей волшебной колоде второй раз. Очень загадочный расклад. Ей придется в ближайшее время серьезно подумать о своем здоровье. Я перепугался и потребовал уточнений. Мы сделали еще один расклад на состояние здоровья — здоровье прекрасное, никаких поводов для волнений.

Дело осложняется тем, что сегодня вечером я уезжаю в больницу. В лучшем случае на неделю, но скорее всего на две.

Мишель обещал что-нибудь придумать, и я немедленно занервничал. Но он поклялся, что никаких несчастных случаев устраивать не станет. Хотя чего стоят его клятвы, я помню.

Он очень верный человек, но практически невозможно понять, чему же он на самом деле хранит верность. При всем при этом я не перестаю поражаться его умопомрачительной доверчивости — он действительно уверен, что мы встретились случайно...

В детстве я удивлялся странному поведению людей. Когда я был молод, люди пугали меня. Потом я вырос, и они меня начали раздражать. Когда мне исполнилось сорок, я ими восхищался. В пятьдесят они меня смешили, а сейчас опять начали удивлять.

* * *

Этьен уехал в Швейцарию. Кататься на горных лыжах. По-моему, это страшная глупость, он в последнее время плохо себя чувствует. Я заикнулась было о том, что, может, не стóит на лыжах-то. Может, на санках хотя бы. Но Друг и Учитель

велел думать о своем здоровье, а не о моем. Потому как это мне Карты обещали — всерьез заняться своим здоровьем. Я его расстраивать не стала, а сама подумала про себя, что нет шансов. Но понятно же, как судьба хихикает над подобными заявлениями. Прихожу вчера на работу, а мне говорят, что, поскольку я им очень подхожу по всем параметрам, они мне решили сделать медицинскую страховку. И ровно три часа пришлось мне просидеть с необычайно занудной тётечкой, занимаясь собственным здоровьем.

Как-то мне тревожно от этих сбывающихся предсказаний. Никак не могу понять, как же к ним относиться. Ладно, пока что будем считать, что это совпадения. Но настроение у меня на всякий случай испортилось. Вроде как хочется лечь на диван и погрузиться, но не получается, потому что все время хочется что-нибудь сделать. Я когда-то в детстве ходила на йогу, там в конце каждого занятия была медитация, направленная на концентрацию энергии и повышение работоспособности. И вот мы лежали в шавасане на полу, а приятный мужской голос размеренно произносил: «Мне хочется встать и действовать. Мне хочется встать и действовать».

К стыду моему, должна признать, что на этих словах я неизменно засыпала.

А вот куда сейчас моя хваленая лень подевалась — совершенно непонятно.

Такое ощущение, что депрессивная стадия у меня уже началась, а маниакальная еще не закончилась. Незабываемо!

Как будто одновременно приняла ментальное слабительное и ментальное снотворное.

* * *

...мы ведь как, мы ведь деремся либо за еду, либо за самку. Ну да, конечно, за деньги, но если деньги маленькие, то это практически за еду драка, а если большие, то уже все-таки за самку.

Или вообще с другим видом война. За экологическую нишу.

Такое впечатление, знаешь, что если я кого-то из них убью и, допустим, съем, то это даже каннибализмом не будет считаться. У них другой обмен веществ, абсолютно другой. Я даже не уверен, что углеродный. Кислород им для дыхания совершенно не нужен, я сам видел, они безо всякого кислорода живут.

Пока что я успешно притворяюсь, но если меня выбросят в открытый космос без скафандра, то вся конспирация накроется медным тазом.

Надеюсь, ты ни слова не поняла из того, что я тут несу...

* * *

К сожалению, замужние женщины не могут себе позволить писать стихи. Проза ведь что, проза — выдумка, а с поэзией все гораздо хуже. Вот я вернулась когда-то домой, а Олег в интернете сидит. Присмотрелась — стихи мои читает. А я ему их не показывала никогда, потому что понятно же — не про рассвет стихи. Про всякие кошмары. То я не люблю, то меня не любят, то вообще тоска и ужас и забери меня отсюда, добрый боженька, Константин Макарович, а то нету никакой моей возможности. Сложно объяснить любимому мужчине, откуда у тебя такие мысли. Практически невозможно объяснить. И вот он смотрит на экран, а там такое, что понятно уже — сейчас встанет, вещи мои в чемодан сложит и на лестничную клетку выставит. Или сам уйдет, чтоб не возиться. У меня в груди всё даже не то что похолодело, а просто вымерло всё к черту, даже дышать перестала. Ну, потом взяла себя в руки, конечно, и начала объяснять дрожащим голосом, что, понимаешь, живет у меня внутри такая юная девушка, бледная и со взором горящим, которой всегда плохо, и жить ей смертельно страшно, и умирать боится, и вот сидит она, бедная, в подвале с остальными моими чудовищами и стихи пишет. От отчаяния.

Ну вот, говорю я ему это всё в спину, а он молчит и на экран смотрит. Я постояла еще немножко и ушла ванну принимать. Через полчаса Олег зашел и сказал неприятным голосом, глядя куда-то в сторону: «Передай этой своей девушке, что я ее —

тоже. Не люблю». И вышел. А я минут двадцать пыталась утопиться в ванне, но вода быстро остыла и пришлось вылезать.

Мы потом говорили об этом много, и как-то всё успокоилось. Но вот этот мороз по коже, когда живой человек, а не какой-то там виртуальный некто читает мои стихи, я уже никогда не забуду. И долго потом не писала ничего, не покидало меня чувство, что каждое мое слово может быть обращено против меня.

В общем, ни дня без строчки, ни строчки без адвоката.

* * *

...решили мы с Диной в зоопарк сходить. Ну, сказано — сделано, взяли Женечку и пошли. Женя всю дорогу сочиняла стихи. Типа таких:

Почему огромен слон?

Потому, что это — он.

Дина умилялась, а я требовала объяснений. Ну, сама подумай, допустим, слон был бы не слоном, а слонихой. И что? Был бы менее огромен?

— Да, — отвечала Женечка. — Слонихи просто большие-пребольшие, а слоны огромные.

— Ну хорошо, — не отставала я, — а чем большой-пребольшой отличается от огромного?

Женечка, ни на секунду не задумавшись, сказала, что по размеру — ничем. А так очень сильно отличается. Огромный — значит, необыкновенный. Значит, даже всё небо может закрыть. А потом подумала и добавила, что мама папе сказала, что она из-за него света белого не видит. Значит, он ей всё небо закрыл. Потом еще подумала и совсем уж по-взрослому пробормотала еле слышно: «Мужчины это умеют...»

Дина покраснела, я побледнела, а Женечка, воспользовавшись нашим замешательством, вытребовала мороженое и сочинила следующий стих:

Я иду смотреть моржа.
Очень жаль, что не ежа.

А мы с Диной остаток времени молчали, наученные горьким опытом. Только переглядывались многозначительно...

У меня к тебе просьба: позвони, пожалуйста, Лене. Вы же с ней общались, я помню. Просто так, понюхай воздух, потому что я ни черта не понимаю. Пробовала говорить с ее мужем, но он совершеннейший мудака, тархтит без остановки о том, как он водку пьет и баб соблазняет. И о том, что Лена его никогда не понимала.

Сил моих нет его слушать, через полчаса у меня конкретно начинает звенеть в ушах и такое чувство, что молоко сбежало... В смысле, извините, дорогой, у меня молоко убежало, надо срочно бежать его ловить...

* * *

...помнишь анекдот про то, как приходит мужик в магазин и просит мыло и веревку. Продавщица его спрашивает зачем. А он так раздражённо: вот щас помоюсь — и в горы!

Это абсолютно аутентично описывает мое настроение на сегодняшний момент.

Я разочаровалась в себе как в солипсисте. Сколько ни стараюсь, всё какая-то фигня получается. Такое впечатление, что мир припал к моей ярёмной вене и размеренно, не торопясь, вытягивает из меня силы. Надо срочно менять философию. Если я буду относиться к миру как к бесценному дару, может, он себя приличнее начнет вести, как ты думаешь?

В свете последнего решения надо бы тебя попросить раскинуть мне таро. Ну, если не трудно, конечно...

* * *

Немного стыдно в этом признаваться, но мне нравится работать в газете. Даже интересно: если бы я пошла работать на панель, я бы испытывала такой же детский восторг? Вчера, например, писала статью про литературу и такое удовольствие получила, что прямо даже как-то непрофессионально получилось. Как будто целуешь клиента в губы, что ли...

По большому счету, есть два вида литературы. Первая — для детей и ленивых взрослых — предлагает свой мир и своих героев. Читатель выбирает себе героя поприятнее и живет с ним долго и счастливо, пока финал не разлучает их. В особо удачных случаях и дальше живет. Вот я в детстве была Пеппи Длинный-чулок практически постоянно, даже во сне. Даже если такая литература пишется для взрослых, все равно она рассчитана на ребенка.

Второй вид литературы — а я говорю о хорошей литературе и в первом, и во втором случае — апеллирует к взрослому опыту. Ее цель — коснуться струны и замереть, а всё остальное читатель сделает сам. В этом случае автору не нужно писать про то, как именно герой потерял любимого человека и что он тогда чувствовал. Достаточно просто сказать: «Вот, знаешь, я вчера читала дочке про зайку, которого бросила хозяйка, и вдруг как начала плакать... Полночи успокоиться не могла».

* * *

Время, время... Время похоже на воронку, на дне которой теряется привычная линейность. Жизнь проходит все быстрее, а мгновенье длится все дольше и дольше, как в той задачке, где Ахилл никак не догонит черепаху. Быть может, в момент смерти время останавливается, и вот оно, бессмертие: следующая секунда уже никогда не наступит. Остается только наполнить свою последнюю секунду покоем и умиротворением, и добро пожаловать в рай. Но помни: одно

неосторожное движение души — и вечность наполнится тоской и предсмертным ужасом.

Хуже всего то, что подготовиться к смерти нельзя. Можно лишь подготовиться к своему представлению о ней. Так полвека назад я готовился к первой ночи любви — надо ли рассказывать, чего стоила вся моя многодневная подготовка? У меня были заготовлены ответы на все возможные реплики, продуманы варианты отступления и нападения, даже внезапный приступ робости я предусмотрел.

А презерватива у меня с собой не оказалось.

Иногда я ловлю себя на мысли о самоубийстве — как будто это даст мне возможность самому решать, когда именно я умру.

Смешно.

* * *

А ты говоришь: не смешивай любовь и секс. А откуда же тогда будут браться дети, если не смешивать? Тогда пусть меня распилит Давид Копперфильд на две половинки — одна будет любить, а другая хотеть. Чтобы не смешать, чтобы не соединялось это всё кровью, не отдавалось болью в одних и тех же мышцах, не перемешивалось, а то ведь действительно теперь уже не разберешь. Ты вот, кстати, какую бы половинку выбрал при таком раскладе? Верхнюю или нижнюю?

Так что отстань от меня со своими советами. Тебе надо — ты и не смешивай.

* * *

Жюли нервничает. С каждым днем все сильнее и сильнее. Если честно, я уже совсем было собрался прекратить эту забаву, но Мишель уговорил меня подождать. У него горят глаза, а что касается его изобретательности, то я просто диву даюсь изощренности его ума. Такое впечатление, что если завтра карты предупредят Жюли о грядущем конце света, то

послезавтра он наступит. Я перестал спрашивать, как именно он все это устраивает. Ограбление магазина через дорогу, попытка изнасилования (неудачная, слава тебе господи, я добавил от себя непременно неудачу), пропажа сумочки, найденное на улице кольцо — я еще могу понять. С известиями от любимых людей и того проще: она получает много писем, в которых при желании можно обнаружить всё, что душе угодно. И сплетни, и новости, и любовные послания.

Но последний случай поразил мое воображение, а это не такая уж простая задача. Жюли выпала скорая встреча с мужем. Она почему-то раз и навсегда назначила короля пентаклей своим мужем, и как я ни пытался ее разубедить, ничего не вышло.

Она сказала: Этьен, мой муж согласен на развод, но хочет встретиться со мной где-нибудь на нейтральной территории.

Она сказала: я несколько раз была в Венеции, но ни разу не попадала на карнавал.

Она сказала: закажу себе черное домино, и никто меня не узнает.

Она сказала: я не понимаю, почему он решил приехать, еще неделю назад даже речь об этом не шла.

Она сказала: никак не могу понять, то ли мир устроен сложнее, чем я способна понять, то ли проще, чем я в состоянии вынести.

Я сказал: Жюли, я больше тебе не нужен.

Я сказал: ну разумеется, я имел в виду таро. Ты вполне можешь обходиться без наставника.

Я сказал: хорошо, но в последний раз. После твоего возвращения из Венеции. Ты же знаешь, я не в состоянии тебе отказать.

* * *

...вообще, конечно, нам надо отдать должное: мы все ненормальные. Причем каждый по-своему, это делает общение необычайно ярким и насыщенным. Мне вот, к примеру, приснился вчера эротический сон. Я смотрела на луну, а луна постепенно расплывалась, меняла очертания и превратилась наконец в X-хромосому. И вот я продолжаю на нее смотреть, а у нее одна ножка уплотняется, и я понимаю, что это начинается метиляция перед делением... Вот скажи, как мне после этого идти к психоаналитику? Что я ему скажу? Что у меня метиляция ДНК — эротический символ?

Хотя если как следует присмотреться к X-хромосоме, то можно, я думаю, увидеть два скрещенных члена. И вот из этого мой гипотетический психоаналитик узнает много интересного. Так что я тем более к нему не пойду. У меня такое впечатление, что я и так слишком много лишнего о себе знаю, не стоит умножать печаль сильнее, чем мы уже умножили...

Но метиляция метиляцией, а мне как-то окончательно ясно, что любить меня нельзя. Меня можно только в цирке показывать за большие деньги: дрессированный снежный человек о двух головах. Одновременно танцует краковяк и берет интегралы. Неделю обходится без еды и питья. Мог бы спать на снегу, если бы не жесточайшая бессонница.

В общем, если соберешься в свои Гималаи, то смотри внимательно по сторонам — я где-то там прячусь от нескромных взглядов...

* * *

Я, наверное, перееду жить в Венецию. Только пусть карнавал не заканчивается, а то была я как-то в Венеции без карнавала — совершенно несмешной город.

Вообще города, как клоуны, бывают белые и рыжие. Марсель, конечно же, рыжий. Во Франции почти все города рыжие, это от беспробудного пьянства, судя по всему. А Венеция в этом смысле бестолковый город. Вроде как белый

по всем признакам, но что у обычной Венеции на уме, то у карнавальной Венеции на языке, так что я думаю, что она просто удачно придуривается.

Мне нравится жить в рыжем городе, а умирать я поеду в белый. В Рим, например. Только надо как-нибудь всё продумать, чтобы действительно приехать и умереть, а не бродить бестолково день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

Всё безумно дорого во время карнавала, но Олег изображает Рокфеллера, и мы кутим, как пятнадцать лет назад в Крыму с Нелькой кутили. Нам не хватало денег на кефир, и мы, поразмыслив, решили, что обратно поедем без постелей. И у нас немедленно появилось два лишних рубля. А до поезда всего несколько часов оставалось, и мы пошли на базар и купили там фруктов и орехов, а кефир не стали покупать, потому что зачем богатым людям кефир?

Теперь Олег предлагает мне брак по расчету, раз у нас по любви не получается. И обещает подарить мне розовый калькулятор, чтобы я всё правильно рассчитала.

Лоренс Даррелл писал, что с женщиной можно делать только три вещи: любить ее, страдать из-за нее и делать из нее литературу. Мужчины в этом смысле более универсальны: из одного мужчины можно приготовить сразу три блюда. Хотя они у меня уже в печёнках сидят. Не хочу больше литературы, и страдать больше не хочу. И даже любовь, как ужин, готова отдать врагу. А вот как бы так придумать, чтобы ходить с ним по одному городу, иногда за ручку, а иногда по разным дорогам совершенно, время от времени встречаться, обниматься, как будто сто лет не виделись, лбом прижаться на минуточку и дальше брести.

Я согласилась выйти за него замуж по расчету сразу после того, как мы разведемся, если он мне пообещает, что никогда не умрет, такой вот расчет у моего розового калькулятора. И Олег, умница такая, пообещал не дрогнуть.

И мы потом еще несколько дней, встретившись со Смертью — а их много на карнавале, практически невозможно пройти

по улице, не наткнувшись на какую-нибудь Смерть, — хватались за руки и удирали, глупо хихикая. А потом целовались в подворотне — ну еще бы, обманули! Сбежали!

* * *

...собираюсь завтра на кладбище: у Егора день рождения. Новый костюм зачем-то купила, белье, чулки...

Знаешь, в последнее время я начала понимать, что его действительно нет и никогда больше не будет. И это такой ужас, что я тебе передать не могу. Даже если я десять почек клонирую, все равно это не заменит ту, одну, шесть лет назад.

Я, конечно, это и раньше знала, но как-то старалась не думать. Потому что зачем тогда всё?

Я ведь все эти годы Егору почку делала, даже когда нейронами занялась, все равно эти нейроны к Егоркиной почке шли.

Ну и у меня кончились все силы. Как-то вдруг. Вроде как шла-шла, а потом упала, и невозможно пошевелиться. Снизу притяжение, сверху атмосферный столб, а посередине я лежу, в новом белье. Даже на агонию сил нет.

Ты не звони мне пока, я не могу разговаривать. Лучше пиши почаще...

* * *

Мне приснилось сегодня, что, когда оказываешься в поле зрения другого человека, надо быть предельно внимательным и осторожным и ни на секунду не выпускать из виду тот факт, что являешься всего лишь бледной тенью, манекеном для чужих одежд, поношенных и не всегда чистых, так что пусть движения будут плавны, а речи туманны, так мне приснилось сегодня, я проснулась и загрустила, а потом подумала: ну и черт с ним, какая, в сущности, разница?

Одиночество и свобода — два разных следствия одного и того же процесса. Обрыв нитей, связывающих нас с окружающим миром. Есть ниточки, которые мы тянем из своего сердца наружу, как будто берем кусочек своей души и ставим ее рядом с собой. Если в этот момент кому-то повезет проходить мимо, то мы взглянем на него внезапно расширившимися зрачками и скажем: здравствуй, душа моя. Где же ты была так долго? Я искал тебя повсюду и повсюду не находил. Приди в мои объятия, ибо без тебя не будет мне ни счастья, ни покоя. Как будто, душа моя, разумеется, как будто, но мы никому не признаемся, мы сделаем вид, что серьезней этого нет ничего на свете, да так, что не только Станиславский, а и сами поверим. И будем потом рыдать долгими зимними ночами: ну куда же ты подевалась, душа моя? Почему оставила меня? Зачем ушла?

Пока не обнаружим случайно, что никуда не ушла, тьфу-тьфу-тьфу, просто дурной сон, морок, да как же я мог так ошибаться?

Сдуваем пылинки, отогреваем в ладошках, подкрашиваем седину — и оглядываемся в нетерпении: ну где же он, тот самый, единственный и неповторимый первый встречный? Мы встретим его по одежке, одежка уже выстирана после прошлого единственного и неповторимого, выглажена и висит на плечиках сладким предчувствием. Как парус в ожидании всё равно какого ветра.

Ну где же ты, душа моя? Я жду, я не сплю...

* * *

Я устал. Я очень устал. С каждым днем мне всё тяжелее открывать глаза по утрам.

Всё оказалось очень просто. Пока я считал смерть насилием, она страшила меня. Мне казалось, что смерть приходит, чтобы забрать самое дорогое, а я пытаюсь не отдать, и она вырезает это косою из горла. Я представлял, как лежу весь в крови и

жизнь вытекает из меня, а я оплакиваю каждую каплю.

Всё не так. Всё совершенно не так.

Просто с каждым днем я устаю всё сильнее, и одна надежда на доктора в черном, который осматривает меня каждый день, все тщательнее, и уже скоро он улыбнется и скажет: «Я бы посоветовал вам прекратить дышать. Мне кажется, вас это утомляет».

Мои сны всё больше похожи на реальность — очень яркие, очень цветные, очень счастливые. А наяву резкость теряется, и явь напоминает сон. Торопливый предрассветный сон, в котором путаются детали и невозможно посмотреть на собственные руки.

Вчера пришла Жюли, и я до последнего момента был убежден, что она мне снится. И пытался понять, знаю ли я ее наяву или это просто наваждение, случайная гостья, красивое лицо, встреченное накануне в кафе.

Она раскладывала таро, а я размышлял о том, что почему-то стесняюсь у нее спросить, не снится ли она мне. Как будто помнить — это моя святая обязанность. Как будто если я забыл — то меня уже считай что и нет вовсе.

Ее голос доносился до меня как из-за глухой стены: слова можно разобрать, а интонация теряется, и настроение не поймашь.

Ее голос, всегда такой живой, произносил слова механически, без выражения. В детстве за такое чтение нам не ставили высшую отметку, снижали несколько баллов.

Она говорит: Этьен, мне кажется, что вам сейчас не до меня. Хотите, я приду в другой раз?

Она говорит: я хотела погадать на мужа, но это лишнее, если честно. Мне кажется, я и так всё знаю.

Она говорит: ну хорошо, но только одну карту, без всяких длинных раскладов

Потом она молчит. Очень долго молчит. Так долго, что я всё понимаю и вынырываю из своей мучительно-сладкой полудрёмы.

Я говорю: Жюли, ты слишком буквально всё понимаешь. Смерть — сложная карта. Сложная и неоднозначная, как и все остальные.

Я забираю карту из ее руки и целую холодные пальцы.

Мне нечего ей сказать. Мне нечем ее успокоить. Она меня попросту не поймет.

В соседней комнате что-то с грохотом падает — это Мишель третий день разбирает библиотеку. Я попросил его забрать книги до моей смерти, и теперь он торопится успеть.

Жюли сидит на подоконнике и молча смотрит на море, а я пытаюсь поймать за хвостик обрывок какой-то мысли. Почему-то меня беспокоит шум в библиотеке. Почему-то мне не хочется, чтобы Мишель слышал наш разговор. Но почему?

Мысль ускользает, я опускаюсь на подоконник рядом с Жюли, вдыхаю свежий запах ее волос и, кажется, засыпаю.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Если бы всё сложилось иначе и мы были бы какими-нибудь другими людьми с какой-нибудь другой планеты, и было бы у нас ручек-ножек больше-меньше, и всякие там печёнки-селезенки слева-справа, и кровь если бы голубая, а сосуды непременно сообщающиеся, так вот тогда — не факт, конечно, но ведь и не исключено — появилось бы у меня непреодолимое желание если не лбом прижаться, то хотя бы написать что-нибудь нежное до невозможности. Такое, что только шепотом и можно. А если уж доверить этим невнятным закорючкам, то меленьким таким курсивом, почти незаметным. Чтобы потом уже, отослав, выдохнуть тем самым неиспользованным шепотом, что там и слов-то не разобрать, и вообще, может ведь затеряться по дороге. Черт его знает, как эта Сеть на самом деле работает. Попадет куда-нибудь не туда, притащит Сеть по ошибке чужому какому-нибудь тятя-тятя, но это бы еще ничего. А вот если не потеряется, да и курсив, строго говоря, не такой уж и меленький, вот тогда, не приведи господи, как же быть? Надо ведь будет смотреть светло, шутить легко, и очёмэготынепонимаю тоже надо будет... Господи, нервов-то сколько, они уже внутри не помещаются, наружу уже торчат. Я их под антенны приспособила, радио ловлю, а то жалко ведь, пропадут почем зря, потом не восстановятся...

Удачно-то как всё складывается, что мы вот именно здесь и сейчас. Что вот именно сейчас мы именно здесь. И письма нежные ну совершенно неуместны. Это вот особенная удача, просто жаль, что некому спасибо сказать. Какому-нибудь Верховному Существо — кому там обычно спасибо говорят? Не живым же людям. Ну ладно, не говорить, просто в глаза посмотреть или во что там у Него есть. Оно, я так думаю, и без

спасибо всё поймет в своей безграничной мудрости. Мне бы, во всяком случае, ничего объяснять не хотелось. Хотя, конечно, если бы всё сложилось иначе...

* * *

Юленька, милая, я ничего не понимаю! Как ты оказалась во Франции? Ты же собиралась в Италию?

Мы с Мишкой в полном недоумении, хотя несколько версий у нас уже есть. Я думаю, что твой самолет угнали французские террористы. Например, из-за того, что им предложили пообедать пиццей.

А Мишка человек более глубокий, он всегда ищет истинные причины и скрытые смыслы. Так он говорит, что, когда в голове полно тараканов, очень сложно сориентировать их в одном направлении. Поэтому постоянно рискуешь оказаться в совершенно неожиданном месте. Хорошо хоть во Франции, говорит Мишка, а не в каком-нибудь Гондурасе.

Я начала за тебя заступаться, но Миша посмотрел на меня строго и сказал, что всё вышесказанное (вышесказанное!) относится и ко мне тоже. Вообще должна заметить, что беременность на твоего брата действует очень плохо. Он постоянно пребывает в несколько помутнённом состоянии сознания. Как ты думаешь, это гормоны? У него приступы немотивированной серьезности, я уже просто волнуюсь.

Не помню, я тебе успела рассказать, как Миша занимался со мной психотерапией? Чтобы меня по утрам не тошнило? На всякий случай еще раз расскажу, а то потом забуду и потомки мне этого не простят.

Начался у меня токсикоз. Не очень сильный, так, ерунда. Я даже внимания не обратила. Ну тошнит по утрам, большие дела. Меня твоя мама так запугала, что я готовилась провести девять месяцев в инвалидной коляске. Это если повезет, конечно, и я не умру от внематочной беременности. Но Миша решил, что токсикоз — это плохой симптом. Знак, что мое подсознание не хочет ребенка и реагирует на плод как на чужеродное тело.

И не хочу ли я об этом поговорить?

Ну, что тебе сказать... Мы об этом поговорили. Примерно таким вот образом:

— Тебя тошнит, потому что ты не хочешь ребенка.

— Но я хочу ребенка.

— Это тебе только кажется. Представь себе гипотетическую ситуацию: тебе как будто не хочется ребенка. Представила? Не хочется? А почему?

— Потому что тошнит...

Но это еще не всё. На следующее утро я проснулась без всяких признаков токсикоза и ломанула на радостях к холодильнику. За селедкой, которую я вот уже три дня как не могла почистить — мне сразу нехорошо делалось. Поставила картошку вариться, а сама чищу селедку и размышляю о том, какой у меня муж гениальный. Вроде ничего такого не говорил, а меня не тошнит. И тут этот самый гениальный муж заходит в кухню, я хочу его поцеловать, но он отшатывается от меня с выражением смертной муки на зеленоватом челе.

Тянется дрожащей рукой к чашке с моим чаем, но натывается взглядом на недочищенную селедку и бежит в туалет, зажимая рот двумя руками.

Через пять минут вернулся на кухню взъерошенный, но умиротворенный. И сказал, что зря он вчера решил поужинать в китайском ресторане.

А я, конечно же, не выдержала и предположила, что дело не в еде, просто он ребенка не хочет...

Ну ничего, мы уже помирились...

* * *

Знаешь, я тогда только начала у Нель работать. И она меня послала в Эдинбург, уж не знаю, чем я ей приглянулась. Хотя нет, конечно знаю, это я так кокетничаю. Ей нужен был специалист по микрохирургии ядра, а это сложная область. В том смысле, что, когда человек набирает опыт, у него рука теряет твердость и зрение садится. Даже не в том беда, что садится, а в том, что глаза начинают болеть и уставать.

А я уже на втором курсе знала, что именно этим хочу заниматься, и тренировалась всё свободное время. Даже в художественную студию записалась, чтобы рука была твёрже.

Ну вот, в Эдинбурге я его и встретила.

Программист, приехал из Штатов на год. Типа, в командировку.

Да ну, что рассказывать, понятно же все. Мы с ним в пабе встретились, я ночью зашла чаю с коньяком выпить. Бессонница потому что, Гомер, и глаза начали болеть. А мне нельзя, чтоб глаза болели, я работать не смогу.

Ну вот, вышла я прогуляться, зашла в паб, заказала чай с коньяком. А там бильярд посреди паба стоит. А возле него мужик. Я даже не поняла, что мужик, меня как стукнуло что-то под дых — о, думаю, оно. Стою, пью свой чай, даже присесть боюсь. Да что присесть, вообще страшно пошевелиться, потому что исчезнет ведь и не будет больше никогда, как раньше не было, так и дальше не будет. Но раньше я хотя бы не знала, что он вообще бывает.

Ну, наши дела

И я, значит, стою, чашка наклонилась, чай горячий по руке течет, а он ко мне подходит и говорит что-то. Погода прекрасная, ночь, на небе звезды, а я так одинок.

Так знакомо всё, и я смотрю на него и думаю: вот ведь странность. Ангелы, оказывается, такие же, как и мы. Только выше.

Ну да, он высокий очень, а может, мне казалось. Я ж его не измеряла.

Ну вот, он меня за руку взял и куда-то повел, а я уже несколько шагов сделала и вдруг испугалась смертельно. Стою, рот открыла, дура дурой. Наши дела, я же тебе говорю.

А он удивился — ну конечно, как тут не удивиться, вроде сама руку дала и пошла, и тут вдруг стоп машина и ужас в глазах. Он же наших дел не знает. То есть это я тогда думала, что не знает, а потом уже выяснилось, что он из Вильнюса и очень даже в курсе наших дел: жена в Калифорнии, любовница в Тель-Авиве, а он, значит, в Эдинбург приехал. Меня искать.

И нашел, что характерно. Меня ж легко найти. В первый же паб заходишь — и вот она, я. Стою возле стойки, чаем с

коньяком обливаюсь.

Нет, говорю, не пойду я никуда. Боюсь потому что. А вдруг вы, милостивый государь, маньяк-убийца?

А я тогда как раз книжку прочитала про маньяка-убийцу. Мне казалось, это самое страшное, что может случиться. Это теперь я уже думаю, что если бы он меня тогда убил быстренько дней за пять, так, может, оно и полегче было бы.

Потому что невыносимо ведь, совершенно невыносимо.

Почему не любил? Конечно любил. Он всех любит: и жену, и любовницу, и работу... И меня тоже, что ж я хуже других что ли? По шкале качества я где-то между любовницей и работой. Как-то так. Примерно.

Но там, в пабе, я ж всего этого знать не знала, ведать не ведала. Вот, говорю, а вдруг ты меня заведешь в темный подвал, изнасилуешь и убьешь?

Он растерялся немножко. Зачем, говорит, тебя насиловать? Ты разве сама не хочешь?

А я смеюсь уже, но все равно страшно. Давай, говорю, свой паспорт, если ты не маньяк. Ну или права, мне все равно. Потом отдам, говорю.

Он помолчал минутку, полез в карман, вытащил права из портмоне, мне протянул. Я их в карман кладу, а он говорит: послушай, а если я тебя изнасилую и убью? Я же потом свои права у тебя из кармана заберу — и все дела...

И у меня страх уже прошел, если честно, но мы все равно пошли к бармену, отдали ему права. Ситуацию объяснили... Что, мол, если я не вернусь, то пусть права в полицию отнесет.

Бармен головой кивнул, но у него прямо на лбу было написано, что он уже прямо сейчас готов в полицию идти.

Идиотизм? Нет, это еще пока не идиотизм. Вот когда утром к нему домой полиция вломилась, вот тогда — да. Настоящий идиотизм.

Это еще слава богу, что мы не любители всяких там связываний, а то представь. Сразу бы стрелять начали, без лишних слов. Хотя, может, оно бы и к лучшему. Может, меня бы зацепила шальная пуля, и я бы кровью истекла. Быстро, за пять минут. А то сколько можно кровью истекать? Она всё не заканчивается и не заканчивается...

А я у него так и осталась после этого.

Нет, не навсегда. На три месяца. Пока он не уехал. Но в каком-то смысле навсегда, конечно.

* * *

...Здравствуй, Кузечка.

Не люблю я это дело — пальцем в клавиши тыкать, но ничего не поделаешь.

Отвалила ты до неприличности внезапно. Машка даже обиделась немножко, но у нее, к счастью, память короткая. А вот я злопамятный, так что с тебя бутылка.

В свободное от работы время я выгуливаю Машку и веду длинные тягостные беседы с Леночкой. Маха меня уговорила. Для диссертации, говорит, сгодится. Я удивился: Понятия не имел, что собираюсь писать диссертацию. Но беременная жена — это страшная сила. У нее такой взгляд мудрый, вроде как она вообще все на свете знает. А уж про меня — и подавно. Я иногда даже верю.

Но тут я заподозрил ее не в бескорыстной заботе о моем будущем, а в банальном эгоизме. Мне кажется, что ей самой с Леной разговаривать неохота. Потому что грузит она, конечно, вполне профессионально. Ровно через час беседы поймал себя на мысли, что я бы на месте ее любовника тоже сбежал. Пытаюсь уговорить ее пойти к практикующему психологу, но пока не выходит.

Она хорошая девочка, умненькая, и я понимаю, что действительно поговорить не с кем, а ей и больно, и страшно. А при этом такое ощущение, что одно неосторожное движение — и она меня крючками через ноздри вытащит, а своего неверного возлюбленного на это место запихнет. И даже присутствие Машки ее не остановит.

Она так смотрит иногда — взгляд туманится, и я уже чувствую, что становлюсь в ее глазах каким-то расплывчатым, смутным и нерезким.

Ты спросишь, какое мне дело до того, чем я в ее глазах становлюсь?

Я тебе так скажу: а черт его знает...

* * *

Ну вот лежим мы с ним в постели после секса. После хорошего такого секса, он вообще лучший любовник из всех, кого я знала. И я чувствую, что полностью удовлетворена, знаешь, когда по всему телу счастье разливается. Счастье и покой. А в груди что-то мечется страшно — нет, не сердце, сердце уже успокоилось, сердце ровненько так бьется, да и вообще я уже засыпаю, тепло так, уютно. А в груди что-то — бах об ребра, бах, бах. И криком кричит. А я так отстранённо думаю: вот ведь зараза, сломает сейчас ребро, работать потом не смогу.

И знаешь, что обидно: я ведь в постель ложусь только ради этого самого, непонятного, в груди. Оно так рвется наружу, хочет прикоснуться к кому-нибудь теплomu, живому. Ну так, погреться.

И я раздеваюсь, прижимаюсь — всё чтобы ему поближе было. Я ж другого способа не знаю. А оно внутри бьется, трепыхается, а мы снаружи тремся друг о друга, и уже забыли, ради чего, и не слышим уже, как там оно внутри. Только потом, засыпая, вздрагиваем. Когда оно бахает отчаянно. Особенно когда по-настоящему хорошо, особенно когда любовь и страсть, и всё сошлось в одной точке — вот тогда прямо страшно становится от безнадежности. Оно там мечется внутри, и понимаешь, что нет шанса, если уж даже сейчас не вышло, то и вовсе нет шанса

Так что я знаешь, что думаю: ну ее на фиг, эту любовь. Лучше уж не дразнить его, а то я боюсь, и вправду когда-нибудь ребро сломает...

Но все равно каждый раз думаешь: а вдруг на этот раз? Вдруг получится? Может, если поглубже как-нибудь? И понимаю сама, что глупости, а все равно надеюсь.

Ну вот, и мы с ним лежим в постели, и всё так хорошо, прямо идеально. И засыпаем уже, он меня еще гладит, но уже медленно, и рука тяжелая. А я так совсем сплю. И вдруг как

начинаю плакать, и сделать ничего не могу. Встала, ушла в другую комнату спать. Потому что лучше уж без этого, а то ему ж обидно там, внутри, я понимаю...

* * *

Юлечка, я тебе сразу скажу, чтобы ты ничего плохого не подумала: я очень люблю твою маму. Она это знает и пользуется. Говорит, любишь меня — люби и мою собаку. Ну я и полюбила. Потому что у меня опыта нет. Но теперь появляется постепенно. Я начинаю замечать, что никто не хочет, чтобы его просто так любили. Все какие-то корыстные. Стоит полюбить Мишку, как начинается токсикоз, стоит полюбить тётушку — и в доме оказывается собака Зяма. Почему она Зяма, если она девочка? Тётушка велела спросить у тебя, так вот я спрашиваю.

В общем, к твоим родителям приехали родственники из Питера, а у них аллергия на собаку. Так что мне предложили на выбор: либо приютить на месяц трех родственников, либо одну Зяму. Я, может, и дура, но считать умею. Так что мы остановились на Зяме.

Тётушка уверяла меня, что Зяма чудесно воспитана. Я не знаю, в чем проявляется ее чудесное воспитание. Наверное, она сносно играет на клавикордах и сочиняет стихи на трех языках, как это принято у вас в семье. При этом она ворует всё, что плохо лежит. А всё, что лежит хорошо, она сначала укладывает похуже, а потом всё равно ворует. Украденную еду она не ест (хорошее воспитание не позволяет), а приносит кошке. Если кошка не голодна, собака относит еду в мусорное ведро.

А вчера, ложась в постель, я обнаружила, что моя подушка пахнет псиной. Мишка считает, что Зяма в наше отсутствие приводит сюда какую-то псину и трет ее об подушки. Другого объяснения нет: Зяма ведь никогда не лезет на кровать, тётушка мне об этом двадцать раз сказала. С таким, знаешь, намеком в голосе. Я сразу почувствовала неловкость: мы-то на кровать лезем, и бывает, что по несколько раз в день...

* * *

И я уже сомневаюсь, то ли был он, то ли я всё выдумала. То ли наоборот, он меня выдумал, а сам исчез. И я теперь обречена бродить по миру печальным суккубом и таять, таять...

Да нет, шучу, не пугайся. Это вечная моя страсть к драматизации. Я когда-то решила, что мне печаль к лицу, еще и тренировалась перед зеркалом часами

Я уже забыла его совсем и вспоминать не собираюсь.

И мне, знаешь, хорошо. Спокойно так, можно работать, ничего не отвлекает. Гуляю по вечерам. Кошку завела.

Только вот иногда по ночам как сдавит горло и начинает в виске стучать: вспомни-вспомни-вспомни.

А в другом сразу же: не хочу-не хочу-не хочу.

А я как будто со стороны смотрю. Только голова трещит по утрам, как с перепоею.

Нет, ты что, пить я не могу. От спиртного руки дрожат.

* * *

Юлька вчера по телефону сказала: «Меня окружают сплошные солипсисты. Но разница между ними как между не знаю чем и другим не знаю чем, совершенно не похожим на первое не знаю что. Вот я, к примеру, солипсист-сангвиник. Я говорю: ура, этот мир создан мною. Следовательно, из года в год он становится лучше и прекраснее.

Нель говорит: мужайтесь, друзья. Этот мир создан мною. Но плохо. Поэтому мы все сейчас встаём и идём вкалывать без сна и отдыха, пока мир не станет лучше. После чего я этот мир уничтожу, а сама умру, вот тогда и будете отдыхать.

Олег говорит: я дико извиняюсь, но этот мир создан мною. Поэтому нам всем пиздец. А этот глубокий бокал я хочу поднять за прекрасные глаза присутствующих здесь дам.

А мир, который создал я, вопиюще несправедлив. После того как я злостно проёбываю данный мне шанс, мир подсовывает второй. Я, как все жертвы несправедливости,

моментально теряю всяческие ориентиры и вообще наглею, поэтому немедленно начинаю вести переговоры. «Спасибо, конечно, — говорю я, — но сначала ты должен мне пообещать, что, когда я проебу второй шанс, ты предоставишь мне третий. А иначе я так не играю».

Самое удивительное в этой беспримерной наглости — то, что она работает.

* * *

Пылевидная серая масса, оставшаяся от чего-то сгоревшего, стучит в мое сердце.

Тук-тук, говорит. Кто-кто, говорит, тут-тут живет? Тик-так, говорит, ночь на дворе, мрак, град, до полуночи сорок минут. Я тут, говорит, открывай скорей, я замерз, я вымок, от огня не осталось следа — ни ожога, ни всполоха, ни уголька, только я. Так что ты впусти, я тут бьюсь один, вот так, слышишь, тук-тук. До рассвета триста минут, восемнадцать тысяч секунд, я устал, и потом, ты знаешь, не хотел тебе говорить, я совсем сгорел.

Прекрати, отвечает, ну сколько можно, ночь же на дворе, ну ни минуты покоя, я хочу спать. Ты просил огня, заметь, ты сам хотел, теперь жди, может, что-нибудь возродится, ну не феникс, так зяблик, кем ты был до того? Я не помню, да и ты не помнишь, вот по глазам вижу, что не помнишь. Дежавю какое-то дурацкое, такое чувство, что я это уже когда-то забывал. Может, я и виноват, да только не помню в чем. Так что ты давай заканчивай, и так теперь синяк останется, ты же знаешь, какая у меня нежная кожа.

А он смотрит в сторону и носком ботинка ковыряет песок, тук-тук, говорит, тук-тук. До рассвета триста минут, говорит, пять часов, я замёрз, на дворе зима. Я уже не прошу огня, говорит, это было бы просто смешно, но хотя бы вспомни меня.

О господи, отвечает, ну ты сам не понимаешь, о чем просишь. Ведь только хуже будет, хотя куда уж хуже. Ну хорошо, ладно, заходи, действительно холодно, надо что-

нибудь выпить. Не страшно, как-нибудь переживу, ночи сейчас короткие, всего пять часов до рассвета, а там уйду куда глаза глядят, вот честное слово, возьму и уйду. Не из-за него, нет, просто последняя капля. Я-то думал, что знаю об огне всё, а оно вон как получилось.

* * *

«Никогда» вгрызается в горло тупой бритвой. Скрипит ржаво, перепиливая трахею.

Мне снится «никогда».

Я вижу «никогда» на каждом экране телевизора.

Я слышу «никогда», стоит мне лишь включить радио.

«Никогда» дразнится, показывая язык, смеётся, тычет пальцем.

Я говорю себе: ну вот и хорошо, нечего ждать.

Я говорю себе: ну вот и ладно, вздохни, забудь.

Я говорю: а может, еще когда-нибудь.

«Никогда» перестает подпрыгивать, усаживается в уголок, грустно улыбается и качает головой: нет, никогда. А если и да, если и встретишь, то в какой-нибудь другой жизни. И придется руки прятать, чтобы не прикоснуться невзначай, и глаза опускать, чтобы не глянуть в глаза, и говорить, говорить без умолку, чтобы не закричать...

На вдохе еще ничего, на вдохе не так больно, а вот на выдохе... На выдохе текут слезы, и ничем их не остановить.

* * *

...Здравствуй, Юленька.

У нас, как обычно, куча новостей, но все они мелкие и разве что нам самим интересные.

У меня всё путём. Анализы в порядке. Это значит: мальчик. Если бы девочка, твой любимый кузен выгнал бы меня из дома в ночь. В данный момент он читает это письмо из-за моего плеча и спрашивает: почему в ночь? Отвечаю — ибо это

единственный способ довести информацию до его глупой башки: ПОТОМУ ЧТО ТЫ СЛИШКОМ ПОЗДНО ПРИХОДИШЬ ДОМОЙ, ВОТ ПОЧЕМУ!!!

Всё, я его смутила, и он гордо ушел, бормоча себе под нос, что ничего, вот родится у него сын, они нам тогда покажут. Я даже чуть не бросилась вдогонку выяснять, что именно они покажут и не мог бы драгоценный супруг показать половину обещанного прямо сейчас. А то он мне уже месяц ничего не показывает — у меня сразу схватки начинаются. Как ты думаешь, это уже Эдипов комплекс?

«Глаза б мои тебя не видели», — сказал Эдипу сын.

Сама придумала, только что. А супругу драгоценному не покажу. Он на все мои шутки говорит: не переживай, Маха, вот родишь — опять поумнеешь.

Ты не знаешь случайно, можно сделать операцию по изменению пола еще до рождения? Вот бы я Мишке отомстила за все его издевательства!

Целую тебя, пойду молоко пить и грустить о нелегкой женской доле...

* * *

Ты понимаешь, это такая боль, ее просто невозможно вынести. Нет, я знаю, объективно — глупость, смешно даже говорить. Ну боже мой, конь унес любимого, я вас умоляю. Я понимаю, бывает настоящее горе. Ну, там, ребенок умирает у тебя на руках. Или ты, наоборот, на глазах ребенка умираешь и сделать ничего не можешь. Понимаешь, что надо жить, обязательно надо, но не можешь. Сердце, например, разорвалось. Или змея укусила. Ну мало ли.

Что? Нет, у меня нет детей. Сестричка есть, маленькая совсем. Ну да, можно сказать, что дочка. Она со мной живет.

Мама? Да какая разница, при чем тут мама? Неважно.

Конечно, думала, как же тут не думать. Несколько таблеток — и всё, и никакой боли. Меня неизвестность после смерти не волнует. Ну что там такого ужасного может быть? Хуже точно не будет. Куда хуже-то?

Я? Нет, я не верю. О чем ты говоришь, если я, не дай бог, в него поверю, я ж работать не смогу. Ты вообще представляешь, чем я занимаюсь? Вот покажи мне такое божество, которому это до лампочки, и я уверю в ту же секунду.

Говорю ж тебе, я даже не пью, потому что это работе мешает, а ты говоришь: Бог...

Ладно, господь с ним, с Богом. Ты мне другое скажи. Что ты про таблетки думаешь?

Да ну тебя с твоими шутками. Я про антидепрессанты говорю.

* * *

страсть и нежность
лезвием по коже
пальцы сводит желанием
нажать посильнее
оставить след
но нежность не дает
и остается только белая полоска
которая вскоре покраснеет
а потом и вовсе исчезнет
прежде чем влюбиться
научись проводить лезвием по коже
не оставляя следов

* * *

Я знаешь какую штуку придумала? Я придумала гениальную штуку. Вот ты мне в прошлый раз про субличности рассказывал, вот после этого я и придумала эту самую гениальную штуку. Берем, значит, одну субличность.

Кого как зовут? Ее как зовут?

Неважно, назову ее «моя бедная девочка».

Ну вот, одеваем ее в траурный черный свитер и нестиранные джинсы.

Если ты меня будешь каждую минуту прерывать, так я

никогда не закончу. Нестираные — потому что у меня все джинсы нестираные. У меня жизнь кончена, я не могу привычки менять.

Дальше запираем ее в подвал вместе с остальными чудовищами, и пусть там рыдает.

Жалко? Да, жалко. Мне вообще всех жалко. Убила бы из жалости, честное слово. И себя в первую очередь.

Так что пусть сидит там, в подвале, а когда мне ее совсем жалко станет, я ее убью. Сама породила — сама и убью. Хоть отдышусь за это время. А то нельзя же так, я уже работать не могу, вчера три образца подряд залила слезами. Нель ничего не сказала, чай заварила, конфету принесла, я даже разозлилась — чего она такая добрая, мне же еще хуже от этого.

Ну как ты не понимаешь, если бы она на меня наорала, я бы, может, в руки себя взяла. А так всю ночь потом рыдала.

Тоже мне, железная леди! Жалеет она меня. Прямо мать родная.

Да ну, далась тебе моя мама. Жива, здорова. Я так думаю, во всяком случае. Не знаю. Может, и умерла. Но не думаю. Она мне кажется, никогда не умрет. Вечно будет жить. Меня переживет — это я зуб даю. И Саньку тоже. Папу ведь пережила, а он моложе ее на четыре года.

Был.

* * *

...Мишка вчера принес порнушку. Мне вообще слово «порнушка» очень нравится. Уютное такое, сразу хочется под теплый плед и уснуть. Собственно говоря, когда мы начали ее смотреть, я так и сделала. Тем более что Мишка все равно не давал смотреть. Ты что, говорит, потом этими же глазами будешь смотреть на моих детей?

Ужас какой-то с ним, что ни возьми, всё в комедию превращается. Абсолютно несерьезный человек. Хотя, господи, кому я это говорю?!!

В общем, вместо того чтобы как-то оживить наши интимные отношения, мы десять минут ржали, потом

придумали название для электронного переводчика (расширенный мультисловарь «Глубокая полиглотка»), а потом не знаю, потому что заснула...

* * *

Я назову тебя «моя бедная девочка».
Я одену тебя в черный свитер и черные джинсы.
Тебе бы пошло каре, но я не хочу стричься.
Просто заколю тебе волосы на затылке.
Я посажу тебя в старое кресло.
Ты отворишь кровь и вступишь в нее чужие рифмы.
Я загляну в словарь и скажу: неврастения.
Ты будешь сидеть в углу, худая и растрепанная, с глазами, красными от слез и сигаретного дыма.
Я иногда буду смотреть на тебя в зеркало и ободряюще улыбаться.
И проводить пальцем по твоей щеке.
Ты заплачешь, вспомнив то, чего никогда не было и не будет.
Я загляну в словарь и скажу назидательно: парамнезия.
Ты, внезапно решившись, наберешь телефонный номер.
Я отберу у тебя трубку и скажу: привет, как доехал, у меня всё отлично, спасибо.
Ты спросишь: зачем ты так, ну зачем ты так со мною?
Я загляну в словарь, но не найду ни одного слова.

* * *

...Да, совсем забыла, ты же спрашивала, как Зяма с кошкой уживается. А я всё забываю доложить.

Ну что тебе сказать. Кошка сменила гнев на орало. Раньше она Зяму лупила, а сейчас поняла, что толку никакого, одна сплошная усталость. А заставить это чудовище как следует мыться и пристойно пахнуть все равно не получится. Так теперь кошка на Зяму орет страшным голосом. Зяма уже

поняла, что деваться некуда, и пытается кошку задобрить — подползает к ней на пузе и гавкает шепотом. Пробует мяукать, но пока плохо получается

У меня прямо душа болит на это всё смотреть. Мучительно напоминает Мишкины отношения с родителями. Кошка тоже смотрит на Зяму добрыми глазами и говорит: «Ну, ты, конечно, умница и ползаешь очень здорово, но кошкой тебе все равно никогда не стать». А Зяма вздыхает и уходит ко мне — за лаской и добрыми словами.

Надо кооператив открыть. «Глажу. Утешаю. Люблю. Дорого. Гарантия три года...»

* * *

Ты знаешь, нормально всё. Я бы даже сказала, что хорошо, но боюсь спугнуть.

Конечно получилось. У меня всегда всё получается, поэтому мне Нель так много платит.

Я даже не знаю, как тебе объяснить. Ну вот я когда-то проколола уши. То есть не сама проколола, а пошла в косметический салон. Мне тётечка в белом халате намазала мочки зелёнкой и быстренько проколола.

Не знаю, зачем зелёнка. Для красоты, наверное.

И мне, главное, не больно было, ну ни капельки. Вышла на улицу, пошла через дорогу, и вдруг в глазах потемнело и звуки все — как из-за каменной стены. Чуть в обморок не упала, в общем. Единственный раз в жизни. Я обычно в обморок не падаю, хотя хорошо бы. Хоть иногда. Передышку себе дать. А то мало того что бессонница, так еще и круглые сутки в сознании. Так и умру, в полном сознании, не приходя в беспамятство.

О чем я говорила, ты не помнишь?

Да, про звуки. Как будто из-за каменной стены.

Так вот у меня сейчас именно такое ощущение: болит так же сильно, но как будто из-за каменной стены. Можно не обращать внимания. На работе, по крайней мере. И вот сейчас: я сижу с тобой, и ничего.

Чего ты смеешься? Говорю же — нормально. Даже плакать не хочется.

Ночью, конечно, хуже. Она мне снится, эта моя бедная девочка. Нет, не плачет. Идет по улице, вроде как и не знает меня совсем. Потом вдруг оборачивается — а у нее лицо мамы. И всё сразу замирает как в кошмаре, только ее глаза остаются. Сначала светлые, а потом всё темнее. И смотрят, смотрят...

И самое ужасное, что я каждый раз знаю, что это сон, а проснуться всё равно не могу. Так и хожу целыми днями, не просыпаясь, а она всё смотрит.

Да нет, шучу, конечно. Что ты так пугаешься сразу?

Ну, кошмары, большое дело. Раньше тоже ведь были кошмары. А сейчас хотя бы дни нормальные стали.

* * *

Машка поволокла меня сегодня в кино. Я отбивался слабыми лапками, кричал, что это произвол и беспредел, но Машка сложила ручки вроде как умоляюще, но мы-то знаем, мы-то знаем... Ну что, спросила Машка, добром пойдешь? Или начинать плакать, что ты меня не любишь?

Я подумал, взвесил возможные варианты и решил, что бывают в жизни ситуации, когда высшая доблесть и высшее мужество состоят в том, чтобы сложить оружие и сдаться на милость победителя. В конце концов, Машка — слабая женщина, с двадцатью восемью годами стажа. Такой противник мне не по зубам. Короче, я благоразумно проявил высшее мужество и даже совершенно добровольно сменил спортивный костюм на что-то другое, при ближайшем рассмотрении тоже оказавшееся спортивным костюмом, но всё же... Любимая жена оглядела меня внимательно, сказала, что главное — это не победа, а участие, и почему-то погладила по голове. Я посоветовал ей на себя посмотреть, что она и делала следующие полчаса, причем с огромным удовольствием.

Потом с большим трудом оторвалась от зеркала и нежным голосом спросила, долго ли я буду ее задерживать.

А я, идиот, ее размножаю, вместо того чтобы прибить...

Фильм меня очень порадовал. Я всегда радуюсь, когда сбываются мои самые худшие опасения. Опять про маньяков и опять про раздвоение личности.

Мало мне Ленки, можно подумать. Я пытаюсь ей объяснить, что она играет в лучшем случае с огнем. Ведь вся эта ее несчастная любовь как раз и есть следствие внутреннего раскола. А она его всеми силами углубляет. Ей кажется, что можно всю боль и тоску оставить той, второй, а самой жить себе спокойно, пусть половину времени, но спокойно.

Утешает меня только одно: я никогда не слышал о том, чтобы кто-нибудь добивался раздвоения личности сознательно, в здравом уме и трезвой памяти. Но утешение слабое: я точно так же никогда не слышал о том, что можно вытащить из клетки хромосомы и вставить другие, — а она это каждый день делает. Тем более что она так часто упоминает свой здравый ум, что меня это начинает настораживать.

Так что не зря сходили. Не так уж часто выпадает счастливый шанс сказать вслух: ну вот, я так и знал. То есть шанс сказать выпадает часто, чаще чем хотелось бы, а вот не получить за это подушкой по башке — вот это да, такого я и не припомню. Вообще, все эти ужасы не пугают, а мне хотелось бы испугаться. Испугаться, забыться, представить себя на месте несчастной жертвы или на месте несчастного палача, еще неизвестно, что страшнее представлять. Быть, конечно же, страшнее жертвой, а вот представлять себя страшнее маньяком. Хотя этот маньяк, в кино, очень даже неплохо устроился. Может, Ленка и права, раздвоение личности — прекрасный выход из сложной ситуации. Ходишь себе, улыбаешься, глаза честные, на сердце птички поют...

* * *

Ты что, действительно не понимаешь, почему мы так

любим смотреть фильмы ужасов? Потому что громкие вопли заглушают голос бездны. Тихий, едва различимый днем и только ночью чуть более внятный. Он говорит на каком-то никому не известном языке, а мы наполняем его бормотание своим смыслом. Зажимать уши руками бессмысленно — в наступившей тишине он крепнет и обростает назойливой мелодией. Лучше всего посмотреть фильм ужасов. Хоть на время будет не так страшно.

Вот тебе что шепчет бездна? Что внезапно дождь, а ты без зонтика?

Хотя черт тебя знает, может, тебе бездна колыбельные песенки поет. Видно все-таки, что вы с Юлькой родственники. Такая же беспечность.

Так не бывает, чтобы человек не боялся, не ври мне.

Значит, ты к своей бездне просто боишься близко подойти. И телефон у тебя звонит каждые пять минут, это для чего, как ты думаешь?

То-то и оно...

* * *

Вот ты мне про все это взаимопонимание не говори, пожалуйста. А то я за себя не ручаюсь.

Конечно, с полуслова, с полувзгляда, с полувздоха. А мы с ним знаешь как разошлись?

Он мне вечером сказал, что возвращается в Калифорнию, а я навсегда останусь в его сердце прекрасным воспоминанием.

Да, так и сказал. Ты что, думаешь, что я бы такое специально сочинила?

И что мысли обо мне всегда будут наполнять его душу нежностью, а тело томлением.

Дословно, конечно. Если б я такое могла придумать, я бы романы писала, а не клонировала. Разве ж я решилась бы такой талантище закопать?

Да брось ты, можно подумать, что кто-нибудь кого-нибудь когда-нибудь разлюбил за глупость. И потом, с чего ты взял, что я его люблю? Это не любовь, это абстинентный синдром.

Так о чем я? Ты меня все время сбиваешь, а я потом не помню, о чем говорила.

А, ну да. Я ушла домой, чтобы не мешать его душе наполняться нежностью при мысли обо мне. Напилась, впервые за всю жизнь напилась. Ну я ж тебе говорю, мне нельзя пить, руки дрожать будут. Хотя, знаешь, они и так дрожат, может, и правда глупость это всё. Вот я берегу глазки, ручки, головку, а в один прекрасный день — бац, и ослепну.

Мало ли от чего. От сотрясения мозга. Если достаточно долго биться головой об стену, то может быть сотрясение мозга. Даже если стена метафорическая. Да и мозги, если честно, тоже.

Короче, я напилась водкой. Даже не закусывала. Гадость, конечно, но зато отвлекает от глупых мыслей. А мыслей у меня, сам понимаешь, — полная голова. Я ж креативная до умопомрачения, если б я не была такой креативной, меня бы в Эдинбург не послали. Надо было на втором курсе не микрохирургию ядра учить, а на лоботомию записаться. Может, тогда и обошлось бы. Хотя вряд ли, конечно.

Ну что ж я всё никак не дорасскажу, просто мучение какое-то.

Просыпаюсь среди ночи от собственного крика. И понимаю, что сижу в постели и ору его имя. И тут вдруг чувствую, что он меня слышит. Изнанкой кожи чувствую, не знаю, как это объяснить. Ну, у меня, значит, покой по всему телу разливается — ясно ведь, что теперь-то всё хорошо будет. Если за три километра ночью человек слышит, как я ору...

Прибегаю утром к нему на работу, вся такая в слезах и губной помаде, а он сидит с лицом — ну совершенно просветлённым. Даже глаза светлее стали. Увидел меня, схватил за руку и говорит: «Ленка, только ты меня поймешь, я, кроме тебя, никому рассказать не могу, меня в сумасшедший дом сдадут. Я сегодня ночью слышал, как меня жена позвала. Только ты не говори ничего, не надо. Но я точно знаю, что мне не приснилось и не показалось. Я слышал. Я точно слышал. Ленка, ты себе не представляешь, какое это счастье — любовь! Вот так, чтобы тебя любимая позвала из другой страны, а ты услышал! Так же не бывает, это мне повезло! Дай тебе бог

когда-нибудь вот так влюбиться!»

Нет, не сказала. Ну как ты себе представляешь, что тут можно сказать?

И потом, он так сиял, у меня бы просто язык не повернулся его разочаровать.

Я тогда стащила на работе барбитал и медитировала на него двое суток. А потом мне Юлька позвонила — кто-то там у нее собирался в Шотландию, так она спрашивала, не могу ли я его приютить на пару дней. Ну, я ей сказала, что не знаю. Если не отравлюсь, то могу, конечно. А если отравлюсь, так это технически будет сложно.

Ну а Юлька мне на это: правильно, умница. Хочешь, говорит, я Саньку заберу? Или лучше в детский дом?

Так что выбросила я барбитал в унитаз, а потом еще пришлось в универе придумывать невероятно сложный опыт, только чтобы этот барбитал списать. Но это как раз удачно получилось. Во-первых, я неделю вообще ни о чем не думала, потому что времени не было. А во-вторых, опыт получился, мы потом статью написали.

* * *

...Машке сегодня приснилось, что она стоит в темноте и точно знает, что ей один шаг осталось сделать. Буквально до всего. Ровно один. Но она не знает куда. Так и проснулась.

Можно считать, что мне повезло. А то шагнёт куда-нибудь сдуру, и унесут ее ангелы небесные на золотой колеснице в какой-нибудь специальный рай для живых Машек. Ей-то хорошо, а мне что, опять жениться? Нет, второй раз я этого не выдержу. И потом, если она нечаянно просветлится, то как с этим рожать? Не вредно ли для младенца?

Так что я пораскинул мозгами и подарил Машке ловушку для снов. Теперь Машка ловушку дрессирует, чтобы та не просто тупо отлавливала все сны, а действовала на манер демонов Максвелла: хорошие сны пропускала, а плохие задерживала.

Хотя Машка немедленно начала жалеть плохие сны. «Не

такие уж они плохие, — говорит Машка, — просто их мама в детстве не любила». А утром доложила, что приходил один плохой сон и ему потом пришлось отгрызть себе лапку, чтобы из ловушки выбраться. Так что если тебе приснится кошмар без лапки (или, наоборот, одинокая лапка от кошмара), то ты знаешь, кому сказать спасибо...

Собака Зяма на ловушку для снов гавкает украдкой. Когда кошки нет поблизости.

Машка решила, что это из-за плохих снов, которые в ловушку поймались. А я думаю, что все дело в разноцветных перышках: собака при виде перышек теряет всяческое самообладание.

Машка обозвала меня грубым материалистом, а я ее — тупой идеалисткой.

В общем, поговорили.

Но потом пришлось мириться, у нас же строгий договор не ложиться спать, не помирившись.

Сошлись на том, что плохие сны в обрамлении разноцветных перьев — это для собаки слишком.

* * *

Я вполне могла бы играть собачку в твоём театре теней. Ты шевельнёшь мизинцем — я залаю, большими пальцами — и я пошевелю ушками. Гав, любовь моя, гав.

Но больше всего я люблю, когда ты скрещиваешь ладони и у меня появляются крылья.

Только во сне я могу говорить с тобой, только во сне.

Наяву тебя нет, но это еще не самое ужасное. Хуже то, что наяву нет меня. И мне все время кажется, что вот сейчас, вот еще немножко, и проснусь. Но каждый раз думаю: господи, да куда же просыпаться? Тебя же там нет...

Но мне иногда кажется, что даже если бы я и захотела, то все равно не смогла бы. Как будто тяжелая дверь только и ждет моего движения, чтобы захлопнуться и не выпускать. Как будто меня заперли тут, с тобой, навсегда, пока моя смерть не разлучит нас. И мне хочется кинуться к этой ужасной двери и

колотиться в нее, и плакать, и просить, чтобы открыли, но я боюсь отвернуться от тебя, любовь моя. Ведь стоит мне один раз отвернуться, как ты исчезнешь, и я останусь совсем одна...

* * *

Маха опять начала жаловаться на то, что ей не хватает времени. Я вчера решил посчитать, получилось, что примерно пятнадцать минут она мне рассказывала, что хотела бы сделать маску, но не успевает. Потом минут двадцать разговаривала с мамой по телефону, в основном про то, что у нее нет времени на йогу. А потом сидела за компьютером. С очень большой долей вероятности, писала тебе письмо — про то, как она не успевает гулять. Я ее взял за шкирку и поволок на улицу, а она отбивалась и шипела, что из-за меня не успеет сварить суп.

Потом немножко успокоилась и начала рассуждать о том, как хорошо было бы жить в лесу, в домике, вдали от цивилизации. Никуда не торопиться, всё успевать... Я ее спросил, чем же она будет заниматься без телефона, интернета и телевизора, она сказала, что займется испанским языком, философией религии и макраме. Отличное сочетание, на мой взгляд.

На вопрос, почему она не может заняться всем этим прекрасным букетом прямо сейчас, Маша отвечать отказалась. Сказала, что я ее не понимаю. И мне даже нечего возразить: действительно не понимаю.

Это же получается, что нам нужно поймать две золотые рыбки. У одной просить время, а у другой — способы его провести. Одно без другого бессмысленно и утомительно.

Спроси меня, зачем мне нужно дополнительное время. Если честно, то для того, чтобы заработать еще немножко денег. Потому что как только у меня появляется время, я сажусь за статьи и переводы. А если ты меня после этого спросишь, зачем мне нужны деньги, я тебе скажу, что деньги — это комфорт и экономия времени.

И мне останется только надеяться на то, что в своей

бесконечной доброте ты меня пожалеешь и не спросишь, а какой, собственно говоря, во всем этом смысл...

* * *

А знаешь, мне кажется, я совсем в порядке. Я вот тебе на сны жаловалась, мне даже Машка собиралась свою ловушку для снов подарить. Только велела выколотить ее как следует на балконе. Но на балконе нельзя, наверное. Неэкологично как-то. Кошмары из ловушки надо выколачивать под одеяло и там же хоронить. Тем более период полураспада у них не очень большой. Не больше, чем у нас, это уж точно.

Ну так вот, мне сны вообще сниться перестали.

Нет, это разные вещи. Бывает, что снится что-то, а ты не помнишь. А мне совсем ничего не снится, я точно знаю.

Что ты сразу такое лицо делаешь, как будто тебе сказали, что у меня рак, но это пока секрет?

Я счастлива, ты себе даже представить не можешь, до чего я счастлива.

Представляешь, Дина пару дней назад рассказывала, как решила она внучке почитать «Маленького принца». Дошли они до картинки удава, проглотившего слона. Ну, Дина спрашивает, вроде как с подвохом: «Женечка, как ты думаешь, что на этой картинке нарисовано?» Женечка глянула меланхолично и сказала, что это змея проглотила шляпу.

Ну ты понимаешь? Это же растет Поколение Великого Компромисса, я перед ними просто шляпу снимаю. Пока ее еще никто не проглотил.

Конечно, у меня пока мало материала для обобщения. На Саньке не получилось проверить, Санька сказала, что хочет книжку с разноцветными картинками и без змей вообще. То есть змею она все-таки узнала.

Я уже сутки об этом думаю.

* * *

Здравствуй, Юленька.

Мы как с тобой поговорили, так я до сих пор думаю про золотую середину. Она мне даже снится иногда — мне вообще сейчас очень много снится. Каждую ночь не меньше трех снов. И я их помню все, по крайней мере в течение дня вспоминаю. Мишка говорит, что непонятно, может, я эти сны просто придумываю. А я ему отвечаю, что какая, на фиг, разница?

Ну, он со мной сейчас старается не спорить. Действительно, говорит, никакой разницы, ты только не волнуйся.

А мне стоит услышать «ты только не волнуйся», как сердце сразу уходит в пятки.

Знаешь, я думаю, что Ахилл был ужасным трусом. У него сердце в пятке находилось постоянно.

Кстати, эта моя гениальная версия подтверждается тем, что, когда мне Мишка три года назад пяточки помассировал, я в него сразу влюбилась. А если бы Купидон рядом оказался, не приведи господи? Ходила бы сейчас с дыркой в груди, как дура.

Золотая середина во сне представляется мне блестящей такой проволокой над пропастью. И морды звериные страшные со всех сторон. Пока на ней держусь, чудовищам меня не достать. Вот вчера, например, я с Мишкой поругалась и в пылу гнева рявкнула, что уйду из дома. Так знаешь, даже засыпать не пришлось. Прямо наяву такой ужас и пасть оскаленная... Может, и выдуманная, да только пошла я к мужу извиняться. На всякий случай. А то фантазии фантазиями, но у этой твари такие зубы... Даже если во сне укусит, полжизни в больнице проведешь.

Я даже в гостях вчера, когда книжные полки разглядывала, наткнулась на книжку «Хождение по Середине». Ну ни фига себе, думаю. До чего ж я крутая, даже мироздание снизошло до диалога.

Потом присмотрелась — оказалось, что это книжка о Ходже Насреддине.

Так что не получилось у нас с мирозданием диалога. А если оно и дальше будет так мерзко хихикать, то я вообще за себя не отвечаю!

* * *

Мне снилось, что у меня бессонница: синий и фиолетовый драконы сплетались в какой-то совершенно безумный инь-ян, ловили друг друга за хвосты, синий дракон — явь, фиолетовый — сон. Проснулся я с четким знанием, что нельзя ни полностью заснуть, ни полностью проснуться. Такое чувство, что эти сны с Ленкой связаны каким-то образом.

Плохо то, что Машка начинает ревновать, а я не знаю, как ей объяснить — это не влюбленность и даже не обычная мужская заинтересованность. Что-то другое. Она меня скорее раздражает, чем привлекает. Как будто чем-то мы с ней очень сильно похожи и мне это совершенно не нравится. Но я даже не могу понять, чем именно.

Я беспокоюсь за нее всё сильнее — тоже непонятно, с какой стати.

* * *

Я не знаю, чего ты так волнуешься, всё ведь нормально. Ну, если вообще можно говорить о какой-то норме. Всё лучше и лучше. Страшно подумать, до чего я так могу докатиться.

Ну, я заглядываю иногда к ней в подвал. Просто чтобы проверить, что она в слезах не утонула. Знаешь, мне кажется, что ей даже нравится.

Вообще я всё больше времени могу проводить без нее. Вчера за весь рабочий день ни разу не вспомнила, даже на перерыве. Тем более что наши дураки устроили настоящий цирк. Вроде как они в меня оба влюблены. Затеяли дуэль на инжекторах. Андрей пытался говорить зловещим басом, но у него только фальцет выходил. Правда, вполне зловещий, ничего не скажешь. Падал передо мной на колени и кричал: «Принцесса, заберите все мои хромосомы, но подарите мне поцелуй!»

А Леша с другой стороны подвывал: «Нет, лучше мне подарите, принцесса! И можете даже вставить мне хромосомы этого идиота!»

В итоге Андрей пообещал ему вставить вовсе даже не хромосомы, и они начали гоняться друг за другом по коридору, пока центрифугу с места не своротили

Теперь центрифуга не работает, но Нель даже слова никому не сказала. Вроде как мероприятие по возвращению мне боевого духа.

Я понимаю, что они дурака валяют, но все равно приятно. Как будто после долгой болезни разрешили выйти на воздух, а там солнышко.

А потом к Нель Костя пришел. Он вообще в последнее время часто заходит. Не знаю, может, по делу, а может, с женой поругался.

Да, конечно, сплетничать нехорошо, но я же полгода вообще никого вокруг не замечала, так мне теперь интересно. Как в кино.

И потом, ты знаешь, я раньше как-то не обращала внимания, а сегодня меня как по голове стукнуло: до чего Костя на него похож.

Ну, на него. На прекрасного принца, которого белый конь унес за океан.

Не знаю, я вообще его имя не могу вслух произносить. Мне сразу плохо становится. Даже когда в книге вижу или, еще хуже, тезку встречаю — сразу начинаю краснеть как идиотка.

Или мне кажется, что похож? У меня же ни одной фотографии не осталось, я сожгла все его фотографии. Может, и правда показалось. Зайду сегодня к моей бедняжке, она, я думаю, лучше помнит милые черты.

Как ты думаешь, принести ей мороженое?

Не делай такие большие глаза, я помню, что мы — один человек. Но просто я мороженое не люблю, а вдруг она любит?

Ну попробовать-то можно?

* * *

Я очень мудро решила не отмечать день рождения, в итоге, вместо того чтобы пережить один концентрированный приступ человекобоязни, я сижу с каждым гостем в

отдельности от восьми до восемнадцати часов, это как повезет. Но я не про мизантропию на этот раз, а про совсем другое. Вот за последнюю неделю навещали меня три гостя. Каждый из них в какой-то момент беседы произносил фразу «ты меня не ценишь», примерно в одинаковом контексте, — я потому что торможу сильно и на удачные шутки отвечаю, конечно, вежливым смехом, но иногда поздно спохватываюсь. Неважно. Первому я автоматически ответила, что не страшно, после смерти оценю, второму — то же, но уже не стала уточнять, после чьей смерти, а третьему вообще ничего не сказала из суеверия — его-то как раз не хотелось бы оценить раньше времени, но речь опять-таки не об этом. Я о том, что не то беда, что люди похожи, а то беда, что я одинаковая, если вы, конечно, понимаете, что я имею в виду, потому что я-то как раз не понимаю ни фига...

* * *

Кажется, мне тоже недостает цельности, вчера опять, уже даже и не помню с какой такой радости, рассыпался на какие-то совершенно самостоятельные сущности разного размера, возраста и пола. Они всю ночь жутко ругались, скандалили, тарелку разбили, двое вообще сбежали в сад, а там холодно, апельсинов еще нет, чем там можно ночью заниматься — ума не приложу. Под утро угомонились, я смёл их, сонных, в один мешок и повез на работу. Но мешок больно уж легкий, это подозрительно. Ну, те двое, ладно, в саду заблудились, но от них на работе мало толку, да и дома, если честно, и вообще, есть захотят — придут. И те, что за компьютером спрятались и хихикали тихонько, — ну что я, зверь, что ли, сделал вид, что не вижу, там игра новая, им погонять хочется, я же понимаю. Меня, если честно, один только беспокоит, он там, мне кажется, так и лежит на полу, в потолок смотрит, просто мороз по коже, как подумаю, что там у него за мысли... Мороженого ему купить вечером, что ли, какого-нибудь клубничного, он его не ест, конечно но ведь это и неважно правда ведь?

* * *

...Когда-то давным-давно, на заре туманной юности, можно сказать, была у меня подружка. Она мне не очень-то нравилась, но зато в постели позволяла решительно всё. А заря туманной юности — это вообще очень нервная пора жизни. Сверстницы не дают, женщины постарше не берут, так что когда находится более или менее подходящий объект — тут уже не до рассуждений.

Как же ее звали-то? Ну, бог с ним, с именем, не в имени дело. Так вот, единственное, что смущало мой покой, — ее постоянная просьба «ударь меня по лицу». А я не мог. Просто физически не мог, и всё. Она и уговаривала меня, и плакала, и читала длинные лекции о философии насилия — ничего не помогало. А я и сам уже мечтал о том, что вот когда-нибудь переступлю через себя, дам ей пощечину, и откроются перед нами невиданные доселе горизонты интимности. Но, по большому счету, мне никаких горизонтов и даром не надо было, а пределом моей потребности в интимности являлась невысказанная просьба прекратить читать мне лекции. А по возможности и плакать тоже прекратить, но это уже факультативно.

Так мы с ней прожили полгода, наверное. Душа в душу, можно сказать.

И вот однажды сидим мы в гостях, и она начинает с кем-то там кокетничать. «Ах, какое у вас мужественное лицо! А можно, я ваш бицепс потрогаю? Ах, я никогда в жизни такого бицепса не видела!»

Вот, вспомнил, Алина ее звали, она еще шляпу такую дурацкую носила...

В общем, разозлился я до чертиков, а она это увидела и давай продолжать: «Ах, у вас все тело, наверное, как этот бицепс. А давайте поиграем в карты на раздевание. Ах нет, шалун, и не мечтайте! Я всегда выигрываю!»

А у самой водка разве только из ушей не льется.

Сгрэб я ее в охапку, уволок на балкон, вылил на голову бутылку «Боржоми». Она начала отбиваться. В общем, слово за слово, как-то незаметно мы оказались на полу. И тут она

говорит мне: «А знаешь, я думаю, что у него не только бицепсы такие твердые...»

Ну, тут я ее и ударил. По лицу, как заказывала.

Дальше не помню, я тоже пьяный был. Дотрахались и заснули, мне кажется.

Так вот, теперь апофеоз: больше она ни разу в жизни не согласилась со мной встретиться. Ни разу. Я звонил, просил, уговаривал — всё впустую. И даже не объяснила ничего.

Я тебе это не просто так писать начал, а с каким-то дальним прицелом. Настолько дальним, что теперь уже и не разглядеть.

Одна надежда на твой незаурядный ум — авось сама разберешься...

* * *

Вчера вдруг подумала, что уже несколько дней о ней не вспоминала. Мне кажется, я скоро вообще ее забуду. Даже странно, так легко все получилось, я не ожидала.

Ну, я ж тебе рассказывала, очень просто. Я свою боль представила как девушку, молодую такую, хотя старше меня, наверное. Я как-то не задумывалась об этом. Да, точно старше.

И вот, сначала я на нее просто смотрела со стороны. Потом начала отходить на шаг. Потом всё дальше и дальше.

Я не знаю, как это объяснить. Ну просто представляешь себе это, как кино. Много раз представляешь, а в какой-то момент понимаешь: о, получилось. Это фантазия, конечно, но в то же время и реальность. Для меня в данный момент это вполне реальная такая реальность, данная мне в ощущение. Потому что ты можешь что угодно говорить, но раньше мне было больно, а теперь нет. Да какие иллюзии, у меня в груди болело так, что я дышать не могла. Как будто сердце вынули неаккуратно и шов никак не заживает. А сейчас ничего не болит. Сердце на месте, пульс семьдесят пять, я проверяла.

Ну вот, потом я начала ее дома оставлять, когда на работу уходила. Запирала ее в подвале, чтобы она за мной не увязалась.

Теперь уже не запираю, конечно. Ну странно было бы —

живого человека запирать в подвале. Что ж я, зверь какой?

Но вообще знаешь, странно так. Я вчера проснулась утром — а на тумбочке рядом с кроватью пепельница стоит. И несколько бычков.

Я не курю, но всегда же есть какие-то сигареты в доме. Вечно кто-нибудь забывает. Я пошла на кухню проверять — три разные пачки нашла. А в пепельнице три окурка. Причем все разные.

Это значит, я проснулась среди ночи и начала определять, какие сигареты мне больше нравятся?

Чего ты пугаешься? По-моему, забавно.

* * *

Я тебя, Юлька, знаешь за что люблю? Ну конечно, за то, что ты умница, красавица, любимая сестра и вообще родная душа, это понятно. Но помимо этого я тебя особенно люблю за то, что ты в моем присутствии никогда не произносила фразу про сансару, которая и есть нирвана. Потому что достали меня этой фразой невероятно. До того дошло что я вчера собственного начальника обозвал «некоторыми мудаками, которые вообще ничего ни в чем не смыслят, только языком болтают». Начальник так удивился, что предпочел не понять моего тонкого намека. Потому что в противном случае ему пришлось бы меня уволить, а кто тогда будет работать? Начальник мой точно не будет, потому что он некоторый мудак, который вообще ничего ни в чем не смыслит.

Ну, ты понимаешь, вроде как нирвана — это хорошо, а сансара — плохо. А хорошим тоном у нас сейчас считается высшая мудрость «это даже хорошо, что теперь нам плохо».

А на мой взгляд, дело обстоит совершенно иначе. Нирвана — это ведь остановка, конец пути. Окончательная смерть. Потому что жизнь подразумевает перемены, как ни крути, а какие перемены, когда нирвана? Никаких перемен.

А сансара — ну понятно же, что это обмен веществ. И назови ее как хочешь — хоть реинкарнацией, хоть круговоротом углерода в природе, — смысл примерно один и

тот же. Жизнь, движение, перемены.

И ты можешь сказать, что движение по кругу, а перемены одни и те же, а я тебе на это отвечу, что ничего подобного. Поскольку колесо огромно, а жизнь наша коротка, тот короткий путь, который мы успеваем пройти, вполне может считаться прямым.

Но ты, я надеюсь, ничего подобного не скажешь, потому что и сама всё понимаешь.

Так я думаю, что нирвана — это, конечно, хорошо, но когда-нибудь потом. Когда-нибудь не сейчас. Пусть уж моя душа страдает в тесной телесной оболочке, а я постараюсь не совершенствовать ее в страданиях.

О вспомнил! Кстати о душе! Душа моя, когда мы тебя увидим? Может, на Рождество?

Приезжай скорее, а то моя милая тётушка решила, что ей срочно необходимо креститься. У нас есть долг перед родителями, ты в курсе? Так вот, твой долг заключается в том, чтобы присутствовать на этом торжественном мероприятии, вести себя по возможности скромно и благопристойно. Как минимум не посыпать голову пеплом и не орать «Вейзмир!» на всю церковь.

Впрочем, может, тебе и в самом деле не приезжать?

И вот еще: я тебе ничего не говорил. Ну, ты понимаешь, это тебе там легко на берегу Средиземного моря, а у нас тут все сложно...

* * *

Я зачем-то к мужу вернулась. Ой, даже и не спрашивай, не знаю.

Он просил очень, а мне все равно. Все равно ведь одна, так можно и с ним, разница не очень большая, если честно.

И Санька его любит, он возится с ней все время. Уроки с ней делает, английским занимается. А я по вечерам работаю, так пусть она лучше с ним сидит, чем одна перед телевизором.

Мы в разных комнатах спим, я не знаю почему. Мне так удобнее, конечно, но предложил он.

А зачем мне об этом думать? Живет со мной в квартире человек, ничего от меня не хочет, только помогает. У меня даже мелькала мысль, что у него на Саньку какие-то виды, но нет, не похоже. И потом, Санька мне расскажет, если что, я не сомневаюсь.

А у меня недавно провал в памяти был.

Нет, раньше никогда не было. Но оно же знаешь как, всегда бывает первый раз.

Я сидела вечером с Санькой, объясняла ей чушь какую-то про градусы и радианы, и тут звонок. Калифорния вызывает. Вот представь, да? Такая большая Калифорния на проводе. И вызывает, вызывает... А я такая маленькая...

А зачем ему мой телефон доставать? У меня со времен Эдинбурга номер не поменялся.

Так в том-то и дело. Не знаю, о чем говорили. Он меня спросил, как дела, а я стою перед зеркалом, смотрю на свое отражение и понимаю, что либо рыдать начну как идиотка, либо фальшивым голосом рассказывать, что все хорошо. Лучше уж рыдать. И вот я думаю, что бы мне такое сказать, а пауза тем временем затягивается, и я в отчаянии думаю: ну и черт с ним. Пусть решит, что я онемела от счастья, услышав любимый голос. И тут у меня перед глазами всё темнеет, даже отражение в зеркале куда-то пропадает...

Пришла в себя, посмотрела на дисплей — действительно звонил, не примерещилось. Двадцать минут мы с ним разговаривали. Двадцать минут. А я ни слова не помню.

Назавтра получаю письмо: «Прости меня».

Ну ладно, я простила, мне не жалко. Пусть себе живет спокойно в своей Калифорнии...

Но мне интересно: что же я ему наговорила? Или это не я?

Ну ты видишь, опять все начинает запутываться.

И это уже не первый провал в памяти, меня недавно Костя позвал кофе выпить...

Ну, Константин Аркадьевич, ладно.

Так вот мы сидели в кафе почти час, а я не помню ничего. Как будто заснула. И мне даже сон какой-то дурацкий

приснился, как будто я живу в деревне, и мы с подружками вечером наряжаемся и идем играть в перетягивание каната. Ну вот, тянем мы этот канат с двух сторон, а я не тяну — только вид делаю. Народу много, все равно толку от меня никакого. И тут вдруг что-то происходит, и все исчезают. И я одна, а с другой стороны каната — фигура в черном.

И я понимаю, что шутки закончены, сейчас придется всерьез тянуть этот треклятый канат, и я за него берусь двумя руками, дергаю, а он так легко поддается — и я на землю падаю. И просыпаюсь. В руках чашка кофе, а Костя смотрит на меня так, как будто я только что стриптиз на столе исполнила.

Ну, я чашку поставила, попрощалась и на работу вернулась. Чувствую себя полной идиоткой...

* * *

Пришлось вчера все дела бросить и плестись к тётушке на день рождения. Сначала всё шло по плану: тётушка жаловалась на непутевую дочь и сетовала на мировую несправедливость. В том смысле, что у ее бестолковой сестры вырос такой чудесный сын, как я, а самой тётушке не повезло.

Это новости какие-то, раньше она мне казалась относительно вменяемым человеком. Насколько это вообще возможно у родителей.

А потом тётушке пришлось взять себя в руки, потому что пришли гости.

Все мои проблемы из-за того, что я женщина, а вот была бы я мужчиной, всё было бы иначе, Нель практически открытым текстом об этом говорит.

Все мои проблемы из-за того, что у меня нет денег, а вот были бы у меня деньги, всё было бы иначе. Это Олег вчера сказал, не практически открыто, а просто дословно.

Все мои проблемы из-за того, что любимый меня бросил, а вот если бы не бросил...

Или даже: все мои проблемы из-за того, что я не в том месте

живу...

Какие наивные люди, сказал я Машке по дороге домой. На что Машка хихикнула и сказала: «А ты, в отличие от них, уверен, что все твои проблемы из-за того, что мама ну не то чтобы тебя не любила, любила, конечно, но делала это совершенно неправильно».

Я из этого сделал очень серьезный вывод: Юлька мою жену окончательно испортила. Ни тебе почтения, ни уважения. Иногда мне кажется, что она меня даже не боится.

Ну ничего, вот родит — начну ее пороть по выходным. Чтоб знала.

* * *

Я уже вообще не знаю, что думать. Сегодня ночью решила я заглянуть в подвал, проведать мою бедную девочку. Ну, я, как обычно, закрыла глаза, представила себе, как я спускаюсь по ступенькам, толкаю тяжелую дверь, захожу...

Нет ее там. Да и не только там, ее вообще нигде нет. То есть я понимаю, что где-то она прячется, но я не могу ее даже представить визуально. Сразу в глазах рябит, как будто помехи сильные. Я догадываюсь, конечно, кто их создает, эти самые помехи, но как ей это удастся? И зачем?

Вообще ничего не понимаю.

Я знаешь что вспомнила? Я вспомнила, как Юлька мне рассказывала, что ела когда-то кислоту и ей привиделось огромное «Я». Литой такой монумент, вокруг которого планеты вращаются. Юлька тогда смеялась и говорила, что это наглядная демонстрация ее скромности и альтруизма. Стою, говорит, одна. Пусто, и мир вокруг меня вращается.

Так я вот чего не понимаю. Вот это самое «Я», где оно находится? Ведь не может такого быть, чтобы оно из двух половинок состояло? Или может?

Но неужели нет никакого ядра — цельного и неделимого? А если есть, то это ведь кошмар. Это значит, что мы с моей

бедной девочкой будем это самое ядро друг у друга отнимать.

Хотя я как раз готова его пополам разделить.

Потому что мир все равно ведь бесконечен, хоть внешний, хоть внутренний, все равно. А половина бесконечности — она ведь все равно бесконечна, правда ведь?

Но я все равно не понимаю про бесконечность. Лицо умное сделать могу, а в голове все равно не укладывается. И про «Я» тоже не укладывается. Это ведь получается, что она — это тоже я.

Слушай, а можно я у вас посплю немножко? А то я просто на ходу засыпаю. Ты разбуди меня через час, если я сама не встану, хорошо?

Нет, мне не нужно одеяло, я плед возьму.

Я...

* * *

Зря я хвастал всем подряд, что Машка переносит беременность легко и незаметно. Три дня назад произошло непоправимое. Отныне этот день станет черным днем календаря, обведенным траурной рамочкой. А когда я буду пытаться о нем вспомнить, мое подсознание завизжит, схватит воспоминание своими остренькими губками, уволочёт его в самый дальний уголок и там зароеет. Чтобы откопать в самый неподходящий момент для какого-нибудь изысканного ночного кошмара.

Для начала Маша закатила истерику. Что само по себе не очень удивительно, всякое бывает. Меня насторожило только выбранное для этого время — восемь часов утра. Маша рыдала, кричала, что я ее не люблю, и требовала не ходить на работу, а остаться с ней дома. Конечно, надо было бы побить ее по щекам, но я не смог себя заставить. Принес водички, погладил по голове, уложил обратно в кровать и ушел. Вернувшись вечером, застал ее в той же кровати под тем же одеялом, на мокрой от слёз подушке. Я заставил ее немного поесть, но зря: у нее появились силы, и она опять начала рыдать. Сообщила мне, что я никогда ее не любил, что живу я с

ней исключительно из-за будущего ребенка, что она вообще никогда не встанет, а в ближайшем будущем, скорее всего, умрет. Через пару дней примерно. А я могу идти на свою работу и там ночевать. Потому что она безмерно одинока и никто ей не нужен.

При этом вцепилась в мою ладонь двумя руками, я с трудом уговорил ее отпустить меня на пару минут в туалет.

Посреди ночи она встала не просыпаясь, отвязала от карниза ловушку для снов и выбросила ее в окно. После чего легла обратно в кровать и тут же начала стонать и ворочаться.

Наутро не помнила ничего. Кроме того, что ей приснился очень вкусный сон, но тут прибежала ловушка для снов и давай сон отбирать. Ну, Машка, не будь душой, начала с ней драться. И победила, разумеется, — я своими глазами видел, что действительно победила. Потом легла и доела свой сон, прижимая его лапой и рыча на гипотетических конкурентов.

В общем, я занервничал и остался дома. Валялись два дня в постели, Машка плакала не переставая, а я читал ей «Марию Стюарт» Шиллера. Чтоб не зря плакала хотя бы. Завтра возьмемся за «Муму», я думаю.

* * *

Мне какое-то странное письмо пришло из Эдинбурга.

Нет, с чего ты взял, он же и не в Эдинбурге давно, он в Калифорнию вернулся, к жене.

У тебя просто болезнь какая-то, на каждом слове перебиваешь.

Письмо почти из универа. Есть в Эдинбурге фирма, которая занимается клонированием органов. И они часть разработок делают совместно с лабораторией, в которой я училась. Так они мне написали, не хочу ли я приехать. Поработать, поучиться.

Предложение хорошее, но странное. «Что он Гекубе, что ему Гекуба?»

Хотелось бы, конечно, думать, что это они оценили по достоинству мой талант, но как-то слабо верится. Почему они

тогда ничего мне не предлагали, пока я у них училась? За эти несколько месяцев ничего не изменилось. Ни публикаций новых, ничего. Чего ж они подхватились?

Ну, к сожалению, понятно. Это тебе непонятно, потому что ты не в теме.

Им Нель нужна, а не я.

Как ты думаешь, почему она не кого-нибудь из своих мальчиков послала учиться, а меня? Потому что они уже давно у нас работают и всё знают. А я пришла с улицы практически и работать начала уже после Эдинбурга.

Нет, я не думаю, что мальчики могли бы Нель продать. И она не думает. Но я ее немножко знаю, она вообще никому не верит. Она даже себе не верит. Может быть, только Дине, да и то сомневается.

Потому что как же доверять человеку, который может умереть в самый неподходящий момент?

* * *

...Ты прости, что я не пишу, но у меня тут было временное помешательство, Мишка тебе рассказывал, я думаю. Вряд ли он бы удержался, чтоб не наядбедничать.

Знаешь, если он за эту неделю со мной не развелся, то, наверное, действительно любит. Будем считать, что это я провела разведку боем. Непонятно, как жива осталась: если бы Мишка меня прибил по ходу дела, я бы не удивилась. Он со мной неделю сидел, никуда не отходил. Я даже в душ без него идти отказывалась, потому что душ — очень опасное место, ты в курсе? Там практически из любого отверстия может выползти змея. А из стока для воды даже три змеи одновременно могут выползти. И все ужасно ядовитые, как ты понимаешь.

В общем, наша ванная комната оказалась на самом деле рассадником ядовитых гадов, я даже не понимаю, как мы живы-то остались за три года жизни в таком опасном месте.

Сейчас меня уже поотпустило, я уже отваживаюсь купаться в одиночестве, но сегодня заметила, что купаюсь в крутом

кипятке. На вопрос «Зачем?» в голове немедленно появился четкий и ясный ответ: чтобы отпугнуть змей. Змеи не любят слишком горячую воду, ты знала? Я, судя по всему, знала.

А то, что от горячей воды может быть выкидыш, меня гораздо меньше волнует: змеи страшнее.

В общем, я закручинилась и направилась в библиотеку, чтобы почитать какую-нибудь умную книжку про фобии. Примерно через час я отчаялась и пошла пить кофе, утешая себя Мишкиными словами о том, что рожу — поумнею обратно. Ну вот, сижу я в кафе, пью кофе с бубликом, и тут подсаживается ко мне какая-то тётка, тоже с бубликом. Она видела, что я читаю про фобии, и решила спросить, не психолог ли я. Потому что у нее страшная фобия: она бабочек боится.

А мне как-то не хотелось про своих змей рассказывать, я жадная в таких вопросах, только с близкими делюсь. А послушать интересно. Ну и чтоб разговор поддержать, я ей наврала что-то про племянницу, которая боится чужих мужчин. Причем до того доходит, что ни в автобусе проехать, ни хлеба в магазине купить.

Тётка меня выслушала и говорит с недоумением: «Мужчин боится? Вот ведь бред какой! Ну, я понимаю — бабочек!»

Вернулась я домой совершенно умиротворённая и Мишке сообщила, что змей больше не боюсь. Но купаться не пошла — потому что змеи ведь кусают даже тех, кто их не боится...

* * *

Знаешь, я, кажется, переспала с Костей. Ну да, конечно, с Константином Аркадьевичем, но если я с ним действительно переспала, то уже можно и на «ты» переходить. Или нет? Или рано пока еще?

Черт, ну я не знаю, мы Нелин день рождения отмечали, потом Нель ушла куда-то, а мы с мальчиками остались. Ну, выпили много, и потом, почему бы и не остаться? Я, честно говоря, собиралась Андрея соблазнить. А не Костю. То есть не Константина Аркадьевича, а Андрея, как там его по отчеству.

Не знаю. Не помню. Проснулась, а рядом Костя. Он мне нравится, конечно, я же тебе говорила, он на Илью похож, но как бы тебе сказать... Ну, устоять я бы смогла. Даже без особенных усилий. Во-первых, проблемы на работе мне совершенно ни к чему. Это, пожалуй, единственное место, где у меня нет проблем. И я бы ситуацию не меняла. Так бы всё и оставила. Пусть хоть где-нибудь не будет проблем, ну хоть для разнообразия, что ли.

А во-вторых и в-главных — мне абсолютно безразлично, с кем спать. Потому что сердце все равно ампутировано, так я теперь вполне могу кого-нибудь полюбить, переспать, выйти замуж, родить детей... Теперь уже все равно, почему бы и нет? Да я даже со своим мужем могу жить, ты не поверишь. Никогда не могла, а сейчас могу. Какая разница с кем?

Ну так на кой ляд мне сдался этот ваш Константин Аркадьевич? Ты не знаешь? И я не знаю. Никто не знает, а я утром проснулась рядом с ним, причем на мне из одежды... Ладно, неважно. Мало на мне было одежды, слишком мало. Хорошо хоть, не простудилась...

И у меня такое чувство, что он тоже ни черта не помнит. Потому что я ему что-то там сказала про незабываемую ночь, не знаю, как-то автоматически вылетело, так у него глаза стали, как будто мы всю ночь не коньяк пили, а кокаин нюхали.

А ты говоришь, что у меня диссоциация и пограничное состояние. Да ты вокруг посмотри — оно у каждого второго пограничное.

* * *

Настроение у меня — не бей лежачего. И даже не на что свалить — до полнолуния далеко, а до менструации еще дальше. По сравнению с тем, сколько до менструации, до полнолуния, можно сказать, рукой подать. Миша говорит, чтобы я не волновалась: при беременности, оказывается, вырабатываются специальные гормоны, которые вызывают размягчение мозга. Похоже, что это правда. Иначе я бы ему не

поверила. Поверить в такую историю без размягчения мозга совершенно невозможно.

К тому же в двенадцать часов по ночам из компьютера встает недописанный курсовой проект и выпивает примерно четверть стакана моей крови. С удручающей регулярностью. Мне не жалко, конечно, но если у меня всего крови, ну, допустим, четыре литра, то в задаче спрашивается, сколько дней мне осталось, чтобы проект дописать и в живых остаться?

Я у Мишки спросила, можно ли жить с двумя литрами крови. Он сказал, что жить, наверное, можно, а думать — нет. Но мне и не надо думать, мне надо проект дописать. А за написание проекта какая-то другая функция организма отвечает. Не мышление, это точно.

Хочется взять ножнички и отрезать всё, что находится за пределами моей квартиры. Я бы так и сделала, но меня смущают два обстоятельства. Во-первых, у меня на шее муж и кошка и они всё время хотят есть, а где брать еду, когда окружающий мир отрезан, я еще не придумала.

А во-вторых, ножницы у меня почти такие же тупые, как я сама. А кромсать окружающий мир тупыми ножницами без всякой надежды на результат — и без меня любителей хватает.

Черт знает что такое.

* * *

Я сегодня проснулась с телефонной трубкой в руках. В трубке короткие гудки — она звонила кому-то? Кому? Почему не помню?

Ну да, можно, конечно, купить цифровой телефон с определителем номера, но это же смешно.

Если она не хочет, чтобы я узнала номер, то я его не узнаю, можно хоть триста определителей номера купить.

Вообще-то я думаю, что никому она не звонила. Просто сняла трубку, дождалась коротких гудков и спать пошла.

Чтобы я потом думала о ней полдня, ничем другим

заниматься не могла.

Ну, у нее получилось...

* * *

Средства массовой информации необыкновенно мудры в последнее время. А рекламные плакаты вообще смахивают на седого учителя, который степенно ходит по подиуму и палкой вколачивает просветление в наши головы. Не спи, кричат плакаты! Олени убегут! Помни, кричат плакаты, сегодня первый день оставшейся жизни!

Я помню, помню, перестаньте кричать, а лучше отвернитесь к стене и немножко помолчите. Я всё помню, я никогда не сплю, «идешь — пошли, нет — так побежали, чего стоять?».

Когда-то давным-давно, когда я учился водить машину мой гениальный учитель сказал: «Если ты, глядя в зеркало заднего вида, задаёшь себе вопрос: «Успею или не успею?» — то не начинай двигаться. Успевать вредно».

Это, конечно, два совершенно разных способа жить: либо каждый день живешь как последний, либо вечность течет по твоим венам, обогащается кислородом в твоих легких, пульсирует в артериях и рассыпается на секунды в капиллярах.

«Делай, а то не успеешь» кажется мне очень убогой причиной для действия, вот что я хочу сказать.

Это более или менее ответ на твой вопрос: «Как изменится твоя жизнь, если ты узнаешь, что через три дня умрешь?»

Никак не изменится, потому что я в любом случае умру через три дня. Вернее, не так. В любом случае передо мной вечность. Неизвестно, сколько времени она продлится, три дня или тридцать лет, но это мало что меняет в самой структуре вечности.

Я заполняю вечность ударами своего сердца, и какое мне дело, что будет после того, как сердце остановится?

Моя вечность умрет вместе со мной.

* * *

А мне опять начали сны сниться. Очень долго не снились, несколько месяцев. Вот как я ее в подвал посадила, так и перестали сниться.

Вот вчера, например, приснилось, что я заперта в большой белой комнате и на меня смотрит камера. Куда я ни пойду — она вслед за мной поворачивается. Следит. И жужжит так противно. Причем я понимаю, что жужжит она только для того, чтобы я про нее не забывала, а так она могла бы бесшумно работать.

Ну вот, а я по комнате хожу и ищу, куда бы мне от нее спрятаться. Даже не так важно, чтобы она меня не видела. Мне лишь бы самой ее не замечать. А если она меня перестанет видеть, то и жужжать она тоже перестанет, это мне во сне очень понятно было.

А спрятаться некуда — в комнате ничего нет, только белые стены и на стенах костюмы карнавальные. Я их примеряю, и они все прекрасно на мне сидят, и ясно становится, что это мои костюмы, их специально для меня шили, на заказ. Камера всё смотрит, и я знаю, что пока она смотрит, я из комнаты выйти не могу. А мне надо выйти, потому что воздуха осталось мало, скоро уже совсем закончится. И тут я вижу свое отражение в зеркале, мы с отражением перемигиваемся, оно мне кивает на один из костюмов, я его поднимаю, а под ним оказывается черное домино, маска и плащ. Я надеваю это всё, подхожу к зеркалу, а отражение осталось в старом платье. Ну не то чтобы в белом, но в очень светлом. И на него нашиты маленькие кусочки зеркала, как сейчас модно. Я в эти малюсенькие зеркала всматриваюсь, и тут отражение делает шаг и оказывается рядом со мной в комнате.

И камера начинает за ней следить почему-то. Я оглядываюсь, вижу дверь и выхожу. Но стоит мне переступить порог, как я опять оказываюсь в комнате. Стою и смотрю, как фигура в черном машет мне рукой и закрывает за собой дверь. И замок щёлкает.

Подхожу к зеркалу, а там пусто. Только камера отражается. Я присматриваюсь, а это не камера на самом деле, а большой

глаз. Смотрит на меня и моргает. И ресницы такие длиннющие...

Ну и тут воздух заканчивается, я понимаю, что сейчас буду долго и мучительно умирать, и просыпаюсь.

Ты думаешь, хорошо?

А какая разница? Ну, буду умирать чуть дольше.

Знаешь, я могу сразу к трем психоаналитикам сходить. И что они мне скажут? Что у меня внутри в голове глаз как символ моего суперэго? Он за мной следит, а я хочу от него спрятаться, но не могу, поэтому мне придется сбежать из собственной головы. Ну так я тебе это и без психоаналитиков могу рассказать. Ни черта они не понимают, твои психоаналитики.

Вообще, если так подумать, получается, что «Я» — это такой шифоньер с набором костюмов. Если надеть костюм, которого в этом шифоньере нет, то внутренний глаз тебя перестает идентифицировать как «Я». И начинается аллергическая реакция отторжения. У меня на работе такое часто случается. Только вместо черного домино цитоплазматические мембраны. А так, в целом, всё то же самое.

* * *

...А у нас сегодня Зяму забрали. Тётушка решила, что родственники загостились — ну, правда, я не помню, когда они приехали, но месяца три прошло, не меньше. Так что тётушка с прискорбием сообщила, что Мария на почве беременности стала нервная и капризная и собаку держать отказывается. Родственники немедленно все свои слова про аллергию взяли обратно, но тут уже тётушка разозлилась по-настоящему... Я предпочла сбежать, а то мне в моем положении таскать трупы противопоказано. А что трупы будут, так, зная тётушку, я совершенно не сомневалась. Ну, ты меня понимаешь.

В общем, Зяму увели. Кошка полдня не могла поверить в свое счастье. А к вечеру загрустила. Подошла к столу, под которым Зямин матрасик лежал, обнюхала всё и улеглась рядышком. До сих пор лежит вся в тоске и печали.

Я думаю, может, щенка взять. А Мишка говорит, чтоб я сначала родила, а потом уже разговаривала.

Надо на него в суд подать. За то, что он ущемляет мою гражданскую свободу и вообще издевается. Можно было бы у него квартиру отсудить. Правда, квартира моя, но это детали. Я могу ему сначала квартиру подарить, а потом уже назад отсудить. Главное — это не поступаться принципами, ведь правда?

Ладно, пойду попробую с кошкой погулять на поводке. Чем черт не шутит, авось да и получится...

* * *

Здравствуй, Кузенька.

У нас черт знает что происходит. Я уже просто боюсь утром глаза открывать. Ленка в больнице, Машка пытается время от времени ее навестить, но совершенно безуспешно. По этому поводу Машка бесится и кидается на меня. Потому что, как она сама объясняет в редкие минуты просветления, не может ведь она кидаться на чужих людей, они ведь могут ее неправильно понять. Это называется «тормозите лучше в папу, папа мягкий, он простит». Мысль о том, что я тоже могу ее неправильно понять, Маху не посещает. А если и посещает, то Маха от нее отмахивается.

Иногда я начинаю возмущаться, и тогда любимая жена всхлипывает и уходит в ванную комнату. Там она включает воду и читает Аверченко, а я делаю вид, что верю, будто бы она рыдает, а воду включила для того, чтобы рыдания приглушить. И мы, заметь, на свободе, а Лена — в Кашенко. Где логика?

Ты вообще знаешь, чем эта душераздирающая история закончилась?

У Ленки после выкидыша случился психотический срыв, уж

не знаю, как он там проявлялся, да мне, честно говоря, не очень интересно. Потом она вены резала, но как-то неубедительно. Врачи решили, что симулировала попытку суицида. Не знаю, может, и симулировала. Мне как-то сложно поверить и в попытку суицида, и в попытку симуляции...

Но ты же знаешь, я склонен идеализировать людей. И это выгодно отличает меня от всех остальных психологов-теоретиков. Правда, делает меня невыгодно похожим на рэйки-практиков.

В общем, Лену увезли в Кащенко. И виноват в этом я. Только не начинай мне рассказывать про свободу выбора и личную ответственность, я примерно раз в неделю лекцию про них читаю, а мне за это деньги платят.

Я до последнего момента надеялся, что это такая игра. Всякие там терапевтические метафоры, визуализации переживания и тому подобная чепуха. Даже когда мы с Леной выпили водки и она начала разговаривать со мной двумя совершенно разными голосами, я продолжал думать, что мне мерещится, не иначе.

Представляешь, да? Сидит девушка и произносит два противоположных по смыслу текста. Разными голосами. Один обычный, а второй — гораздо ниже и хриловатый, как будто прокуренный немножко. Я сперва решил, что она сама с собой разговаривает, а потом прислушался — нет, со мной.

Но ты понимаешь, я же сам был не совсем трезвый, мягко говоря. То есть абсолютно не совсем трезвый. На завтра вспомнил — да ладно, думаю, фигня. Обычные женские истерики. Одна змей боится, вторая на два голоса разговаривает. Обычное дело.

* * *

— Ты хочешь к нам поехать? Или тут посидим?

— Не знаю, Мишенька, мне все равно. Давай тут, а потом отвезешь меня домой. И я тебя хотела попросить — ты не мог бы со мной переночевать сегодня? Если Машка не против, конечно. А то мне как-то жутко в этой квартире одной

оставаться. Я понимаю, что все равно придется, но пусть лучше завтра.

— Конечно переночую. А Машка ну, в крайнем случае пусть сама к нам приезжает. Но я не думаю. Мне кажется, что если ты ее попросишь, она тебе меня навсегда подарит, не то что на ночь. Не думаю, чтобы она могла тебе хоть в чем-то отказать. Что ты пить будешь? Кофе?

— Нет, чай. С лимоном и мятой, если это не затруднит прекрасного юношу за стойкой. У него такой томный вид, ты не находишь? Чего ты так смотришь? Хочешь сказать, что я еще пары сапог не износила, а уже люблюсь прекрасными юношами?

— Любишься на здоровье. Просто у тебя такой вид, как будто ты раздумываешь, то ли сознание потерять, то ли подождать еще пару минут.

— Думаешь, это так легко — потерять сознание? Нет уж, дудки. Надел, так носи. Как неразменный пятак.

Я иногда представляю сознание как консервную банку, привязанную к моему хвосту. Стоит пошевелиться — и банка начинает гроыхать, я в панике кидаюсь наутёк, банка шумит всё громче, я бегу всё быстрее, пока силы мои не заканчиваются и я падаю на землю. Банка брякает еще несколько раз и затихает. Вот тут-то и можно немного отдохнуть. Погулять босиком по траве, побегать за бабочками, поиграть в камешки... Но главное при этом — не шевелиться. А не то опять начнется ужасающий грохот, и мне придется нестись со всех ног не разбирая дороги.

Нет, ну кроме шуток, мне бы хотелось отключать сознание по собственному желанию. Пожить на одних только условных рефлексах.

— На одних только условных рефлексах далеко не уедешь. Тебе кажется, что можно отключить сознание и сразу стать счастливой. А счастье ведь — тоже продукт сознания.

— Знаешь, мои планы не идут так далеко. Бог с ним, со счастьем. На сегодняшний день меня бы вполне устроило перестать быть несчастной.

— Ну так и переставай. Общественность тебя не простит, конечно, но ты ведь не обязана ставить ее в известность.

Возвращайся в свой Марсель или лучше поезжай в Италию, как собиралась. Там тебя никто не знает.

А ты уверена, что, перестав лить слёзы, не почувствуешь себя виноватой? Все-таки любимый муж умер...

— Мишенька, я не знаю. Правда не знаю. Пока что у меня такое чувство, что, как только я выныриваю на поверхность, ну хоть немножко, меня сразу пытаются обратно запихнуть.

— Никто тебя никуда не запихивает. Хотя бы потому, что никому нет до твоих эмоций никакого дела. Жалеют тебя — да, это есть. Потому что каждый должен заниматься своим делом: ты — страдать, а мы — тебя жалеть. А пока ты нам не мешаешь тебя жалеть, что ты там себе чувствуешь — твое личное дело.

— Ты хочешь сказать, что если бы я сейчас действительно искренне веселилась и радовалась жизни, то тебя бы это покорило?

— Думаю, да. Но обещаю тебе с этим справиться, если вдруг у тебя действительно получится развеселиться.

* * *

Она говорит: ну расскажите мне, расскажите, какой мне быть, чтобы вам понравиться? Какой высоты должны быть мои каблуки и какой длины юбка? Сколько должно стоить мое белье, когда я прихожу к вам на свидание, чтобы вы похвалили меня, раздевая?

Она говорит: как часто мне нужно делать маникюр, пилинг и подтяжку лица, чтобы это было если не прилично, то хотя бы приемлемо?

Она говорит: сколько времени мне оплакивать смерть мужа и сколько секунд смеяться над анекдотом?

Она говорит: расскажите мне. Я буду ходить за вами с открытым ртом и записывать каждое слово. И как знать, может, мне это пригодится?

Она говорит: хотя, если честно, не хотелось бы.

* * *

Ну что тебе сказать, съездила я сегодня к Лене. Теперь могу с чистой совестью рассказывать: когда я в последний раз была в Кащенко...

Что они говорят? Они много чего говорят. Во-первых, говорят, диссоциативное расстройство. Раздвоение личности, по-нашему. Во-вторых, говорят, что ни фиги не диссоциативное расстройство, а какая-то там истерия. Вроде как она сама всё выдумала, чтобы уходить от ответственности. Я у врача спрашиваю: а диссоциативное расстройство разве не выдумка? Ну ведь всё, что в голове происходит, это же более или менее выдумка...

А врач мне рассказал, что выдумка — это то, за что мозгу стыдно. Они вообще такие молодцы, эти психиатры. У них кроме галаперидола и инсулиновой комы есть еще пентонал натрия. Ты в курсе, да? А я только сегодня узнала. Вот они считают, что если сделать Леночке укол пентонала натрия — это такая сыворотка правды, как я поняла, какие-то барбитураты натрия или лития, что-то такое, — и она начнет всю правду рассказывать, то не окажется у нее никакого диссоциативного расстройства.

А если у человека раздвоение личности, так он и на детекторе лжи показывает раздвоение личности.

Не знаю, у меня такое впечатление, что врачи к раздвоению личности относятся как к Господу Богу: вроде как существует, а никто не видел. Говорят, только в Голливуде иногда встречается.

Мне вообще много интересного рассказали. Про ненормальных.

Вот, например, параноик считает окружающий мир опасным, угрожающим его бытию. Потому что у него в детстве как-то неправильно сформировались психологические защиты.

А у меня защиты сформировались правильно: я считаю мир дружелюбным и безопасным, Верховные Существа, обитающие в нем, приветливы и безобидны, а люди просто солнышки ходячие.

Ну вот, а теперь давайте включим новости и вместе с почтенной комиссией из трех профессоров решим, кто из нас более адекватен...

Для шизофреника реальность — злобный преследователь, угрожающий уничтожением. И он прав.

Мы, нормальные и здоровые, держимся за руки и громко распеваем веселые песенки, в то время как в двух шагах от нас рушатся дома и судьбы, а реальность, которую мы считаем милой и доброй, то и дело выдергивает из нашего круга новую жертву. И мы на секунду замолкаем, но хруст костей на милых и добрых зубах настолько невыносим, что лучше уж зажмуриться, на ощупь дотянуться до другой руки и запеть громче прежнего. Чужая рука не заменит ту единственную и неповторимую, которой больше нет, но она лучше, чем пустота. Во всяком случае, на первый взгляд. А второго не будет, не до того, времени нет, а то ведь, не дай бог, отстанешь от мелодии, не попадешь в ритм... А там, того и гляди, совсем остановишься, раскроешь глаза и выпадешь из круга на землю, дико визжа и зажимая уши ладошками. И тогда твои соседи поглядят на свои опустевшие руки, потом переведут на тебя недоумевающий взгляд и вызовут санитаров.

* * *

А мне ее совершенно не жаль. Чего вы на меня так смотрите? Ну да, конечно, я черствая и бездуховная, а вы теперь удивляетесь, как я к вам в семью затесалась? Для равновесия, дорогие мои, для равновесия. Других причин я и сама не вижу. Чтобы мир не рухнул от этого вашего фамильного благородства. Я бы на месте мира давно уже рухнула, а если он этого не делает, так исключительно благодаря мне.

Нет, я не шучу, и с ума я тоже не сошла. А это единственная причина, чтобы не шутить? С ума сойти? Тогда я Лену очень хорошо понимаю. У меня ваши шутки знаете где сидят?

Конечно, я смеюсь, а куда деваться? Вы же и мертвого рассмешите. Вот мне интересно, Юлька, ты на кладбище тоже

шутила? И Олег что, не ожил? Меня всегда поражала его сила воли, честное слово

Я прекрати?! Во-первых, если бы я могла прекратить, я бы и не начинала. А во-вторых, почему это вам можно, а мне нельзя?

Я в детстве когда-то ходила на курсы английского. И нам дали фразу переводить — до сих пор забыть не могу. «К тому времени как мы зашли в комнату, они уже три часа шутили». Я ржала так, что меня выгнали из класса. А теперь у меня такие суровые будни: когда ни приду домой, там уже минимум три часа как шутят.

Вот ты прыгаешь вокруг Леночки, а она мне, между прочим, рассказала, что убила Олега.

Конечно бред. Я знаю, что бред. Более того, я на всякий случай поговорила с врачами, и они подтвердили, что это бред. Лена в этот день лежала на кровати, очень крепко привязанная. Так что выйти на полчаса прогуляться она ну никак не могла.

Но меня вот что беспокоит: у нее раньше никакого бреда не было...

Ладно, Юлька, прости. Я сначала не хотела тебе говорить, а потом подумала, что надо сказать. Ну а тут вы со своими шутками идиотскими...

Не шикай на меня, конечно идиотскими.

Всё, я за хлебом ушла. А вы тут не смейте без меня шутить. А то без обеда оставлю. Если хоть кусочек шутки найду — не говорите потом, что я вас не предупреждала.

Господи, ну до чего же я легкомысленная! Как мне в голову взбрело от тебя рожать ребенка? Втроем вы ж меня совсем со свету сживёте... Не буду рожать, ну его на фиг, такой риск колоссальный. Позвони маме, скажи — я передумала. Я лучше когда-нибудь потом рожу. От кого-нибудь серьезного.

Да, умру от скуки, ну и что? Зато ребенок останется в надежных руках

Можешь мне ничего не отвечать, я все равно тебя уже не слышу. Эта шапка — просто счастье, без нее я бы в этой семье и дня не продержалась. А так — замечательно. Привяжу себя к мачте, натяну на уши шапку, и шутите, сколько вашим нежным и трепетным душам угодно.

Не запирайте, я вернусь через десять минут.

* * *

Мишенька, ты не мог бы в субботу Нельку встретить в Шереметьево? Она из Эдинбурга возвращается.

Вообще как-то слишком часто это название мелькает. Эдинбург. Последние месяцы только и слышно отовсюду: Эдинбург-Эдинбург-Эдинбург... Я раньше и не знала, что есть такой город на белом свете. Олег тоже в Эдинбург летал. Причем ничего мне об этом не сказал. Всегда про все поездки рассказывал, а про эту — как воды в рот натолкали.

Очень легко узнала. По IP-адресу.

Любовница? Не смей меня, если бы он от меня прятал своих любовниц, я бы ни в какой Марсель не уехала.

Вот, кстати о Марселе. Мне туда надо съездить дней на десять, так ты встретишь Нельку? Она, конечно, может и на такси доехать, но сейчас какое-то время тяжелое. Штормит сильно.

Ты ей скажи, что я до нее не дозвонилась: абонент, видите ли, временно недоступен.

Знаешь, я Олегу вчера по ошибке позвонила. Маму набирала и задумалась, что ли. Спыхватилась, когда на дисплее фамилия высветилась. Но крышку не закрыла, что-то меня остановило. Поднесла к уху, а там женский голос с такими, знаешь, блядскими модуляциями: «Абонент временно недоступен».

Ну и у меня аж запело всё внутри: временно, я так и знала, временно!

Потом, конечно, опомнилась, пришла в себя... И подумала, что надо бы в Марсель съездить. Тем более что там деньги кое-какие на счету собрались. Я же в трех местах работаю.

Не знаю, Мишка, ничего не знаю. Пока что взяла отпуск на месяц, а там видно будет. Думаю, что вернусь в Москву, но головой не поручусь.

Да, я думаю, дней за десять управлюсь.

* * *

Мы с Ленкой целый день просидели. Юлька щебетала, как всегда. Иногда только замолкала, прислушивалась к чему-то или оглядывалась быстро. И мне самому через час уже начала мерещиться какая-то тень у нее за плечом и шорох какой-то. Я, конечно, своими наблюдениями делиться с ней не стал, только валерьянку заставил выпить. И сам, если честно, приложился. Не помешает.

Рассказал им анекдот про то, как приходит мужик к психотерапевту и говорит: доктор, я каждое утро просыпаюсь рядом со своей женой и не знаю, что ей сказать. То ли «я люблю тебя», то ли «я тебя ненавижу». А доктор ему отвечает: а вы не пробовали сказать ей «доброе утро»?

Тут как раз и психиатр Леночкин подтянулся, Юлька с ним знакома, оказывается. Хотя ничего удивительного, я еще ни разу не выходил с ней на улицу, чтоб она знакомого не встретила. Интересно, Марсель она успела приручить за полгода? Интересно было бы приехать к ней туда.

Мы часа три болтали, а потом Ленка вдруг посреди какой-то фразы громко сказала: мне страшно. И Юльку за руку взяла.

Мне психиатр сразу начал бровями делать тайные знаки, намекая на то, что я debil и сам не догадаюсь уйти. Вышли мы с ним на улицу, вроде как покурить, поговорили немного.

Вернулся я часа через два, купил им мороженое по дороге, а на лестнице уже вспомнил, что они же не едят мороженое, ни одна, ни вторая. Чего это мне вдруг такая идея в голову пришла? Хотелось побаловать их чем-нибудь...

И вот я стою с этим мороженым в дверном проеме, смотрю на них, а лица у обеих такие, что понятно — уже и поплакали, и успокоились, и слышу, как Ленка говорит: у меня совсем уже сил не осталось. Я сначала думала ей доказать, что я главная, что ей все равно придется меня слушать, а сейчас думаю, ну и бог с ней, пусть командует, если ей так важно.

А у меня как раз мороженое потекло, и я отвернулся, чтобы выбросить его куда-нибудь или пакет найти. И тут Юлька у меня за спиной говорит тихонько: послушай, а ты не пробовала сказать ей «доброе утро»?

Я даже оглядываться не стал, вышел в коридор, сел на пол и съел обе порции.

Мороженое как мороженое, вкусное.

Ума не приложу, почему эти глупые девчонки его не любят.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Суньцзы сказал:

«Стратегия ведения войны такова: не приближайся к высоким горам; не сталкивайся с теми, позади которых холмы. Не преследуй мнимо отступающих. Не нападай на воодушевлённые войска. Не препятствуй армии, идущей домой. Если окружаешь армию, должен оставаться выход. Не дави на изнурённого врага.

Такова стратегия ведения войны».

* * *

«Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек». Юль, а Юль, это еще Пушкин или уже Есенин?

«Ну а чего же ты хотел», — отвечает Юлька, вроде бы невпопад, если не вдумываться. Но я не буду вдумываться, во всяком случае, не сейчас. Сейчас мне не до того. «Если для тебя жизнь — война, то каждый твой шаг будет либо победой, либо поражением. Либо и тем и другим одновременно. Так что я очень уважаю рвение, с которым ты носишься за собственным хвостом, но на войне как на войне. Ты можешь, конечно, победить, но присмотришь повнимательнее воон к тому дереву. Кишки, которые на нем болтаются, — твои».

Солнце, говорю я, солнце, не горячись. С чего ты взяла, что я воюю сам с собой?

Она смеется: а ты оглянись. Нет ведь никого вокруг. Какой Черный человек? Нет никакого Черного человека.

Я послушно оглядываюсь, заглядываю под стол, в шкаф, под диван. Действительно, никого. Поворачиваю голову и почти

всерьез удивляюсь, увидев Юльку: ой, кто тут?

Она смеется.

— Это я, — говорит, — это я, твой хвост. — Не уходи сегодня, — просит, глядя с безразличным видом куда-то в стену. — Остайся дома.

— Не могу, у меня встреча. — Я иду в ванную и начинаю бриться.

Юля идет за мной, садится на край ванны и наблюдает. Потом берет обмылок и пишет на зеркале: «Суньцзы сказал: есть дороги, по которым не ходят». И возвращается в комнату.

Когда я выхожу, она сидит за компьютером и в мою сторону не желает даже смотреть.

Зачем мужчина бреется вечером, уходя из дома?

Спросите меня, я вам расскажу. Чтобы жена не заинтересовалась, что это за встреча такая посреди ночи. Пусть обижается, пусть ревнует, но спрашивать она не станет. Фамильная гордость — это вам не фунт изюма.

На обратном пути захожу в паб, залпом выпиваю двойной виски и возвращаюсь домой.

Дома пусто. Ни Юльки, ни компьютера.

«Зря пил», — с раздражением думаю я. На нашей кровати лежат две книги. «Искусство войны» и «Камасутра». И клочок бумаги, на котором стилизованным детским почерком выведено: «Найдите 10 отличий...»

* * *

Суньцзы сказал:

«Война — это путь обмана. Поэтому, даже если ты способен, показывай противнику свою неспособность. Когда должен ввести в бой свои силы, притворись бездеятельным. Когда цель близко, показывай, будто она далеко; когда же она действительно далеко, создавай впечатление, что она близко».

* * *

«Подумайте над моим предложением, — говорит Черный человек. — Как следует подумайте».

Мне не о чем думать, я давно уже всё решил. Но ему об этом знать не обязательно, поэтому я изображаю неуверенного человека, который пытается свою неуверенность скрыть.

«В идеале мне нужно, чтобы Максимова через полгода начала работать в моей фирме. В крайнем случае я хочу получить все ее материалы и гарантию, что она сама в течение года не сможет работать», — говорит Черный человек.

Я морщу лоб и киваю. Мой визави смотрит на меня пристально, мне даже начинает казаться, что я переоценил свои актерские способности. Но нет, через минуту он расслабляется.

«Назовите любую сумму, — он понижает голос. Не то чтобы нас могли услышать, просто для интимности. — Любую. Я ее удвою».

Видимо, на долю секунды я перестаю контролировать свое лицо, потому что он поспешно добавляет: «Естественно, в разумных пределах».

Я закуриваю сигарету. Руки дрожат, и прикурить получается только со второго раза.

«Триста сорок восемь тысяч сто девяносто три фунта», — говорю я. Он молчит, и я повторяю: «Я хочу триста сорок восемь тысяч сто девяносто три фунта».

Он должен спросить почему. Или я ошибаюсь, и у него нет слабых мест? Нет, не может быть. Если бы у него не было слабых мест, он бы обошелся без воровства. Победителю не нужны любые средства, достаточно того, что он победитель.

«Почему? — спрашивает он. — Почему не триста пятьдесят?»

«Вы собирались удвоить сумму. Очень, знаете ли, хочется усложнить вам жизнь».

Он все правильно понимает. Я обнаглел от жадности и страха и злюсь от ненависти к себе.

Черный человек улыбается — дружелюбно, конечно дружелюбно, а снисходительность мне просто мерещится из-

за плохого освещения, — и протягивает мне руку: «Триста сорок восемь тысяч сто девяносто три фунта будут завтра переведены на ваш счет. А вторые триста сорок восемь тысяч сто девяносто три фунта вы получите через полгода. Если всё будет в порядке, разумеется».

Вот ведь зараза — не стал возиться с калькулятором, выкрутился. Я чуть было не забываюсь, но в последний момент ослабляю пожатие до незаметного.

* * *

...Я тебя очень прошу, не говори мне про любовь. Я слышать про твою любовь не могу. Пойми уже наконец, когда ты говоришь: «Я тебя люблю», так ты в эти слова один смысл вкладываешь, а я совсем другой смысл из них извлекаю. Как будто ты кладешь в шляпу апельсин, а я из нее достаю кролика. А ты меня потом спрашиваешь: ну как, вкусно? И я сразу в ужасе: мне что, его убить нужно? И съесть? А я его, наоборот, морковкой кормлю, и у него нос шевелится, и уши розовые просвечивают на солнце. А ты, ну так, между прочим, предлагаешь: давай я тебе его почищу. Я это себе представляю, и мне сразу дурно делается. Тошнит, голова кружится... Ну ладно, говорю, почисти. И уйду из дома чтобы этого не видеть. Возвращаюсь через час, а ты сидишь в кресле, весь пол в апельсиновых шкурках, а кролика нет нигде. Ты мне вкладываешь в рот дольку апельсина, и меня немедленно рвёт от вкуса свежей крови.

Я думаю: убийца.

Ты думаешь: истеричка...

* * *

Я не ожидал, что Юлька решит уехать. Мне бы радоваться, как я замечательно всё рассчитал, да только отчего-то не радостно. Не пойму, в чем дело. Видеть мне ее сейчас совершенно не хочется. Потому что невозможно врать

двадцать четыре часа в сутки, надо ведь когда-то и отдыхать. А мне вообще сложно ей врать. Хотя она и говорит непрерывно о том, как мы друг друга не понимаем, но вот лично у меня такое чувство, что только тогда не понимаем, когда есть для этого серьезная причина. А когда у моей любимой разыгрывается любопытство, так она почему-то сразу всё понимает.

А тут еще и Нель под боком. С дополнительной информацией. Они, конечно, будут переписываться, но Юлька сейчас обо мне разговаривать не хочет, а стоит им только остаться вдвоем, как они тут же превращаются в эпицентр всемирной деликатности. Даже завидно иногда бывает.

В общем, всё очень удачно складывается. Только вот тошно до невозможности.

К тому же, зная свою жену, мне просто представить страшно, что ждет славный город Марсель.

Я предложил ей встретиться через полгода на карнавале в Венеции.

«Конечно, — сказала Юля, — ты меня легко узнаешь. Я буду в черном плаще и черной полумаске».

* * *

...Дорогой друг!

Это письмо — вынужденная мера, ибо только Вы можете мне помочь! Мои дражайшие родители приготовили еды на двенадцать персон, а сами отбыли на дачу. Так что в доме наметилась совершенно революционная ситуация: есть еще не хочется, а в холодильник уже ничего не помещается. И пока я коротаю досуг в сладостных размышлениях о тщете всего сущего, энтропия делает свое черное дело, а это вдвойне обидно, когда речь идет о борще. Распаду бессмертной души, как Вы понимаете, я не придаю большого значения, но блинчики... Короче, ну я не знаю, сделайте что-нибудь, ибо... ибо... ибо не выбрасывать же.

Поскольку, как Вы соизволили мне сообщить, мое неизменное уважение не вызывает у Вас должного энтузиазма, я в некотором затруднении — чем бы таким неизменным Вас

порадовать, потому что — ах! — всё так бренно...

Р. С. Никаких шуток, всё очень серьезно. Заедь и забери, это еда, ее едят, она вкусная и полезная, она не кусается и почти не отравлена, потому что яд нынче вздорожал, а платят мало, так что сам понимаешь, да и не в коня корм.

О, вот: с неизменным недоумением.

Искренне Ваша, с неизменным недоумением...

* * *

Суньцзы сказал:

«Стратегия ведения войны такова: если сил в десять раз больше, чем у врага, окружи его; если в пять раз больше, атакуй его; если в два раза больше, раздели свои силы. Если силы равны, можешь с ним сразиться. Если сил меньше, перехитри его. Если тебя превосходят, избегай его. Поэтому упорствующий с малым станет пленником большого».

* * *

Я не хочу своими руками сажать Юльку в самолет. Мне кажется, это стратегически неверно. Хочет пожить во Франции — пусть поживет во Франции, я даже готов снять ей квартиру, если только получу хоть какой-нибудь знак, который смогу истолковать как согласие. Но мне совершенно не хочется, чтобы она уезжала от меня или из-за меня.

Поэтому я решил особенно не выпендриваться и пойти по столь любимой в нашей семье дорожке. Взлетная полоса называется. По-моему, самолетные компании всего мира должны взять меня на зарплату. Ну или хотя бы время от времени оплачивать поездку куда-нибудь на острова в Тихом океане. Или в Новую Зеландию. В Новой Зеландии водится тасманийский дьявол, который славится жестокостью во время брачных игр. Так что если привычка действительно вторая натура, то мы будем чувствовать себя как дома.

В общем, я лечу в Вену. Тем более что в Вене как раз начинается симпозиум, который можно было бы и пропустить, конечно, но можно ведь и не пропускать.

На прощанье Юлька сказала, что мы похожи на двух слабоумных, которые бродят вокруг пропасти с завязанными глазами, целятся друг в друга из игрушечных пистолетов и громко кричат: «Ба-бах!»

Я ее погладил по волосам и сказал, что на самом деле нет ни пропасти, ни повязок, мы их сами выдумали.

А про то, что пистолеты у нас на самом деле настоящие, я ей рассказывать не стал. Ни к чему это.

* * *

Я пробыл в Вене три дня. Вообще пора уже купить большую карту Европы, повесить ее в кабинете и разрисовать выразительными синими стрелками и красными флажками. Меня беспокоит только одно: я никак не могу понять, где же у меня тыл? За тремя армиями я еще могу уследить, но когда при этом тыл перемещается на пару тысяч километров и оказывается где-то за двумя морями... Хорошо, что боевой дух трех моих армий не нуждается в поддержке, а провиант мы воруем у врага, как завещал великий Суньцзы.

Нель, как всегда, сорвала аплодисменты. Я помню, как она поразила мое воображение еще на университетском семинаре: ее слушали все, включая преподавателей истории партии, студентов мехмата и уборщиц, случайно оказавшихся поблизости.

«А чего ты удивляешься? — поднимала бровь Юлька. — Всё правильно, так и должно быть. Не знаю, с какой стати вы все решили, что наука — дело серьезное и скучное. Имя Каллиопы, музы науки, переводится как «сладкоголосая». Кстати, она была еще и музой эпической поэзии. По совместительству. Уж ты-то должен знать, что наука — та же война. А где война, там героические песни.

Нелька поёт науку, и не смотри на нее такими глазами, а то я ревную».

«Не ревнуй, дорогая, это не любовь, — сказал я тогда. — Это зависть».

Это зависть, сказал я себе, перехватывая Нель в коридоре после лекции и объявляя большое обеденное перемирие. Это зависть, повторял я, разглядывая уставшее лицо и круги под глазами. Она смотрит по сторонам так, будто ищет угол, чтобы забиться в него и свернуться клубком, обхватив руками живот. И мне внезапно хочется обнять ее, спрятать от ветра, отогреть, подышать на пальцы, а потом спрятать их у себя под курткой...

Стоп.

Действительно, имеет смысл с ней переспать — вот тогда она точно не будет разговаривать обо мне с Юлькой.

Но ничего личного.

Кроме зависти, разумеется...

* * *

Суныцзы сказал:

«Если я спрошу: когда противник многочисленный, собранный и собирается наступать, как мы должны ответить на это? Я скажу: сперва захвати то, что он любит, и тогда он будет слушать тебя».

* * *

...Если до тебя, любовь моя, доносятся в последнее время странные и противные звуки, не удивляйся: это я цепляюсь алмазными коготками здравого смысла за стеклянную поверхность реальности. Реальность в царапинах, я в панике, спасение в слове, пальцы просятся к перу, ангел-хранитель за левым плечом взмахивает в недоумении оципанном крылом и грозит бросить меня к чертям, уже даже не извиняясь за

каламбур. Увы и ах, любовь моя, увy и ах...

* * *

Поездка в Эдинбург удалась на славу. Начать с того, что более мерзкую погоду можно, наверное, себе представить, но трудно. И непонятно зачем.

Черный человек выпил из меня половину моей замечательной голубой крови, намекая, что госпожа Максимова собирается подписать с ними контракт на пять лет. «Как вам это удалось, мой друг?»

Я и сам не знаю, как мне это удалось. А знать хотелось бы. Глупо как-то уподобляться той силе, которая вечно хочет одного, а получает совершенно другое. Заставляет, знаете ли, задуматься об интеллектуальных способностях этой самой силы. Я уже молчу о везении и предусмотрительности.

Все попытки связаться с Нель ничем не увенчались: госпожу Максимова как корова языком слизнула.

Отчаявшись, я отправился в Эдинбургский замок. Прелестная рыжая девушка провела меня по королевскому дворцу, в котором Мария Стюарт родила короля Якова Первого.

У меня уже в тот момент возникло подозрение, что вот еще немного, и я услышу совершенно лишнюю для себя информацию. Но было поздно: чистый девичий голос поведал мне шиллеровскую версию казни Марии, и я вернулся в гостиницу в необычайно приподнятом расположении духа, размышляя, чем бы мне заполнить досуг — из окна выброситься или повеситься на крюке от люстры.

Балкона в номере не оказалось, а при ближайшем рассмотрении выяснилось, что вместо люстры у них какие-то убудочные светильники, встроенные прямо в стену.

Здравый смысл угрюмо бубнил, что лучшим выходом на сегодня было бы выпить и заснуть, но я вместо этого позвонил жене и разговаривал с ней два часа. В основном, насколько я помню, мы проводили сравнительный анализ образов Орфея и Гамлета. По всему выходило, что оба хороши,

но я стоял за Гамлета грудью. Потому что куда это годится — всё бросить и ломануть в Аид за любимой? Конечно, очень романтично, но кто же будет при таком раскладе заниматься делами?

Юлька призадумалась, а потом сказала, что не видит большой разницы: в случае Гамлета заниматься делами в любом случае уже некому.

Подняла настроение, в общем.

* * *

...проснувшись, Гамлет обнаруживает себя всё за тем же столом. Перед ним всё то же блюдо, да и пирожные на блюде, пожалуй что, те же. Розенкранц и Гильденстерн стоят на почтительном расстоянии, не решаясь приблизиться, и провожают каждый кусок голодным взглядом. Принц подносит ко рту очередной эклер и облизывает пересохшие губы. «Это жизнь, друзья мои, — надменно улыбается он, — ее едят». И отводит в сторону глаза, чтобы не так тошнило. «Сладкое», — говорит Розенкранц Гильденстерну с тоской, тот шумно вздыхает и переступает с ноги на ногу. Гамлет резко отодвигает стул и встает. «Да пошло оно всё, — с отчаянием думает он, — не могу больше». И отходит к бассейну, в котором плавает Офелия. «Сладкая», — рассеянно думает принц, и рвотный спазм сжимает ему горло с такой силой, что у него темнеет в глазах. «Почему ты не ешь, сынок, — доносится до него еле слышный шепот королевы-матери, — разве тебе не сладко?» Гамлет прижимается лбом к холодной мраморной колонне и беззвучно шевелит губами: «Умереть, уснуть...» «Быть, — шелестит ледяными кольцами мертвый король-отец, свернувшийся в чреве безглазой белой змеей, — быть, был, буду, будешь... будешь еще...» — и вонзает ядовитые зубы в сведенную судорогой плоть. Яд разливается по телу, проступает пятнами на коже. Розенкранц едва успевает подбежать и подхватить принца. «Козёл», — цедит сквозь зубы Гильденстерн, сплёвывает и уходит играть с Клавдием в шахматы. Розенкранц заботливо усаживает Гамлета на

подушки и начинает вкладывать ему в рот маленькие кусочки пирожного. Гамлет отталкивает его руку и говорит внезапно окрепшим голосом: «Отойди, я сам».

* * *

Суныцзы сказал:

«С теми, кто рядом, ожидай далёкого; с отдохнувшими ожидай усталого; с сытыми ожидай голодного. В этом путь управления силой».

* * *

После длительных размышлений высокая комиссия в моем лице решила, что нам срочно надо провести ряд мер, направленных на поднятие боевого духа нашего драгоценного неприятеля. Поэтому я оделся в красное, взгромоздился на белого коня и украсил себя дорогими доспехами. Шоры в такой ситуации на коня не надевают — себе нужнее. А ну как попадётся по дороге зеркало, а ты, как дурак, весь в красном, и доспехи узки в шагу...

В общем, нагрянул я к Нель с проверкой. Сложнее всего оказалось предупредить ее об этом заранее. У меня слишком хорошие друзья — все как один поморщились, но промолчали. Пришлось звонить самому и изображать душевные метания.

Любая нормальная баба уже давно решила бы, что я влюблен. А эта не замечает. Как двадцать лет назад не заметила, так и сейчас не замечает.

Юлька спросила, что бы я делал, если бы в Нель влюбился. Я тогда отшутился, а сам задумался. Не знаю что. Войной бы на нее пошел.

В общем, примерно то, что я и делаю.

Проверка много чего обнаружила. Во-первых, мрачную Нельку, которая никак не могла понять, чего же ей больше хочется — спасибо мне сказать или с лестницы спустить. Во-вторых, мрачную Дину, которая очень хорошо знала, чего ей

хочется, но вслух говорить не стала. В-третьих, двух растрепанных мрачных пажей, которым очень хотелось в рыцари, но их не пустили. В-четвертых, очаровательную мрачную Леночку, которая вела себя до странного нагло, да так, что Нелька в какой-то момент позвала ее к окну, чтобы проверить, не увеличены ли зрачки. Во всяком случае, я так интерпретировал их загадочные передвижения по лаборатории.

Ничего себе, подумал я. Ничего себе дела.

И даже захотелось мне плюнуть на всё и поговорить с Нелькой по душам. Но поймал я ее взгляд и тут же передумал.

А боевой дух драгоценного неприятеля, как я и предполагал, при виде меня окреп необычайно.

Ночью мне приснилась Юлька. Она сидела на подоконнике, болтала ногами и повторяла одну и ту же фразу с разными интонациями: «О-ля-ля! Дело начинает принимать плохой оборот». Я подошел к ней, чтобы обнять, или поцеловать, или еще как-нибудь заставить замолчать, но она отшатнулась от меня и вывалилась в окно. Я выглянул, но внизу ее не оказалось, а вверх смотреть я почему-то побоялся. Самое ужасное, что она исчезла, а голос — нет. Так и продолжал повторять нараспев свое дурацкое «о-ля-ля».

Буквально через два дня мне позвонили из Эдинбурга и сказали голосом Хэмфри Богарта, что у них вышла незадача с госпожой Максимовой. Госпожа Максимова передумала. И просила больше ее не беспокоить.

Мне иногда хочется треснуть госпожу Максимова по башке. Ну кто так разговаривает с людьми? Сказала бы, что ей надо подумать, глядишь, мне было бы поспокойнее. Но нет, госпожа Максимова у нас образец кристальной честности и негибаемой воли. Для госпожи Максимовой практически все вокруг — ниже ее достоинства.

«Чего ты завелся? — удивляется Юлька в моем очередном сне. — Ты и сам не лучше...»

* * *

...Итак, у нас опять зима. Антракт.
Свет гаснет. Я два дня пила в буфете.
Что делать, брат, у нас одно и то же,
Хоть пьеса, хоть антракт:
«Мне скучно, бес. Я гибну, донна Анна!
Офелия, о нимфа, помяни
Меня стаканом водки с черным хлебом...»
Как скучно, бес! Слова одни и те же,
Сплошное déjà vu, тоска... Я лучше
Пристроюсь с краю сцены под софитом,
Пришью три колокольчика к костюму —
Пускай себе звенят...

* * *

Суныцзы сказал:

«Стратегия ведения войны такова: не полагайся на то, что враг не придет, полагайся на средства, которыми располагаешь, чтобы принять его. Не полагайся на то, что враг не нападет, полагайся на то, чтобы наши позиции были неуязвимы для нападения».

* * *

...Зашел вчера ко мне в гости Франсуа. Потребовал чаю. Немедленно. Я вообще стремительна, как ты знаешь, а в субботу вечером эта моя черта характера обостряется до невыносимости. Зато я ко всему подхожу очень обстоятельно. Для начала я провела коротенький опрос на предмет выяснения любимого чая. Потому что у меня три сорта, не считая зеленого и шиповника. Так это всё можно смешать в любой пропорции. А потом можно с сахаром, можно без сахара, а можно с мёдом. И сахар у меня есть обычный, а есть тростниковый.

Сама не знаю, как я дожила до такого позора — тростниковый сахар, тьфу, пакость какая!

В общем, на двадцатой минуте нашей светской беседы Франсуа явно собирался грязно выругаться, но его остановил мой ясный взор. Потому что больше вроде как не с чего ему было останавливаться. А мой ясный взор, как ты сам мне неоднократно пенял, — страшная сила. Им можно локомотивы на полном ходу тормозить. Жаль только, что за остановку локомотивов никто не хочет платить денег.

Ну вот, слово за слово, а чаю все нет. Франсуа выгодно отличается от всех моих знакомых выдержкой и хорошим воспитанием. Поэтому он меня не стукнул, а всего лишь сдержанно высказался в том смысле, что он уже понял: я начала новую прекрасную жизнь. Но, может, все-таки можно получить стакан чая? Из, скажем, пакетика.

Я еще раз посмотрела ясным взором — профилактически, просто у меня очень хорошо развита интуиция, я всегда чувствую, когда уже пора смотреть ясным взором, пока локомотив не разогнался до скорости, не совместимой со здравым смыслом, — и сообщила, что пакетиков у меня нет. Во всяком случае, с чаем. Так что придется ему определяться с рецептами, если, конечно, он не передумал пить чай. А то у меня есть сок манго. Четыре литра.

Франсуа что-то такое пробормотал, я не очень разобрала. Если взять за аксиому его ко мне искреннее расположение, то тогда выходит, что он увлекается садомазохизмом. Слово «выпороть», во всяком случае, вполне отчетливо звучало. В таком мечтательно-сослагательном наклонении.

Так я теперь думаю: может, мне собаку завести? Какую-нибудь огромную и злобную? Возьму ее с собой в Венецию. Сама оденусь Эвридикой, а собачку наряжу Цербером. А то смотрю я в зеркало и понимаю, что Офелия из меня никакая. То есть броситься в воду от несчастной любви я еще пока могу, но вот утонуть — вряд ли.

Да и какая разница, по большому счету, кто именно будет поминать тебя в своих святых молитвах?

Вообще, в этой истории про Эвридику много странного. Такое впечатление, что Орфею внезапно понравилась

Персефона и он передумал жену забирать...

Хотя, конечно, Орфея немного оправдывает дурная наследственность...

* * *

Встретил сегодня Нельку в университете, повёл обедать. Такое впечатление, что она ест раз в месяц, когда я ее куда-нибудь приглашаю. Во всяком случае, еду она рассматривает очень подозрительно, вроде как и не помнит, что это такое прицепилось к вилке. И главное — зачем. Жуёт с отвращением, глотает с опаской. Зато достигла абсолютной прозрачности и невесомости.

Хочется накормить ее манной кашей с изюмом, но я пока что не нашел ни одного ресторана, где подают манную кашу.

«Юлька на меня кричит, — сказала Нель, закуривая третью сигарету за полчаса. — Говорит, что я пишу мало, зато редко. А звонить — так и совсем не звоню. Я пытаюсь оправдаться: мое институтское начальство еще пять лет назад диагностировало у меня социопатию в тяжелой форме. Раньше это хотя бы к друзьям не относилось, а сейчас вообще никого ни видеть не могу, ни слышать. На работе еще ничего, а как домой вернусь, так сразу телефон отключаю и дверь баррикадирую».

Я смеюсь: ну хорошо, в случае чего захвачу с собой веревочную лестницу.

Она замолкает, смотрит на меня какое-то время, потом растягивает губы в слабом подобии улыбки и вежливо говорит:

— Спасибо за прекрасный ужин. К сожалению, мне пора.

— Дверь баррикадировать? — уточняю я, чувствуя, как от злости у меня начинает темнеть в глазах.

Но она уже идет к выходу и не слышит. А если даже слышит, то мне об этом все равно никогда не узнать. Даже деньги успела оставить на столе. Я некоторое время борюсь с сильным желанием догнать ее и убить на месте, но в итоге удовлетворяюсь тем, что рву сотенные бумажки на мелкие кусочки. На душе становится немножко легче.

Вечером того же дня получаю от нее SMS: «Оставь меня в покое».

Набираю в ответ: «Я тебя тоже очень люблю» — и отключаю телефон.

Интересно, что скажет Юлька, если я куплю собаку?

Не забыть завтра спросить.

А сейчас — спать.

* * *

...А что у вас, мой генерал? Мне сон приснился:

Горел в камине ваш картонный меч,

А вы в том пламени ковали новый,

Из серебра. Я вам сказать хотела,

Что, мол, эстетству место на балу,

Но встретила ваш взгляд — и промолчала.

И руны начертила на клинке.

И тут будильник. Вот уже полдня

Одной звезды я повторяю имя...

Тьфу, что за черт, не то! Так вот, полдня

Меня терзает смутное сомнение:

А может быть, мы умерли давно?

Наш дом — провинциальная Валгалла.

Вино, рассказы о былых победах,

А Мельпомена вместе с Терпсихорой —

Валькирии по найму, на полставки.

Эк занесло, уж лучше бы скучала.

Нет, надо меньше пить и больше спать!..

* * *

Суныцзы сказал:

«Тому, кто первым приходит на поле сражения и ожидает врага, будет легко; тот, кто приходит после и должен спешить в бой, будет утомлён. Поэтому тот, кто преуспел в войне,

подчиняет других и не дает подчинить себя».

* * *

Я никак не могу понять одного. Как Юлька, с ее невероятной чуткостью, увлекается какими-то невнятными западными эзотерическими учениями, совершенно игнорируя восточные? Мы заговорили об этом по телефону, и Юлька, внезапно разозлившись, сообщила, что только тупой идиот (о ком это она?) не понимает, что в каждой башке, включая даже самую безмозглую (опять не понимаю), заключена своя, уникальная модель вселенной. И какая разница, какие слова выбрать для ее описания. Нельзя найти правильную версию мироздания — потому что ее не существует. Но можно найти версию, которая максимально отвечает твоим собственным представлениям.

При всём моём скептическом отношении к прикладному солипсизму что-то разумное в этом есть. И я даже признался в этом, но Юлька уже разошлась не на шутку. А чтобы смягчить ее каменное сердце, недостаточно признать неправоту по одному пункту. Тут уже может помочь только полная и безоговорочная капитуляция.

Так что моя драгоценная супруга засучила рукава и взялась за Суньцзы.

«Я вас умоляю, — сказала Юля, — это ж кому пришло в голову изучать военное искусство по китайской книге? Да ведь Китай только ленивый не завоевал. А знаешь почему? Потому что у них философия экстенсивной войны. Мол, вы нас можете, конечно, победить, но вас ведь все равно меньше... Так что посмотрим лет через пятьсот, чья возьмет. И этот твой Суньцзы, он, конечно, страшно мудрый, и если ты ведешь метафорическую войну с каким-нибудь, ну, скажем, соседом по лестничной площадке, то «Искусство войны» — совершенно незаменимая книга. Но если ты действительно на войне, то избави тебя бог следовать страшно мудрым советам. Разве что ты готов пятьсот лет бурно размножаться в неволе, а потом посмотреть, чья возьмет. Но ты ведь, как я понимаю, в неволе

не размножаешься?»

Примерно через полчаса я начал разбирать почту, время от времени нежно говоря в трубку: «Да, дорогая. Конечно, дорогая. Ты совершенно права, дорогая».

Но я, видимо, переборщил, потому что Юлька подозрительно спросила: а почему это я не возражаю? мне что, нечего сказать? Настоящему мужчине всегда есть что сказать!

Закончился наш разговор совсем плачевно: Юлька сказала, что мы тут все можем хоть насмерть друг друга поубивать, ей лично все равно. А раз мы не желаем с ней разговаривать, так у нее тоже срочные дела.

Я сообщил ей, что она истеричка, а она, в подтверждение моих слов, бросила трубку.

В общем, поговорили.

* * *

...Ну всё, кажется, я дошутилась, сегодня всю ночь снилось, что меня загоняют в гетто, а я упорно сбегая. Но меня ловят (с собаками, а как же) и собираются расстрелять, но тут в меня влюбляется какой-то офицер вермахта и вывозит за границу, потом становится на колени, плачет и говорит, что раз я еврейка, он меня любить не может, а я тоже плачу, потому что думаю, что там как раз всех убивают, а я ничего не могу сделать, и я говорю, что хочу вернуться, а он говорит, что не пустит меня, а мы вот прямо сейчас уедем в Аргентину. Коллективное бессознательное не дремлет, называется...

Зачем, скажите, вам чужая Аргентина...

Мне кажется, я знаю, про что этот сон. Он про то, что я на вашей войне в лучшем случае пленный. А в худшем — у вас вышел новый приказ по всем фронтам: пленных не брать.

Я знаю, что ты меня любишь, но это не помогает.

Вернее, даже не так: я знаю, что ты меня очень любишь, конечно, но...

* * *

Суныцзы сказал:

«В целом, в битву вступают с правильными частями, а одерживают победу с помощью необычных. Поэтому тот, кто пускает в бой, неистощим, как Небо, безграничен, как реки Хуанхэ и Янцзы. Солнце и луна достигают конца и начинают вновь. Четыре времени года умирают и возрождаются».

* * *

Меньше всего на свете мне хотелось передавать Нелькино дело в арбитражную комиссию, но я так и не смог придумать достойную отговорку. Дина, конечно, подняла на уши всех знакомых, но апелляцию всё равно отклонили.

Эдинбург отреагировал на это событие с напугавшей меня стремительностью.

Мой Черный человек подозрительно мягким голосом сообщил, что аванс я уже отработал и теперь дело за малым — за рабочими документами.

Я купил подарок и поехал поздравлять Нель с днем рождения. Всю ночь мы бродили по городу и под конец совершенно случайно оказались возле ее дома. У меня мастерски получается оказываться в нужном месте в нужное время совершенно случайно.

В общем, как пишут в женских романах, и тут вдруг случилось неизбежное.

Вот бы еще понять, почему неизбежное заставило себя ждать двадцать лет, но это уже не с моим умом. В конце концов, я простой административный работник, а чиновникам мозги не положены по штату.

Утешился я тем, что мозги не положены не только мне. Звезда отечественной генетики тоже, как выяснилось, не отличается ни умом, ни сообразительностью.

Мне не пришлось с дикими трудностями воровать ключи и под покровом какого-нибудь времени суток проникать в секретную лабораторию. Мне даже не пришлось взламывать

пароль компьютера — компьютер стоял совершенно голенький, безо всякого намека на конспирацию. Если бы он был подключен к интернету, я бы, скорее всего, не удержался и убил звезду отечественной генетики своими собственными руками.

Так что невыполнимая миссия заняла у меня примерно пять минут, после чего я собрался предаться разврату, но мне очень сильно мешало чувство выполненного долга. Предаться любви тоже не получилось, потому что пылкая любовница, сгорая от страсти, прозрачно намекнула на то, что сделать ее счастливой очень просто. Для этого достаточно всего лишь исчезнуть из ее жизни раз и навсегда. После чего мы занялись бестолковым сексом, попутно пытаясь продыривить друг друга ненавидящими взглядами.

Вот уж действительно предел мечтаний.

В довершение всех неприятностей я неосмотрительно заснул, и Юлька, воспользовавшись моментом, немедленно явилась мне во сне. Как водится, в белых одеждах. Глупо было рассчитывать на то, что она будет молчать, она и не стала...

* * *

...Я вот иногда думаю: хорошо бы ребенка родить. Кормить его кашей, сказки ему читать, умиляться маленьким таким пальчиком на ножках. А потом он скажет первое слово, и я уже наконец окончательно поглупею от счастья, и читать его научу, и домой буду торопиться вечером, и ругаться с ним из-за невыученных уроков...

А потом как подумаю — это же сначала надо его зачать, а перед этим влюбиться, а перед этим забыть уже тебя окончательно, а то у меня пока места свободного внутри не хватает. Надо тебя изнутри выгнать как-нибудь...

Гражданин, вот я давно у вас хочу спросить: вы на следующей остановке выходите? Нет? А что же делать? Ну, может, хотя бы гражданин перед вами выходит? Может, хотя

бы через остановку? А если я скажу волшебное слово? Не знаю какое, но должно ведь быть какое-то волшебное слово! Специально для такого вот безвыходного случая...

Ну, бог с ними, со словами, поговорим лучше о погоде. Погода у нас прекрасная, только море совсем остыло и плавать не получается. По этому поводу у меня сезонное обострение маниакально-депрессивного психоза с застреваниями в депрессивной фазе. Но так, в целом, погода хорошая. Если не обращать внимания на дождь, конечно. Нормальная, в общем, погода. Правда, холод собачий и ветер, но если из дома не выходить и обогреватель включить, то очень даже ничего погода. Вот единственное что — вчера шторм разыгрался и у нас во дворе упало дерево, по пути оборвав электрические провода, так что обогреватель не включается, но зато мы разожгли камин, и даже еще и лучше получилось. Сажу возле камина, наслаждаюсь изумительной погодой, и мне даже совершенно не мешает протекающий потолок... В общем, я уже горячая и влажная, так что приезжай поскорее в гости, пока я не высохла и не остыла. А то без тебя у меня как-то не получается тебя забыть. Может, хоть с тобой получится...

* * *

— Что тебе от меня надо... — Она не спрашивает, а просто говорит, безо всякого намека на вопросительную интонацию.

Ах солнце, да если бы я мог тебе рассказать...

— Ничего, — отвечаю я, протягивая руку к ее лицу, но она отодвигается, на первый взгляд совершенно случайно, даже и не замечая мою руку. Лезет за сигаретами, долго ищет зажигалку и как то незаметно оказывается в другом конце комнаты. И уже оттуда смотрит насмешливо и недоверчиво и губы кривит — на случай, если я взгляд не заметил. Для пущей наглядности и выразительности.

— Странно, — я сажусь в кресло и пытаюсь прочесть на потолке зашифрованные в мелких трещинах знаки Судьбы, —

странно, почему стоит раз в жизни сказать правду, и тебе моментально перестают верить?

— Ну, это как раз понятно. Очередное проявление высшей справедливости.

Потому что все врут всегда, только не всегда об этом догадываются. А если вдруг догадываются, то это уже можно считать моментом высшей истины, и вот тогда и получается, что ты точно знаешь, что врешь, а у собеседника глаза теплеют, и он поворачивается к лесу задом, а к тебе передом. Не смотри на меня так, я имею в виду нежную душу, а не то, о чем ты сейчас подумал.

— Вот спрашивается, откуда ты так хорошо знаешь, о чем я сейчас подумал?

— Тоже мне бином Ньютона. — Нель смеется, я тоже смеюсь в ответ, а сам мучительно думаю, как бы так сделать, чтобы она если не телом повернулась, то хотя бы глазами потеплела.

Нель, мне плохо, мне очень плохо, подойди ко мне, обними, положи руку на лоб. Может, у меня температура, я не знаю, не уверен, но надо проверить. Уложи меня в постель, поцелуй в висок, принеси молоко с мёдом, я ненавижу молоко с мёдом, но ты скажи: «Не капризничай», и я выпью. А может, всё еще хуже, может, у меня рак, может, у меня СПИД, может, я скоро умру, Нель, ведь может такое быть? Ты тогда заплачешь, а будет поздно! Нель, неужели живого ты меня никогда не пожалеешь? Тебе не кажется, что это слишком, что это жестоко, что это бесчеловечно? Нель, я не люблю тебя, но это ведь еще не повод, чтобы совсем меня не пожалеть, не обнять, не положить руку на лоб, не поцеловать в висок. Почему так?

Я резко встаю, потому что трещины на потолке начинают складываться в отчетливую фразу и мне внезапно становится очень страшно.

— Нель, солнце, что ты будешь пить?

* * *

Суньцзы сказал:

«Война — это великое дело государства, основа жизни и

смерти, Путь к выживанию или гибели. Это нужно тщательно взвесить и обдумать».

* * *

...Ваша светлость вчера с таким грохотом выпала из эфира, что я даже заволновалась. И вышла вечером из дома с твердым намерением обойти все больницы и морги — не случилось ли чего. Первым делом я заглянула в бар на набережной — у меня было нехорошее предчувствие, что Вы могли пасть (ну, скажем, жертвой) от руки каких-нибудь средиземноморских террористов. Другие заведения посетить в этот вечер я уже не успела, зато там провела расследование со всей тщательностью, на какую только была способна, даже припоминаю, что несколько раз заглядывала под стойку. Небеса, как водится, не обошли своим вниманием такое усердие, и я все-таки Вас разыскала. Правда, звали Вас как-то странно, да и выглядели Вы не самым привычным образом, но шутили, как всегда, отменно, и я решила не придираться к мелочам. Так что спасибо за чудесный вечер, а что до того, что я внезапно исчезла, — так с кем не бывает, ну могут же у человека появиться срочные дела...

P. S. Все имена, события, пароли и явки, упомянутые в этом письме, вымышлены. Любое совпадение с реальными именами, событиями, явками и паролями абсолютно случайно, и я лично за подобные случайности ответственность нести отказываюсь, и не уговаривайте.

P. P. S. Если ты еще не улыбнулся, то сейчас — самое время...

* * *

Всё идет отлично, а настроение поганое. Пожаловался вчера Юльке, она велела срочно найти какую-нибудь уважительную причину. Должно помочь. «Я, — сказала Юля, — валю либо на

предменструальный синдром, либо на полнолуние. На крайний случай есть еще солнечные бури, большие противостояния планет и перемена погоды».

Я начал было говорить, что глупости это всё, а потом вспомнил, как сто лет назад, когда мы с Костей жили в общежитии, пришло нам в голову напиться. Купили мы водки с пивом, огурцов соленых и взялись за дело. Через некоторое, довольно непродолжительное, время я потрянул длинными еще тогда волосами и гордо произнес: «Ты же понимаешь, что мы достигли такого уровня духовного развития, что окружающий мир слишком слаб, чтобы как-то на нас повлиять». Костя хлопнул глазами, но возражать не стал. И тут в комнате погас свет. Мы от удивления немного протрезвели — не окончательно, но, во всяком случае, смогли без посторонней помощи выйти в коридор. В комнате слева от нас свет горел. В комнате справа — тоже. Мы тихонько вернулись к столу, зажгли свечку и допили всё, что у нас к этому времени оставалось, буквально за пять минут, в полном молчании.

«Как говорили в моем пионерском лагере, вспомнишь про дурака — он и появится», — сказал я Косте, встретив его на следующее утро в коридоре университета.

Вид у моего бывшего друга был такой, будто он никак не может сообразить, ему уже переходить на другую сторону улицы или все-таки рискнуть репутацией и поболтать со мной пару минут о погоде. Но благоразумием он никогда не отличался, поэтому парой минут мы не ограничились и пошли пить кофе.

Скорее всего, он, как и все мы, просто не знает, где у этой улицы другая сторона...

* * *

Суныцзы сказал:

«Те, кого древние считали преуспевшими в войне, покоряли тех, кого можно было покорить. Поэтому победы преуспевших в войне не требовали мудрости или мужества. Поэтому их победы были свободны от ошибок. Тот, кто свободен от

ошибок, отправляется побеждать тех, кто уже побежден».

* * *

...Окружающий мир так долго внушал опасения, что в итоге почти внушил. В пятницу, например, я впервые в жизни пожалела, что не умею устраивать спиритические сеансы. Потому что живых людей выносить не было никакой возможности. Я пробовала, но у меня не получилось. И книжка не читалась, потому что все буквы перемешались и начали складываться в какую-то назидательную похабщину. Мне назло, это точно, хотя я всегда с книжкой вела себя вежливо и предупредительно, страницы не мусолила, содержание тоже, уголки не загибала, разве что дразнила ее иногда «источником знаний», но это ж не со зла, а исключительно по-дружески.

Тогда я достала краски и стала рисовать. Сначала на бумаге, потом мне это показалось недостаточно фундаментально, и я перекинулась на стену. А потом соседская кошка подвернулась. Я не хотела, честное слово, она сама подвернулась. Но ей не понравился конечный результат, и она ушла в ночь. Хорошо еще, что стена не ушла, только посмотрела на меня с укоризной и ничего не сказала. Тогда я решила, что это всё никуда не годится и пора мне уже научиться решать свои проблемы, как подобает умному и взрослому человеку. Тем более что и коньяк в доме был, целая бутылка. Я нарезала лимон, посыпала его сахаром, взяла бутылку, вытащила пробку... Но тут Верховные Существа спохватились, махнули хвостиком, бутылка упала и разбилась.

Я поблагодарила Верховных Существ, во-первых, за то, что они есть, а во-вторых, за то, что на этот раз обошлось бутылкой, могли бы и по голове махнуть. Хвостиком-то. Ну вот, поблагодарила, вымыла пол и решила, что раз так, буду пить вино. Сделаю глинтвейн, и даже еще лучше получится. Взяла бутылку вина, начала ее открывать, но тут Верховные Существа мерзко хихикнули и махнули вторым хвостиком

Но королевская гвардия никогда не сдаётся, поэтому я достала гадкий вишневый ликер, смешала его с молоком и

мороженым из лесных ягод и выпила наконец за здоровье Верховных Существ. У них, конечно, гипертрофированное чувство юмора, но будем справедливы, им со мной тоже бывает нелегко...

* * *

К сожалению, тот факт, что мне придется гореть в аду, никаких сомнений не вызывает. Даже если раньше весы нервно колебались в некотором подобии равновесия, то теперь приговор однозначный. Правильно говорят, любопытство погубило кошку. Зато теперь мне не надо думать, как отмолить подлог, воровство, я уже молчу о прелюбодеянии и о многочисленных возжеланиях жены ближнего. Потому что семь бед — один ответ. Дальше ада не сошлют.

Хотя прелюбодеяние я бы отмолил на раз. Одной левой бы отмолил. Но это уже неактуально. Потому что, выкачивая из компьютера Нели Александровны Максимовой секрет продажи славянского шкафа, я заодно скопировал папку «Юлькины письма». Случайно увидел и не удержался. Но Нель Александровна Максимова будет гореть в аду вместе со мной. Потому что она должна была учесть все возможности и не искушать случайного путника, заглянувшего в ее хижину в поисках любви и ласки. Утешает только то, что в такой приятной компании адского пламени мы просто не заметим. Не до того будет.

Но надо признать, письма того стоят.

Это просто уму непостижимо. Я не поленился, нашел в своем почтовом ящике все письма, уцелевшие при последней генеральной уборке, и разложил по датам, рядом с Юлькиными. Вот просто разделил страницу пополам, в левую табличку скопировал письма Юли мне, а в правую — Нельке.

Со мной она серьезна и задумчива. О своем любимом таро говорит с придыханием, о загадочном марсельском друге — с трепетом. А в ее письмах к Нель... Если бы речь не шла об одних и тех же событиях, я бы решил, что перепутал папки.

Там она смеется над собственными святынями и даже позволяет себе непочтительно отзываться о Друге и Учителе.

Всё время, пока я читал эти письма, меня что-то дёргало изнутри, толкало, теребило, сучило лапками. Черненький чумазенький чертенок, который когда-нибудь доведет меня до инфаркта. А потом я понял: она же разговаривает с Нелькой моим голосом. С моими интонациями, и даже предложения строит похоже. Меня это тронуло до глубины души. Вот до самого черненького чертенка тронуло, и он, воспользовавшись случаем, завизжал восторженно и вцепился в горло. Я, впервые за уже не помню сколько лет, сел на пол и заплакал.

Мне говорили, конечно, что женщина создана из мужского ребра. Так себе идея, но ладно, я к ней всегда относился индифферентно. Кто же мог знать, что именно эта женщина и как раз из моего ребра. И как с этим знанием жить дальше, мне пока непонятно.

Я даже бок начал ощупывать, пока не опомнился и не пошел на кухню выпить холодной воды.

В общем, не знаю, как там всё сложится в Венеции, но в одном я уверен: мысль о, видимо, все-таки любимой жене очень скрасит предстоящую мне вечность в аду.

Но до ада, между прочим, еще дожить надо.

* * *

Помнишь, я тебе когда-то жаловалась на скособоченность реальности? Это когда помнишь что-нибудь, а тебе говорят — не было этого.

Ну так вот.

Аналогичный случай был в городе, ну, скажем, Калуге. К примеру. На днях. Буквально вчера. Мэр города Калуги, выступая перед трехсотвосемьдесятитысячным городом, сообщил в приватной беседе, что он, ну, скажем, санскрита не знает абсолютно и ни читать, ни писать на нем не умеет. То есть раньше читал и писал довольно бегло, но за последние два года потерял квалификацию совершенно, да и вообще устал. И теперь ни буквы, как ни старайся. Триста восемьдесят

пять тысяч жителей Калуги опешили: это как же понимать, когда у них буквально в кармане лежит письмо от мэра на санскрите, с печатью и подписью? Ну, если честно, без печати, но все равно с подписью и отпечатками пальцев. Жители Калуги совсем уж было собрались отправить к своему мэру делегацию журналистов, дабы разъяснить, но потом передумали. Они ведь как рассуждают: если наш мэр что-то делает, так это исключительно для нашего блага, он сам сказал. «Наш мэр, наверное, хочет донести до нас некую информацию, которая будет нам очень полезна и облегчит нашу жизнь несказанно», — так подумала триста тридцать одна тысяча жителей Калуги, что составляет примерно восемьдесят шесть процентов населения города. (Остальные пятьдесят четыре тысячи подумали: «Вот ведь...» — и переехали жить в другой город.) А надо вам сказать, что триста восемьдесят пять тысяч жителей Калуги очень любят своего мэра и безгранично ему доверяют. Они даже на последних выборах переизбрали его на второй срок, что я могу объяснить только сложной экологической ситуацией в области — высокое содержание тяжелых металлов и прочих вредных веществ пагубным образом сказывается на умственных способностях трехсот восьмидесяти пяти тысяч жителей Калуги, а также на их эмоциональном состоянии.

Жители Калуги подумали: «Ой!», потом подумали: «Ах...», потом подумали: «О господи», потом устыдились и подумали: «Барух Ата Адонай», а потом подумали: «Ну и ладно. В конце концов, нам, калужанам, один хуй — что санскрит, что вульгарная латынь, мы вообще читать не умеем, если честно. Только вот письмá жалко, там такой конверт, и буквы такие, и оно еще так пахнет...» Триста восемьдесят пять тысяч жителей Калуга трутся об него щекой иногда, когда всякие атмосферные явления происходят. А оно вон как всё сложно.

* * *

Суныцзы сказал:

«Непобедимость заключена в самом себе; возможность

победы зависит от врага. Поэтому тот, кто преуспел в войне, может сделать непобедимым себя, но не обязательно может заставить врага покориться».

* * *

Судя по тому, как начался новый год, он обещает быть еще хуже предыдущего. Хотя, казалось бы, куда уж хуже? Во-первых, Юлька на меня смертельно обиделась. То ли я сказал Мишке что-то не то, то ли, наоборот, не сказал что-то очень важное, я толком не понял. А изъясняется моя драгоценная супруга в высшей степени пространно и метафорично. Иногда мне даже нравится, не скрою, но для получения конкретной информации этот способ совершенно не годится.

Впрочем, нет. На «во-первых» Юлькина смертельная обида не тянет. Все-таки во-первых — совершенно необъяснимая паника на работе. Дошло до того, что у меня потребовали отчет и объяснения, впервые за мою долгую и беспорочную службу. Отчет я им, разумеется, предоставил, вместе с исчерпывающими объяснениями. Но тенденция мне не нравится.

Но нет, по большому счету, во-первых — бесспорно, разговор с Черным человеком в Эдинбурге. Похоже, что шутки заканчиваются и придется срочно передавать ему документацию. Для этого нужно время, которого у меня нет: я же не могу отправить подлинник. А подлог — дело тонкое, можно даже сказать, филигранное. Они там все-таки не дураки, в этом Эдинбурге, хотя иногда такое впечатление, что дураки.

Это совсем неудачно, я ожидал, что у меня в запасе хотя бы пара месяцев. Кто ж знал, что биржа упадет, да так неудачно, что и меня заденет осколочком.

Но думать об этом не хочется, а хочется с Юлькой помириться. Я вчера даже попёрся к Мишке с бутылкой вина в надежде, что он хоть что-нибудь знает. Вино оказалось неудачное, Мишка ничего не знал, но обещал выяснить, а в качестве супербонуса разозлил меня до умопомрачения рассказами о том, как у него всё хорошо и замечательно.

Выглядело это примерно так: «Я совершенно счастлив. Мне отрезало поездом ногу, кирпич снёс полголовы, и вдобавок меня переехал асфальтовый каток. Но всё это было очень своевременно и, безусловно, пошло мне на пользу».

Вышел я от них с четким знанием: когда мы придем к власти, психологов-позитивистов мы будем вешать на телеграфных столбах. Вместе с их сестрами-истеричками.

* * *

...Замечательный сон имела счастье посмотреть вчера днем, просто редкая удача, редкая. Снилось мне даже не вербализация, а материализация наших с тобой отношений, Отношения — это была такая пластиковая штука, мы сидели внутри, и она ездил по рельсу вокруг бассейна, очень красивого, с рыбками и всяческими блёстками. Отношения эти были куплены в магазине, там еще много осталось, кстати, если кому надо... Так вот, всё было чудесно, не считая мелких брызг — очень неудобно сидеть, ну просто очень. Невозможно пошевелиться, не говоря уже про дотронуться друг до друга. И в спину какие-то жесткие детали впивались, и вообще. Я пыталась какое-то время отвлекаться на рыбок, но потом не выдержала и сказала, что, мол, дорогой, ну что ты за хрень купил, право слово, ну неудобно же. А ты мне ответил, что это всё глупости — удобно, неудобно, а вещь хорошая, прочная, надежная и безопасная. Посмотри, говоришь, как она сделана, это же вечный материал! Я немного устыдилась, сбавила обороты, но все равно продолжала тихонько бубнить, что, мол, хочу, чтоб удобно, а чтоб неудобно — не хочу. И тут ты признался: там, оказывается, на полке были еще другие Отношения, такие же, только внутри как-то так всё хитро устроено, что мягко и можно даже двигаться совершенно свободно. Но ты не купил, потому что побоялся, что денег не хватит. Вот в этом месте мне пришлось стремительно проснуться, потому что совершенно не хотелось услышать, что же я тебе на это отвечу... Такая вот фигня.

А еще посмотрела вчера «Касабланку», в сотый раз,

наверное.

Тоже смешно...

* * *

Четыре дня напролет я занимался нужным и полезным делом — подделывал документацию. На карнавале в Венеции буду изображать мистера Рипли. Он мне никогда не нравился, но выхода у меня теперь уже нет.

Надо сказать, что занятие это в высшей степени психоделическое — меня начали одолевать мысли, которые обычно приходят в голову моей сумасшедшей жене. Или, в крайнем случае, ее не менее сумасшедшему брату. Еще пару дней, и я всерьез начну размышлять о тщете всего сущего. А это, по моему глубочайшему убеждению, свидетельствует о необратимых изменениях в коре головного мозга.

Закончил ровно в полночь. Когда силы зла и так властвуют безраздельно. Теперь меня будет мучить совесть: а вдруг я сдвинул и без того хрупкое равновесие в какую-нибудь сторону? И даже не могу толком понять, в какую именно.

Утром я решил, что раз уж все равно тошно, то можно и к Нель в институт заехать. Хуже, пожалуй, не будет. Потому что «хуже уже куда же», как спел мне включённый наобум старенький Юлькин плеер. А через десять минут и сама Юлька позвонила. В истерике, как это у нас в последнее время заведено. Но я тоже чему-то научился. Во всяком случае, сегодня мне впервые в жизни удалось первому бросить трубку. Личный рекорд социальной адаптации, между прочим.

Думаю, что в ближайшие дни получу письмо от Юлиного адвоката. Если у нее, конечно, есть адвокат. В противном случае она будет пытаться со мной не разговаривать и лопнет.

Но спасибо ей большое — к Нель я приехал бодрый и злой. А она, наоборот, была тиха и грустна, поила меня чаем и почти совсем не рычала. Так, ворчала вполголоса, но как-то неубедительно.

«Знаешь, — сказала Нель, — у меня такое впечатление, что стоит мне на минуту отвернуться, и мир рухнет. Иногда даже

отворачиваться не приходится».

В общем, день пропал не зря: я понял, что никогда нельзя отчаиваться и говорить, что хуже некуда. Есть куда, всегда есть куда. И это внушает серьезные, ну, скажем, надежды.

По дороге домой заехал в агентство, заказал билет в Марсель. Сначала хотел ехать прямо в Венецию, а потом подумал, что надо бы еще в Марсельский университет заглянуть, поговорить с ними по душам. А то внутренний голос подсказывает, что в Америку Юля не поедет. Во всяком случае, полгода назад на подобное предложение она посмотрела на меня дико и сказала, что в Америке негров линчуют. Не знаю, может, шутила, а может, и правда линчуют.

* * *

...Надо уже признаться себе честно в конце концов: да, я люблю двоих. Тоже мне трагедия, есть о чем говорить. Конечно, хуже, чем одного, но зато гораздо лучше, чем троих, будем позитивны. Они разные такие, их бы соединить — идеальный мужик получился бы, честное слово. Нет, не знакомы, хотя догадываются, не без того. Я же, дура, проговариваюсь постоянно, как будто меня за язык кто-то тянет. Да не знаю я, кого больше, ну что за вопросы идиотские, это же разное совсем, неужели непонятно... Один душу из меня вынимает, плачет, за руки хватает, не уходи, говорит, не могу без тебя, говорит, куда ж тут денешься? Ну да, советы и я могу давать, а когда руки такие, и губы, и глаза... Я бы такие глаза запрещала, как неконвенциональное оружие, я бы со всей строгостью, я бы без суда и следствия за такие глаза на электрический стул сажала, да только толку-то? Он, мне кажется, и так на электрическом стуле, хрен его сгонишь оттуда. А второй — ну просто беда. Садится вполоборота, ни губ, ни рук, и нежно так: солнце, я тебя люблю, конечно, но ты все-таки отодвинься, а то мне как-то неудобно, когда ты так близко, как-то сложно мне... Да я бы и рада, но тут же не угадаешь... Я письма писать пробовала, но как-то так получилось, что у них на двоих один ящик, я никогда не знаю,

кто из них первый письмо прочитает. Запуталась совсем. Только-только с одним договоришься, как тут второй появляется. Я так не могу, они мне отдохнуть не дают совсем, дергают в разные стороны, я устала. Мне бы определиться как-то — глядишь, всем бы полегче стало... Но мне в последнее время кажется — я гоню эти мысли, изо всех сил гоню, но плохо получается, особенно в последнее время, — так вот, по моему, у них еще одна женщина есть. Я не ревную, нет, я понимаю, конечно, можно любить двоих, мне ли не знать... И она смеется так, и губы так складывает — я так не умею... Да нет, не ревную, но злость берет: почему она вмешивается всё время? Я только подойду, только сяду рядом, так она сразу лезет со своими шутками дурацкими. Нет, мы не знакомы, но я же чувствую, она тут всё время... Ей легко, конечно, а я извелась совсем. Я вот думаю, может, нам как-нибудь вчетвером встретиться. Подстроить как-нибудь, я не знаю, наврать всем разного. Мне почему-то кажется, что если мы все соберемся, так всё само собой решится каким-то чудесным образом. А то невозможно же так...

* * *

Суныцзы сказал:

«Когда армия сталкивается с оврагами и ущельями, заболоченной местностью с тростником и высокой травой, горными лесами или густым и спутанным кустарником, необходимо тщательно прочесать их, ибо там могут быть спрятаны засады и шпионы».

* * *

Я отправил документы в Эдинбург, снабдив их моими ценными замечаниями, а также копией решения арбитражной комиссии. И, облегчённо вздохнув, начал готовиться к отъезду. И вот тут-то обнаружилось, что в уравнении гораздо больше неизвестных, чем мне хотелось бы думать. Началось с того, что

ко мне на приём записалась прекрасная Елена. Я, грешным делом, решил, что ее Нелька ко мне заслала, и разозлился. Буквально через пять минут разговора стало понятно, что Нель тут абсолютно ни при чем, но злиться я на всякий случай не прекратил — мало ли, в хозяйстве сгодится. В моем почтенном возрасте эмоциями уже не разбрасываются. Начал злиться — будь добр, сожги город. Или как минимум отдай приказ пленным не брать. Ничто так не поднимает боевой дух армии, как приказ не брать пленным. Правда, не совсем понятно, что же делать с пленными, которых мы уже взяли...

Лена выглядела как-то странно, хотя я-то ее видел только в белом халате, а ко мне она заявила в черном платье, ажурных чулках и полной боевой раскраске. И начала усаживаться на стол, причем я так растерялся, что даже не сразу смог реализовать свою злость. Потом-то, конечно, пришел в себя, отволол ее к раковине и умыл как следует. Я когда-то пытался проделать подобный трюк с Юлькой, но ей удалось сбежать. Видимо, незавершенность мучила меня все эти годы, иначе сложно объяснить, почему я получил от такой незамысловатой процедуры совершенно неземное удовольствие. Заодно уже внимательно разглядел зрачки юной леди и вены проверил. Чтобы потом второй раз не вставать из кресла. «Ладно, — говорю, — теперь можешь на стол садиться, если тебе так уж хочется. Мой эстетический вкус и не такое стерпит. Располагайся. Бумажки не мешают? И дай-ка я дырокол спрячу, а то сядешь на него, грешным делом, а потом будешь орать, что я тебя изнасиловал».

Она, что удивительно, во время водных процедур даже не пикнула. И не сопротивлялась. Выслушала меня, осмотрела внимательно стол, но села почему-то в итоге на стул. Пойди пойми этих женщин. Семь пятниц на неделе, честное слово. Надо сказать, что хороша она необычайно. Костю, в общем-то, можно понять. Вот интересно, он действительно увлёкся или решил наконец Нельке отомстить за развод? Хотя это вряд ли. У нас на биофаке манеры почище, чем в институте благородных девиц. «Совесь, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство». Это белые халаты так разрушительно влияют на психику, не иначе. Надо у Мишки

спросить. А то у меня в семье светило отечественной психологии, а я не пользуюсь. Надо поторопиться, а то семья, того и гляди, прикажет долго жить и упущу я свой звездный шанс...

Тут Леночке надоело разглядывать меня с загадочным видом и она открыла свой очаровательный ротик. Если бы оттуда выскочила жаба, я бы удивился меньше. Но Леночка сменила загадочный вид на невинный и рассказала мне, что собирается поехать в славный город Эдинбург. Ее там мечтают видеть. И слышать. И не знаю ли я, случайно, почему. А то она меня видела в славном городе Эдинбурге. В очень хорошей компании видела.

Я гордо повернулся в профиль и сообщил, что за последний год меня видели в таком количестве славных городов, что и не упомнишь. И всегда, что характерно, в хорошей компании. А если юная леди намекнет на цель своего визита, то у нас появится малюсенький шанс к этой цели немножечко приблизиться. Или юная леди действительно хотела любить меня на моем же столе? Так я не возражаю, только хотелось бы определиться...

«Ну-ну», — проговорила нараспев Леночка и выплыла из моего кабинета, так покачивая бедрами, что я тяжело вздохнул и еще раз понял Костю.

После чего впервые в жизни уселся на стол (ау, Мишка, скажи, что это случайно) и задумался.

Надо сказать, что ни одна из пришедших в голову мыслей меня не порадовала.

* * *

...Ко мне на балкон забрела лягушка. Совершенно непонятно, откуда она взялась среди зимы в центре Марселя. У меня дурные предчувствия: я боюсь, что это заколдованный принц. На всякий случай целовать не буду. Еще одного принца я уже не переживу, это точно. Может, конечно, и принцессой оказаться, но это уже, как говорится, не с моим везением.

А тем временем ты, мой дорогой далекий друг, уже вторые

сутки не отвечаешь мне никакой взаимностью. Я уже и два письма написала, и на погоду пожаловалась, и пошутила удачно три раза, а ты всё не отвечаешь. По-моему, я придумала неправильного дорогого далекого друга. Правильный бы клюнул уж если не на письмо, так на погоду точно. А шутки — ладно, шутить я могу и без надежды на взаимность, так что не жалко.

Я вот думаю, может, сменить одного дорогого далекого друга на двух далеких друзей подешевле? Но тогда получится, что я целые три шутки зря пошутила, а это обидно.

Зато у меня под окном созрели мандарины. Так что всё, к чему я прикасаюсь, превращается в мандариновые корки. Это, наверное, проклятие Деда Мороза, не иначе.

И главное, толку ведь никакого. Другая бы без взаимности за два-то дня сублимировала грусть во что-нибудь нетленное. А я мандаринов налопалась и теперь спать хочу. Себя я тоже как-то неправильно придумала. Без фантазии как-то. Вот встану завтра пораньше, чаю напьюсь и придумаю нас всех заново. А то эти мы какие-то глупые и ленивые.

Пожалуй что остаётся только о погоде. Спешу сообщить, что погода прекрасная: когда два хорошо воспитанных человека ведут светскую беседу, всегда стоит прекрасная погода, это такая народная примета. В плохую погоду хороший хозяин собаку из дому не выгонит, потому что повстречай она другую собаку — им совершенно не о чем будет поговорить. А хороший хозяин никогда не поставит свою собаку в такое затруднительное положение, да еще и в плохую погоду, когда и так...

* * *

Суныцзы сказал:

«Форма сил армии подобна воде. Форма воды — избежать высот и стремиться вниз. Форма сил армии — избегать полноты и наносить удар по пустоте. Вода оформляет поток в соответствии с местностью, армия идет к победе в соответствии с врагом. Поэтому у армии нет какого-нибудь

постоянного стратегического расположения сил; у воды нет постоянной формы».

* * *

«Хорошо, давай встретимся на карнавале в Венеции, — сказала Юля. — Но если ты планируешь разговаривать, то я прихвачу своего адвоката. Одну его в костюм белого кролика».

А у меня все никак не идут из головы ее письма. Как, ну как это ей удастся — быть настолько разной с такими одинаковыми, в сущности, людьми, как Нель и я? Почему там, где с ней она спокойна и открыта, со мной — напряжена и в каждом слове видит подвох? Неужели это всё злобные гормоны? Неужели мы обречены бесконечно кружить друг вокруг друга, не решаясь приблизиться?

«Нель, — обратился я к воображаемой Нель, сидящей напротив меня за стойкой совершенно реального бара в Шереметьево, — почему в каждом моём движении ей мерещится объявление войны? Или, хуже того, просто начало, без всякого объявления?»

«А ты уверен, что это не так?» — спросила воображаемая Нель, постукивая воображаемой ложечкой по чашке воображаемого капучино. Впрочем, нет. Скорее, эспрессо. Капучино пьет Юля. Еще не хватало начать путать имена, даты, напитки, сексуальную ориентацию... Так черт знает до чего можно докатиться.

Все-таки я родился под какой-то несчастливой звездой. Даже вообразить покладистую женщину не получается. Ну, казалось бы, сижу в аэропорту, в зале ожидания, практически уже на нейтральной территории. Так нет, обязательно появится какая-нибудь смутная тень и наговорит гадостей...

Скорей бы посадку объявили, что ли.

* * *

...Знаешь, дорогой, я тут немножко подумала, и мне показалось, что не нужно тебе приезжать. Могу привести пару-тройку аргументов, но, если честно, не хочется. Только расстроюсь лишний раз. В общем, давай так и решим. Мол, судьба разлучает нас, но в моем сердце ты будешь жить вечно. Как и я в твоём. Мелочь — а приятно.

Надеюсь, что ты еще успеешь сдать билет. Извини, что говорю в последний момент, просто я вчера поговорила по телефону... Ну, неважно.

Вот, так и знала, уже расстроилась.

Займись, пожалуйста, разводом. Насколько я знаю, мое присутствие при этом не обязательно. Но в крайнем случае приеду, это не очень сложно.

Очень жаль, что мы ведем себя как интеллигентные люди. А то я бы с удовольствием сообщила тебе, что ты — козёл. Но никак не могу выбрать подходящий контекст. Согласись, такая жемчужина заслуживает достойного обрамления. Не засовывать же ее во всякие «искренне ваша» и «не правда ли, погода нынче прекрасная». Так что просто не знаю, как быть. Придется, видимо, промолчать, хотя ты же знаешь, чего мне это стоит...

* * *

Вот это и значит прорасти друг в друга корнями? Я совершенно случайно вместо французского разговорника сунул в карман итальянский. Тоже, конечно, сгодится, если мы доберемся до Венеции, но собирался-то я взять французский...

«Прекрати немедленно, — забеспокоилась Юлечка, увидев собственными глазами доказательство моей рассеянности. — У нас с тобой всегда был молчаливый договор: я сумасшедшая, а ты нормальный. Два сумасшедших в одном доме — это многовато. Это значит, мне придется становиться нормальной, а не хотелось бы. Хлопотное это занятие — быть взрослым вменяемым индивидуумом. Мне не потянуть, я слабая

женщина, между прочим».

После чего слабая женщина выпила полфляжки коньяка и поплыла по лунной дорожке куда-то к горизонту. А сильный мужчина остался мерзнуть на берегу в куртке и двух свитерах.

Она вернулась минут через двадцать, когда я уже окончательно разволновался, прикончил коньяк и собрался выпить море, чтобы спасти утонувшую любимую. Юлька отряхнулась по-собачьи и сунула мне в руки что-то мокрое. При ближайшем рассмотрении это оказалась большая раковина. Я так и не смог вспомнить название, хотя учил ведь когда-то.

— Смотри не потеряй, — строго сказала Юля. — В этой раковине живет Морской дьявол. Хочешь послушать, как он плачет?

— Любовь моя, — ответил я печально, — я ни секунды не сомневаюсь, что в твоих умелых руках даже дьявол будет рыдать как дитя. Более того, если окажется, что внутри раковины прячется всхлипывающий моллюск, я тоже не удивлюсь. Не первый день знакомы...

— Ты опять начинаешь, — констатировала моя любовь, кутаясь в плед. — Не успел приехать, как опять начинаешь. Я тогда еще куда-нибудь уеду, будешь тогда знать.

— Уезжай в Новую Зеландию, — посоветовал я.

— Да, я помню, ты мне писал, что там водится сумчатый дьявол. Я бы могла ему продать сумчатую душу, а на вырученные деньги купила бы ранчо. И разводила бы аллигаторов.

— Вот это вряд ли. Если тебя занесет в Новую Зеландию, то разводиться ты там будешь белых песцов. Потому что перепутаешь.

Вместо ответа Юлька показала язык и молча помахала у меня под носом итальянским разговорником.

Может, сказать чего хотела?

* * *

— Вот объясни мне, Олег, почему так получается. Мы же

вроде взрослые люди. То есть мы еще можем стать старше, но взрослее — уже нет. А если посмотреть внимательно, что нас ведет по жизни, так просто диву даешься.

— Кого ведет, а кого и гонит со страшной силой.

— Ну, знаешь, интенсивность — это уже детали. Мне другое интересно. Ведь то, чем я принимаю решения, это не взрослая моя часть. Если считать, что моя личность действительно состоит из ребенка, взрослого и родителя. По большому счету, взрослый только пытается найти максимально эффективный путь, а родитель следит, чтобы я при этом была хорошей девочкой. А решает все ребенок. В начале было слово, и слово было «хочу».

Но это, может, только у меня так. А ты, наверное, совсем иначе танцуешь. От слова «должен». То есть у тебя родитель решает. А взрослый придумывает, как всю эту фигню выполнить и ребенка по дороге если и умучить, то хотя бы не до смерти.

— Всё, Юлечка, баста. Я тебе больше не наливаю. Если в ход пошло слово «эффективный», то пора завязывать с коньяком. Если женщина допилась до «эффективности», значит, и зеленые чертики не за горами.

— Ага, зеленые замурзанные чертёнки зарисовывают зелёной зелёнкой... занавеску.

— Ты чучело. Ты — ужасное чучело. Ты чучело обло, озорно, огромно, стозевно и...

— Мяу! Вот этого я тебе никогда не прощу. «Обло» — это значит толстое. Завтра вместо устриц у нас на завтрак суп из сельдерея. Я на диету сажусь.

— Я передумал. Юлечка, выпей еще коньячку, солнышко. Вкусный такой коньячок. А то ты давно ничего не пила, у тебя обезвоживание началось.

— Помнишь анекдот: «Объективная реальность — это бред, вызванный недостатком алкоголя в крови»?

— Хватит уже болтать. Иди ко мне...

* * *

...Мишенька, здравствуй. У меня к тебе просьба на миллион долларов. Мне нужно, чтобы ты пошел к нам домой, включил компьютер, зашел в «Outlook» и стер последнее письмо от меня. Пароль qwak150, а имя пользователя, если я не ошибаюсь, voloshin.

Если пароль не подойдет — значит, Олег его поменял, и это будет у нас такой знак провала. Придумаю тогда что-нибудь другое.

Ты не пугайся, ничего смертельного. Просто я письмо отправила с предложением, от которого невозможно отказаться, а Олег его прочитать не успел. А я на него сейчас посмотрела и поняла, что готова предложение забрать обратно.

Да, последовательность никогда не была моей сильной чертой. Да, дура. Да, раньше надо было думать.

Видишь, я сама всё знаю.

Мишенька, миленький, ключи от квартиры я когда-то давала Машке. Насколько я помню, они висят на вешалке в прихожей.

Я тебя люблю. Наполовину чистой и бескорыстной любовью, а наполовину — по расчету.

И напиши мне сразу, хорошо?

Машку целуй. От нее мне на этот раз ничего не надо, так что ее я люблю просто так, без всякой задней мысли...

* * *

Суньцзы сказал:

«Тонов не более пяти, но все изменения пяти тонов невозможно услышать. Цветов не более пяти, но все изменения пяти цветов невозможно увидеть. Вкусов не более пяти, но все изменения пяти вкусов невозможно перепробовать».

* * *

За два дня до карнавала Юля развернула бурную деятельность. Для начала мы отправились по магазинам искать костюмы. На вопрос, что именно мы ищем, возлюбленная супруга отвечала уклончиво: «А хрен его знает». Я предлагал ей костюм Мальвины и даже готов был вырядиться пуделем Артемоном. А что, по- моему, хорошая идея. Всегда мечтал быть собакой в хорошей семье. Тем более что в плохую погоду собаку никто из дома не выгонит, а меня запросто могут. И запросы у меня скромные: миска борща с косточкой, а эти ваши устрицы сами ешьте. Мне всегда кажется, что они потом пищат в желудке от ужаса и безысходности. Я так не могу, честное слово.

Но Юлька сказала, что зоофилия никогда ее не привлекала, а слово «поноска» вообще кажется ей совершенно неприличным. Так что она отправилась куда-то в район порта, а меня с собой брать отказалась. Мотивируя это тем, что я ее компрометирую своей бледной рожей, чистыми ботинками и аристократическими замашками. Вернулась она через два часа с ворохом каких-то разноцветных тряпочек, ленточек, финтифлюшечек и прочей мишуры. Вооружилась ножницами и наперстком, а меня усадила клеивать зеленую мочалку подозрительного вида и запаха.

Я, грешным делом, решил, что Юля хочет нарядиться болотной кикиморой, но меня постигло страшное разочарование. Оказалось, что зеленая мочалка — это неотъемлемая часть костюма Морского дьявола. В котором я проведу лучшие три дня своей жизни. Ведь моя обычная жизнь скучна и бедна событиями, а тут такая возможность немножко скрасить серые будни, нельзя ее упускать. И потом, зеленая мочалка очень мне идет. Неужели я сам не вижу? Как это я до сих пор жил без зеленой мочалки? То-то я всю жизнь чувствую, что мне чего-то не хватает. Так «что-то» — это зеленая мочалка.

«Тем более, — сказала Юля, — я за последнее время с Морским дьяволом, можно сказать, сроднилась. Мне без него одиноко будет в чужом городе».

Я вооружился ножницами и строго спросил, каким это образом она роднилась с Морским дьяволом.

«Спасите-помогите, люди добрые, муж совсем сквозился, он меня щас ножницами задушит», — заверещала эта припадочная, я бросил в нее зеленую мочалку (потому что я всегда бросаю в жену то, что мне особенно дорого), а она в меня — подушку...

В общем, доделывали костюм мы уже на следующий день.

* * *

Надо признать, что три дня в Венеции, может, и не были самыми счастливыми днями моей жизни, но, во всяком случае, почетное второе место им обеспечено. Первое я решил пока не присуждать. Вот закончу все дела, суну Юльку в звуконепроницаемый чемодан и сбегу в Новую Зеландию, проводить самые счастливые дни. Юлька, конечно, быстренько вырядит меня сумчатым дьяволом — даже подумать страшно, чем мне это грозит. Надо ей объяснить, что самцы сумчатыми не бывают. Сумки только самкам положены. Но я, конечно, не думаю, что это ее остановит.

Портила настроение только собственная паранойя: мне постоянно казалось, что за нами кто-то наблюдает. Хотя совершенно непонятно, как можно следить за кем-нибудь на карнавале. Зеленая мочалка несколько облегчила бы эту сложную задачу, недаром она мне сразу так понравилась.

Первый день я молчал и нервно озирался, а потом поделился своими маниакальными идеями с Юлей. Вопреки ожиданиям, шутить она не начала, а практически молча заглянула в ближайшую лавку и купила два черных домино. И оставшиеся два дня мы разгуливали в черных плащах и черных полумасках, как примерно треть города. Паранойя прошла, но неприятное чувство осталось. Тем более что Юлька хихикала тихонько, что я придумал-таки способ избавиться от мочалки, но выглядела при этом на удивление серьезно. А если мозгов ей порой и не хватает, то интуиции — явно избыток.

Вдобавок ко всему вторая треть города вырядилась в

костюм Смерти. Такое впечатление, что на них была предпраздничная скидка — каждому, кто покупал один костюм, еще пятьдесят давали в подарок. Иначе трудно объяснить такой приступ танатомании, да еще и на карнавале. Правда, Юлька говорит, что я не прав, карнавал как раз самое подходящее место.

Год обещает быть плохим, потому что на открытии карнавала акробат, посыпающий центральную площадь лепестками роз, свалился с каната. Ничего страшного не произошло, просто повис на страховке, но, как любят говорить владельцы серебряных ложечек, осадок остался.

* * *

...Юлечка, солнышко, я всё сделал, как было велено. Только ты уж меня прости — письмо я перед уничтожением прочитал. Не удержался. Потом еще раз перечитал, потом выучил наизусть, разжевал и съел.

Что тебе сказать... Я, наверное, действительно сяду за диссертацию. Она будет называться «Тайны и загадки женской души. Вымысел и реальность». Как-то так. Материала у меня — просто завались. Вы с Машкой стараетесь изо всех сил. Да и Леночка Машкина не отстает. Так что на три диссертации материала, не меньше.

Вот только с ключами какая-то фигня произошла. Я их вроде потом на место повесил, а сейчас смотрю — пусто. Машка не брала. Так что я их, судя по всему, потерял где-то. Ты уж извини. Я Олегу сам позвоню, без всякой связи с тобой. Скажу, что были у нас ваши ключи и пропали. Пусть замок сменит, на всякий случай...

* * *

Суньцзы сказал:
«Тот, кто умело ведет войну, подобен змее шуайчжань.
Шуайчжань живет на горе Чаншань. Если ударить ее по голове,

отзовется хвост; если ударить по хвосту, отзовется голова. Если ударить по середине, отзовется и хвост, и голова».

* * *

«Что-то у меня плохие предчувствия, — сказала Юлька по дороге в аэропорт. — Предчувствия у меня плохие. Чувства — еще так, туда-сюда, сносные чувства, можно сказать. А предчувствия — нет, ну просто никуда не годятся. Может, ну его, этот самолет, оставайся. Моей квартирной хозяйке ты понравился. А это, между прочим, мало кому удаётся».

У нее хоть плохие, а у меня так и вовсе дурные. А тут еще, как назло, совершенно весенняя погода. Солнце жарит вовсю, на море штиль, и даже миндаль зацвел. А в Москве минус двадцать, между прочим, и снежные заносы. Радует только то, что осталось совсем недолго. Через месяц я начинаю читать курс научной этики в Марсельском университете. За месяц сложно, конечно, закончить все дела, но при большом желании вполне реально. А большое желание у меня есть.

Велел Юльке присматривать домик и выбирать щенка потолще. А я буду его дрессировать. И злобность воспитывать.

«Это лишнее, — фыркнула Юля. — Это само собой получится. Я вот в девичестве была чистым ангелом, а теперь мной можно двор охранять».

А ей щенка я не доверю. Она из него кошку вырастит. У нее собаки гуляют где вздумается и ходят сами по себе. Зато соседская кошка, пообщавшись с моей любимой несколько месяцев, ходит за ней как привязанная. Встречает после работы, а утром провожает к машине. Как это ей удаётся?

«Ветер, поднявшийся днем, сохранится; поднявшийся ночью, прекратится», — прошептала Юлька мне на ухо, целуя на прощание. А я до самой Москвы пытался понять, что же это она имела в виду.

* * *

Возьми меня, шепчет камень, согрей дыханием, положи за пазуху, я замёрз, тысяча лет прошла в тени, или хотя бы на солнце выложи, лучом коснись.

Прикасаюсь, и течет из меня тепло, где-то там, в глубине, сливается с чернотой, закручивается в спираль. вот еще чуть-чуть, буквально пару веков и гладким горячим шариком подставит бликующий бок под кий, потечет по столу, у самого края взорвется нежно бенгальским огнем, осколок войдет неслышно в кровь, коснется сердца, прогонит сон, будет долго метаться в груди, шуметь в ушах, морозить кончики пальцев, отвлекать, не давать забыть.

Собери меня, шепчет камень, посмотри на часы, ты видишь, время пришло собирать. Собери меня, по кусочку, по зернышку, по капле росы, по звезде, ничего не забудь, поддержи в руках, ощупай, найди секрет, чтобы щелкнуло в глубине, раскрылось нутро, обнажило тайну — змея с рубиновым глазом, сладкий яд во рту, то ли смерть, то ли сон, — ластится, льнёт к щеке, вьёт на горле кольцо, шепчет в ухо: усни, умри.

Поднимаю, держу, подношу к губам, пальцем веду по трещине, кожей ловлю вздох, каплю росы, свет звезды, слышу, как зерно кричит, выпуская росток, умираю, сплю.

* * *

Суньцзы сказал:

«Пребывая в порядке, ожидай беспорядка; в спокойствии ожидай шумного. В этом путь управления разумом».

* * *

«У нас тут сумасшедший дом», — сказал Мишка, встречая меня в аэропорту. Вместо «здравствуй». В последнее время эта фраза медленно, но верно становится стандартным приветствием в этом лучшем из миров. Надо бы по этому

поводу поволноваться, но если в нашем сумасшедшем доме с чем и хорошо — так это с успокоительным.

«И это никакая не гипербола, и даже не метафора». — Машина набирала скорость, и в какой-то момент мне даже показалось, что еще чуть-чуть, и в поворот мы уже не впишемся. Мишка покосился на меня, хмыкнул, но притормозил.

«Лена в Кащенко, я даже не хочу тебе ничего рассказывать, потому что лично мне вся эта история кажется полным бредом. Я думаю, что в реале дело обстояло иначе: ее украли маленькие зеленые человечки и пересадили к ней в мозг своего фиолетового друга. Фиолетовый друг раньше жил где-то в районе Сириуса, но его регулярно заливали соседи сверху, и он решил переехать. Как-то так дело было. А то, что говорят врачи и Нель, кажется мне малонаучной фантастикой в мягком переплётёте.

Ее пока привязывают. В смысле, Ленку, а не Нель. Хотя я лично вас всех бы привязал к кроватям с превеликим удовольствием. Хоть пару дней пожил бы спокойно.

Так вот, она очень просила, чтобы ты приехал. Что-то сказать тебе хочет.

Про тяжелую жизнь в районе Сириуса, не иначе».

Я немного подумал и решил, что не поеду. Во всяком случае, сегодня не поеду. Но тут Мишка сменил тему и заговорил про потерянный ключ от моей квартиры. Вроде как висел себе на гвоздике, а потом всё как водится. «Мне было довольно того, что след был от гвоздя вчера». Исчез ключ, в общем. Так что я передумал и отправился прямо в Кащенко. Мишка сначала слабо протестовал, но я решительно прогнал его с водительского места — это всегда дает мне иллюзию контроля, а я ее очень ценю. Даже, пожалуй, больше, чем сам контроль.

* * *

Мне снилось, что ты уехал и я никогда больше тебя не увижу. Потом мне снилось, что я никак не могу заснуть,

ворочаюсь с боку на бок, выхожу на кухню пить воду, потом на балкон выкурить сигарету, потом опять ложусь — но сон не идет. Под утро мне приснилось, что я заснула, глянула одним глазком на имеющиеся сегодня в наличии сны, испугалась и решила, что ну его на фиг, не буду больше спать. Часов в восемь мне приснилось, что я встала, умылась, выпила чай и включила компьютер. Сейчас мне снится, что я стучу пальцами по каким-то странным квадратным кнопочкам, на которых начертаны загадочные знаки — на каждой кнопке по два. Видимо, я вот прямо сейчас, во сне, справляю неизвестный доселе ритуал — знать бы еще, для чего он предназначен.

Через пять минут мне приснится, что я ложусь на диван, закутываюсь в плед, просыпаюсь и ныряю в теплую прозрачную воду.

Знаешь, Нелька объяснила мне, почему Морской дьявол непрерывно плачет. Он просто избавляется от ненужной соли...

* * *

— Олег Владимирович, это ваш ключ, возьмите.

— Откуда он у тебя? Впрочем, откуда — более или менее понятно. Про опустевший гвоздик мне сегодня уже пели. Сделай одолжение, объясни, зачем он тебе?

— Я могу объяснить, но вы же не поверите. Да и неважно это.

— Действительно, мелкое бытовое воровство — какие мелочи. Это у тебя приступы kleptomании? Маленькая женская прихоть?

— Это не смешно. Я отослала в Эдинбург свою рабочую тетрадь. Вы не говорите ничего, мне все равно, что вы про меня думаете. Просто я подумала, что если вы узнаете, так, может, еще уехать успеете. Хотя куда от них уедешь? Я за последний месяц столько всего узнала — долго рассказывать, а у меня голова очень болит.

— Ты что, с ума сошла? Какую тетрадь? Когда? Кому? О господи! Ты хотя бы понимаешь, что натворила?

— Не трясите меня, Олег Владимирович. У меня голова болит. И я — да, я сошла с ума. Позовите медсестру, если вам несложно. Скажите, что мне плохо, пусть принесет снотворное.

* * *

Суныцзы сказал:

«Тот, кто знает врага и знает себя, не окажется в опасности и в ста сражениях. Тот, кто не знает врага, но знает себя, будет то побеждать, то проигрывать. Тот, кто не знает ни врага, ни себя, неизбежно будет разбит в каждом сражении».

* * *

Я медленно поднимаюсь по лестнице, отпираю входную дверь — может, и правда сменить замок? Юлька ведь никогда в жизни не соберется.

Вздрагивает в кармане сотовый: Нель всегда отвечает на SMS сразу.

«Нель, привет. Я не приду больше, работай спокойно».

«И тебе привет. Куда ты не придешь? Чтобы я была готова».

«Не прикидывайся душой, тебе не идет. В лабораторию не приду».

«Да ладно, мы справляемся. Ю ар велкам, дарлинг».

«Давай, может, я позвоню, а то годы мои уже не те, чтобы в кнопочки пальцем тыкать».

«Я не могу разговаривать, я на совещании».

«Ну, тогда приходи в гости, у меня для тебя от Юльки маленькая посылочка на 8 кг».

«Хорошо, я только взорву институт и сразу приеду. Часа два займет».

«А я тогда взорву министерство, чтобы не идти завтра на работу».

«Тогда уже надо сжечь почту, телефон и интернет».

«И останемся мы одни на дымящейся планете».

«Мы и так одни на дымящейся планете. Всё, я пошла докладывать доклад ☺ До вечера».

Я принимаю ванну, ставлю шампанское в холодильник, меняю постель. Бреюсь? Да, конечно бреюсь.

Цикл завершен, пусть не так, как я планировал, но завершен.

Я сажусь в кресло, наливаю в стакан виски, щелкаю пультом телевизора.

Краем глаза замечаю мелькание черной тени в зеркале. Легкое, едва уловимое прикосновение к затылку — и на меня наваливается чудовищная лень. Воздух останавливается в лёгких, свет в комнате медленно гаснет. Мне кажется, я еще мог бы вдохнуть, если бы только вспомнил зачем.

* * *

...Я уже просто не знаю, что делать со всеми этими снами. Снятся и снятся, никакой на них управы. Может, не ложиться спать? Я вот недавно прочитала про новое лекарство, не помню, как называется. Для улучшения качества сновидений. Может, мне его враги подсыпают в коньяк по вечерам? Надо выяснить, что за пилюли такие и существует ли в природе противоядие.

Мне сегодня снилось, что я стою в большой белой комнате, а на стенах зеркала. Очень много зеркал. И тыходишь ко мне сзади и обнимаешь. Не знаю, как объяснить. До того как ты подошел, мне вроде нормально было, а ты такой теплый, чуть ли не горячий, и я вдруг понимаю, до чего же мне было холодно. Просто я не замечала, а теперь вот заметила.

И тут вдруг все твои отражения в зеркалах оживают, окружают меня, хватают за руки, уводят от тебя, кружат — и я перестаю понимать, где же настоящий ты. Хожу между ними, трогаю — а они все холодные и ненастоящие. А в каком-то дальнем зеркале стоишь настоящий ты, я по улыбке понимаю,

что это ты, и даже на расстоянии чувствую тепло. Кидаюсь к тебе и натыкаюсь на стекло. А ты не двигаешься, только улыбаешься. Я бью по стеклу и просыпаюсь. А ты там остаёшься. Черт знает что такое, а не сон...

* * *

Суньцзы сказал:

«У полководца пять опасностей.

Стремящийся умереть может быть убит.

Стремящийся жить может быть пленён.

Легко приходящий в ярость и необдуманно действующий может быть оскорблён.

Желающий быть добросовестным и чистым может быть опозорен.

Любящий людей может оказаться в затруднении».

ЭПИЛОГ

«Морской дьявол, — говорит она, — а Морской дьявол. Достань мне со дна ракушку, ну что тебе стоит? А то я не могу никак, никак не могу, мне воздуха не хватает». И пяткой мокрой по камню постукивает. А глаза закрыла, даже и не смотрит на меня. Как будто ей все равно.

Ну и ладно, мне тоже все равно. Достану ей ракушку, действительно, ну что мне стоит? Тем более что сидеть на камне невозможно — кожа пересыхает, глаза слезятся и сердце колотится, словно не моё. Слишком много воздуха, душа моя, слишком мало воды.

Я ныряю, без шума ныряю, без всплеска ныряю, даже круги по воде не идут, вот как тихо ныряю — и сразу на дно. Нахожу ракушку, двигаю возле нее рукой, отгоняю песок. Осторожно поднимаю над головой, а лучи солнца окружают ее со всех сторон, пляшут на выпуклом глянце, норовят заползти внутрь — но натываются на невидимую преграду и проливаются мне под ноги мелкими бликами. Я поднимаюсь на поверхность, медленно поднимаюсь, без шума поднимаюсь, без всплеска, она даже глаза не открывает, вот как тихо поднимаюсь, и кладу ракушку ей на колени.

«Спасибо тебе», — говорит она и прикладывает ракушку к уху. Я знаю, люди всегда прикладывают ракушку к уху — они говорят, что там, внутри, шумит море.

Глупые люди.

* * *

Юлька, куда ты все время исчезаешь? Я после кладбища сбежала лекцию читать, потом до кровати доползла и отключилась. А утром мне твой автоответчик сказал, что ты

обратно в Милан улетела, то есть в Марсель, конечно. Я из-за тебя их начала путать. Еще должна тебе наябедничать: автоответчик в твое отсутствие напивается, а потом грубит в трубку, и язык у него заплетается. Приезжай, пожалуйста, и прими меры.

И вот еще, дорогая подруга. Либо ты мне прямо сегодня пишешь подробный отчет о своих планах и намерениях, либо я прямо завтра сажусь в первый самолет до Милана и лечу в Марсель. Так и знай. Потому что я вообще не понимаю, что это такое происходит в последнее время, а я, между прочим, научный работник, я не умею не понимать...

Целую, обнимаю, но ты не расслабляйся в моих виртуальных объятиях, а срочно пиши ответ.

* * *

Любимая, радость моей жизни, цветок моей селезёнки, свет очей моих, колокольчик моих ушей, теплый ветерок моей кожи, копчёная селёдка моего языка...

Хочешь, я убью свой автоответчик? И принесу его дымящиеся обломки к твоим прекрасным ногам? Конечно, я его своими руками подключила и теперь я за него в автоответе, но ради тебя я готова переступить через всё!

Ну вот, лирическое вступление окончено, и я перехожу к делу. Конечно, прилетай ко мне в Милан, Марсель пуст без тебя. Но если тебя действительно одолела тяга к перемене мест, так, может, ты лучше слетала бы в Эдинбург? Потому что я хоть и не научный работник, но мне тоже не нравится не понимать. А я сразу в двух местах не понимаю, в Марселе и в Эдинбурге. Но я же не могу одновременно быть в двух местах — технически это не так уж сложно для юного демиурга вроде меня, но неохота сокращать количество городов, в которых хорошо, потому что нас там нет. Кроме того, если в Марселе я, может, и разберусь своими силами, то в Эдинбурге без твоих университетских связей все равно ничего не получится.

Всё, больше писать не могу. По объективной причине, разумеется. Бутылка коньяка заканчивается, и надо выходить

за следующей. Так что спокойной тебе ночи, а подробности про свои марсельские страхи я тебе завтра по телефону расскажу.

* * *

До чего же мы с тобой коварные — просто сердце радуется. Я еще подумала немножко после нашего разговора, с Костиком посоветовалась и билет заказала. Причем в Эдинбург, а не в Париж, заметь. Не буду тебе рассказывать, чего мне это стоило, а то ты потеряешь сон и покой. Пока что в нашем блестящем плане наметилось одно уточнение. Небольшое, но очень решительное: Костик категорически не готов отпускать меня одну. На моей памяти слово «категорически» Костик произносит то ли в третий, то ли в четвертый раз. При одном разе ты, кажется, присутствовала — когда он бутылку Камю об стену шваркнул. В общем, я рисковать не стала и заказала два билета. Чтобы два раза не ходить, сама понимаешь. Так что мы летим уже в конце недели. Кстати, что это за Черный человек, о котором Олег во сне говорил?

Кстати о сне.

Я тебе хочу одну вещь сказать, чтобы больше уже к этой теме не возвращаться. А то мы ходим вокруг да около и так старательно об этом не говорим, что мне тошно делается.

Понятия не имею, зачем мы переспали. Я Олега не любила и даже, если честно, не хотела. Хотя черт его знает, может, это мне сейчас так кажется. А что я тогда думала — не помню. Но у меня какое-то жуткое время было, постоянно казалось, что сердце вот-вот остановится. Ну и я искала что-нибудь, чтобы его толкнуть лишний раз. Знаешь, как вшивают под кожу сердечный стимулятор.

Вообще, представь такой сердечный стимулятор, с кнопками. Есть кнопка — нормальный ритм. Немножко учащённый — влюбленность. Слабый и прерывистый — философские размышления... Надо Косте предложить идею. А с другой стороны, лучше не рисковать, а то ему предложишь идею, а через полгода поступит в продажу, того и гляди...

В общем, прости меня, если что.

Когда мы с Олегом в последний раз виделись, он сказал: «Самое приятное в нашем романе — то, что нам расходиться некуда. Дальше, чем мы сейчас, уже невысказано оказаться. По разные стороны баррикады...»

А я ему ответила, что и сблизиться нам уже некуда: мы уже навсегда на одной баррикаде. Хотя и с разных сторон, конечно.

Ну, выпили за это. Приятно знать, что возможна все-таки гармония в человеческих отношениях.

Но он ошибался, как, впрочем, и я. Теперь мы по разные стороны Стикса, и вот тут уже дальше оказаться действительно невысказано.

Ну вот, слава богу, сказала.

Ты поосторожней там в своем Марселе, ладно? Мало ли что...

* * *

Да ладно тебе, Нелька, я всё понимаю. Знаешь, я ревновала его к тебе, с самого начала ревновала. Вот ко всем его бесконечным бабам не так ревновала, как к тебе. Между вами такие молнии всегда летали — страшно было рядом стоять. И я же всегда видела, что ты ему больше подходишь, чем я. Ну ведь не даром столько лет прошло, а стоит вам рядом оказаться, как сразу вспыхивает всё вокруг синим пламенем. И я даже сказала ему как-то по пьяни. А он ответил — тоже не вполне на трезвую голову, как ты понимаешь: мне не надо, чтобы она была рядом. Мне надо, чтобы она была напротив.

Придурок, ну какой же придурок, прости господи! Одна сплошная войнушка в башке. Была.

И я понимаю, почему он к тебе кинулся. Когда мир рушится, нужен кто-то близкий. Пусть враг, лишь бы не чужой.

Я всегда вычисляла его баб по улыбке. У него какая-то улыбка была заразная, что ли. Ко мне она давно прицепилась, еще в самом начале. Ну и я раз в пару месяцев ее узнавала. То в гостях, то на улице кто-нибудь подходил. Мол, здравствуйте, Олег, какая неожиданная встреча, а это ваша очаровательная

жена, надо полагать?

А сейчас всё наоборот. Помнишь, когда мы после похорон ехали в машине, я тебя попросила улыбнуться? Это я его улыбку ждала. А ты улыбнулась своей, привычной. И я подумала: это из-за того, что он умер. Все разом расколдовались. А потом случайно свое отражение в зеркале увидела — нет, всё на месте. Кот исчез — улыбка осталась.

Это логично на самом деле, что на тебя его волшебство не действует. Это же любовная магия, а не боевая. Вот смерть его ты почувствовала, в этом я почему-то абсолютно уверена. А улыбка — что. Вы же не для улыбок встретились...

* * *

Ну хорошо, я более или менее поняла, что мне нужно делать в Эдинбурге. А Костик вообще оделся в черное и перешел на мартини. Я очень волнуюсь: если его на таможне спросят имя, он может не сдержаться и честно ответить, что его зовут Бонд. Джеймс Бонд.

Но мне совершенно непонятно, чем ты там в Марселе занимаешься. Ну, допустим, есть у тебя подозрение, что все твои совпадения с гаданием подстроены. Не будем сейчас уточнять, зачем это твоим марсельским друзьям понадобилось, — у нас для этого информации мало. Мы даже не знаем, страдала их бабушка от шизофрении или, наоборот, наслаждалась маниакально-депрессивным психозом. Просто примем как рабочую гипотезу. Предположим, да. Предположим, этот твой Этьен свихнулся на почве своей загадочной болезни и решил поиграть в господа бога. Бывает. Так почему бы тебе не пойти к нему и не спросить прямо: «Господи, неисповедимы пути твои, благи замыслы твои, наставь меня, неразумную, на путь истинный, открой мне тайну: кто моего мужа убил?»

Он тебе непременно правду скажет, потому что боги не врут. Это ниже их достоинства.

Но если честно, мне это кажется какой-то литературщиной дурного пошиба. Ну, я понимаю, подкинуть тебе немножко

денег — это вполне хороший тон для тяжело больного демиурга. А убивать... Фи, это как-то неинтеллигентно. Хотя черт их всех разберет, я в последнее время вообще людей перестала понимать. Вот получу Нобелевскую премию и куплю себе какой-нибудь дешевенький островок в Тихом океане. А то я так не играю — если уж всё равно экзистенциальное одиночество, то зачем тогда соседи? Мне и то и другое не потянуть, годы мои еще пока не те. Так что остается один выход — необитаемый остров. Или даже лучше — необитаемая планета. Опустите мне веки, укусите меня змейй, засыпьте мое тело песком, короче говоря. А я шарфик поправлю, улыбнусь загадочно, и только вы меня и видели. Потому что сил никаких нет на социальные взаимодействия, черт их побери совсем...

* * *

Здравствуй, моя радость!

Извини, что давно не писала. Пару дней назад, разбирая документы, наткнулась на медицинскую страховку, которую сделала пару месяцев назад, по наводке Этьена, как я теперь понимаю. На сон грядущий читала страховой полис, после чего меня всю ночь мучили кошмары. Я попадала в аварию, тонула в пруду, а под утро на меня напала стая диких кабанов. Нель, ты биолог, вот скажи мне: дикие кабаны ходят стаями? Или бродят по лесу в одиночестве, мучительно завидуя волкам или хотя бы баранам? Из всего перечня мне не приснился только пожар и падение с высоты. Что я не замедлила восполнить наяву: утром вышла на набережную и свалилась с лестницы. Как выяснилось впоследствии, вывихнула запястье. После чего села на камушек выкурить утешительную сигарету и подождала прядь волос. Самое смешное, что за вывих я действительно получу немножко денег. Только надо будет осторожно с ними обращаться: на солнечном свете они могут превратиться в саламандру. Нелька, я не буду спрашивать, ходят ли саламандры стаями, ты мне только скажи — они не кусаются? А то я хотела бы как-то подготовиться, хотя бы морально.

Теперь по ночам просыпаюсь оттого, что грызу повязку на руке. Какой-то мелкий ужас тоненьким голосом вопит еле слышно, что тесно, страшно, больно, что его похоронили заживо, что воздуха не хватает, а дальше уже просто скулит жалобно. Я баюкаю, пою песенку, иду в ванную выпить таблетку, но сворачиваю на кухню и пью коньяк — почему бы мне его с вечера не поставить возле кровати, ты не знаешь? Хотя, конечно, это было бы слишком просто.

Самое ужасное, что я после этого вывиха наконец-то поняла: всё кончено, Олега нет и не будет больше никогда. Как будто через маленький разрыв связок заползла чернота, и вся моя тщательная защита, вся моя философская мудрость развалилась на мелкие кусочки. Наподобие этих новых лобовых стёкол, которые вообще-то никогда не бьются, но если уж все-таки бьются — то вдребезги. Никаких компромиссов.

Вот ведь странно, если подумать. Каким-то мистическим образом внутренняя цельность неразрывно связана с внешней целостностью. По крайней мере у меня. От малейшего пореза на коже рождается трещина и растет с каждым днем, прорастает корнями вглубь, и вот уже оглянуться не успеешь, как она щекочет самое нутро, по капельке вливая в душу холод и пустоту.

Может, есть какое-нибудь логическое объяснение, как ты думаешь? Может, это природа так специально придумала, чтобы мы с ранами на теле не прыгали, как клоуны, а забивались в угол и зализывали ранку, пока не затянется, и слёзками поливали, чтоб никакой злой микроб не проник...

Так что я планирую посидеть пару дней дома, тем более что заняться мне совершенно нечем. До отъезда еще целая неделя, менять билет хлопотно, да и незачем, а погода за окном необыкновенно мерзкая, даже для побережья.

Собираюсь сегодня варить борщ одной левой. И если мне это удастся, то готовься к тому, что вы меня потеряете: я сбегу с бродячим цирком, чтобы не губить призвание.

Только не говори мне, ради всего святого, что я уже давным-давно в труппе, — я, если честно, и сама догадываюсь.

Целую тебя нежно.

* * *

«Морской дьявол, — говорит она, — а Морской дьявол. Ты почему все время плачешь?»

Я пожимаю плечами и вытягиваюсь на мокром камне.

Какая разница?

Ты смеешься, я плачу, но ведь об одном и том же, душа моя, об одном и том же.

Не надо слов, лучше побрызгай на меня водой. А не то кожа потрескается — потом за три луны не залижешь.

Она берет ракушку, подставляет под волну и опрокидывает мне на живот.

Потом зачем-то подносит ее к уху и смеется.

* * *

Зря ты волновалась, долетели мы нормально. Не знаю, как там у вас в Марселе, а у нас в Эдинбурге погода — просто какое-то наказание господне. Третий день дождь, град и собачий холод. Как мне удалось вытащить Костика из гостиницы с камином и баром — понятия не имею. Теперь он бурчит, что я черствая и бездуховная, а это, между прочим, неправда. Вчера, например, я очень остро ощутила бессмертие, а это говорит о высоком духовном развитии, так в журнале «Космополитен» пишут. Хотя единственный журнал, которому я верю безоговорочно, — это «Nature», но они про бессмертие вообще ничего не пишут, а это как-то подозрительно. Может, заговор?

Прошли мы с Костиком по местам боевой славы. Во-первых, вроде как разведка боем, а во-вторых, местный университет — самая любимая моя альма-матер из всего сонма альма-матерей, в которых мне довелось поучиться. А потом засели в библиотеке, обложившись всевозможными списками: список патентов за последние пять лет, список всех фирм и лабораторий Шотландии и самый главный список — всех участников университетского семинара. Потому что, если мне не изменяет интуиция, всё сходится на университете. Может,

мне они писали бескорыстно, но Леночку приглашали уж точно неспроста.

Так вот, сидим мы, сверяем все эти списки, и в какой-то момент Костик поднимает голову и говорит обречённо: «Ну ты хотя бы понимаешь, что эти бумажки никогда не закончатся? Ни-ко-гда»!

Мы друг на друга посмотрели, и тут внезапно потемнело, воздух сгустился, стрелки часов остановились, и на наши незащитные души обрушилась вечность. И мы замерли посреди этой вечности, как беспомощные младенцы, сжимая в замерзших пальцах бесполезный обрывок пуповины...

Не знаю, сколько мы так просидели, — по-моему, стрелки действительно не двигались. А потом что-то громыхнуло в соседней кабинке, и мы пришли в себя. Встали, не сговариваясь собрали листочки и домой пошли. Вернее, в гостиницу. По дороге купили бутылку «Талискера» и так напились, что Костя начал спрашивать, почему я с ним развелась. А я вместо ответа поинтересовалась, зачем он на мне женился.

Так, с шутками и прибаутками, мы добились бутылку, порыдали друг у друга на груди и заснули, не приходя в сознание.

Сейчас Костик принимает холодный душ (хотя, зная его привычки, я склоняюсь к мысли, что он принимает горячий душ за холодный) и громко клянётся, что больше никогда в жизни в рот не возьмет эту гадость. А я борюсь с искушением подойти к нему, заглянуть в глаза и сказать нежно: «Эту ночь я не забуду никогда, дарлинг». Но страшно. Если ему откажет чувство юмора, так он и прибить может ненароком.

После завтрака вернемся на наши галеры.

Целую тебя. Вечером напишу.

Вот черт, ни на что времени не хватает...

* * *

Знаешь, Нелька, у меня всегда было такое чувство, что время — это какой-то грандиозный розыгрыш.

А сейчас я вообще в этом уверена. Все эти причинно-следственные связи — мы же полжизни учились их устанавливать. Нам казалось, что вот это вот и есть ответственность — понимать, что за причиной идет следствие. А теперь, мне кажется, мы еще полжизни будем учиться их разрывать. Потому что ведь, по большому счету, что связывает причину и следствие? Настоящее. Настоящее, которое настолько неуловимо, что и нет его вовсе. Попробуй прикоснись к нему.

Вот понимаешь, у меня в голове такая каша из воспоминаний, а мне всё кажется, что если я расставлю их в правильном порядке, то всё в итоге получится совсем не так. И я их перемешиваю снова и снова, но Олег все равно мертв, как ни крути.

Да ну брось ты, какое время? Вспомни хотя бы, сколько лет мы с тобой уже живем эту самую половину жизни. Когда ни сядем пить — оппа, полжизни живем, полжизни осталось. Уже лет десять, наверное. Такая, знаешь, задачка про смерть, которая никогда не догонит Ахиллеса.

Ну ладно, теперь про главное. Чтобы ты не думала, что я тут бездельничаю, пока ты разбрасываешь листовки во вражеском тылу.

Я вчера нашла Этьена. Не спрашивай, как мне это удалось. Мне придется исписать листов тридцать мелким почерком, а мой мелкий почерк ты все равно не сможешь прочесть. Я и сама не могу. Так что опустим эти тридцать листов моего темного прошлого, там все равно ничего интересно. Подкуп, шантаж и попытка соблазнения должностного лица, находящегося при исполнении супружеского долга. При встрече расскажу.

Короче, вчера я его нашла и прямо вчера же с ним поговорила. Ты мне поверишь, если я тебе скажу, что меня к нему не пускали, а я залезла через окно? Ну и зря не поверишь, потому что так оно все и произошло.

Он в больнице. Собирается умереть со дня на день. Со мной встречаться не хотел, чтобы я не видела его таким. Каким таким, я не очень поняла. Лежит себе на кровати в пижаме то ли от Кардена, то ли от Диора. Я не очень в курсе, от кого

бывают пижамы. И запах такой в палате. То ли от Диора, то ли от Кардена... Большими деньгами пахнет, в общем. Ну вот, а посередине пижамы лежит Этьен. Борода подстрижена, волосы уложены, на челе задумчивость, в руках томик Бодлера. «Душой, — говорит, — я бешено устал».

Ты знаешь, я даже спрашивать его ни о чем не стала. Не могу тебе объяснить почему. Сама не понимаю. Я вдруг почувствовала, что это совершенно бессмысленно — выяснять, кто Олега убил. Потому что как ни крути, как ни выясняй, все равно окажется, что либо я, либо ты. А оно нам надо — знать, кто именно? Мне не надо.

Только что пришел почтальон, принес какой-то пухлый конвертик. Что-то мне подсказывает, что ничего хорошего я там не найду.

Пойду искать нож для бумаг. А то непонятно, как открыть конверт без ножа.

Целую.

Завтра позвоню.

* * *

Я, наверное, брошу биологию и начну задачки сочинять для старших научных сотрудников младшего возраста. Вот такая, например, задачка. «Юлечка обещала Нелечке, что позвонит завтра. А сама не позвонила. Спрашивается, где у Юлечки совесть, пусть пальчиком покажет».

Или вот еще такая задача. «Костик с Нелечкой битую неделю разыскивают Черного человека, после чего Костику в голову приходит оригинальная мысль: а вдруг этот человек действительно черный? В течение следующих пятнадцати минут Костик с Нелечкой находят в университете загадочного шотландца афроамериканской наружности, разговаривают с ним в коридоре и даже успевают найти телефон Интерпола в Эдинбурге. Больше ничего не успевают, потому что пятнадцать минут заканчиваются. Так вот, в задаче спрашивается, где были их талантливые головы раньше. Опять-таки, пусть покажут пальчиком».

В общем, подробности я тебе расскажу при встрече, а сейчас мы с Костей бежим в магазин, чтобы купить подарок Светочке. А то если мы его не купим, лучше нам быстренько что-нибудь запрещенное клонировать и в Интерпол сдать — всё не так страшно.

До встречи!!!

* * *

Юлька, ну что происходит, я же волнуюсь! Ты в Марселе застряла или где-то по дороге? Или ты тут от меня прячешься? Немедленно появляйся, а то я обижусь!

Я от одиночества и отчаяния чуть было не вышла замуж. За представителя Интерпола, между прочим. Мы с ним коротали весенние вечера над протоколами допросов или чего-то в том же духе, потом он меня пригласил на прогулку по набережной, а я от прогулки по набережной не умею отказываться. Надо, кстати, срочно учиться, а то как-то глупо, когда личная жизнь зависит от запаха сирени. А может, наоборот, мудро. Может, так и надо, а до меня только сейчас дошло, да и то не вполне?

В общем, я уже практически ходила по краю и готовилась рухнуть вниз, закрыв глаза, но тут раздался звонок в дверь. Кто бы, ты думала, стоял на пороге? Конечно Костик. И я, главное, сама виновата. Когда мы в Шотландии пошли покупать подарки, у меня голова разболелась и я решила Костю подождать в кафе. Так пока я там чай гоняла, этот красавец купил Светочке юбочку в подарок. Красивую такую юбочку. А мне даже в голову ничего не пришло. Ну юбочка, замечательный подарок. «Конечно, дорогой, Света будет в полном восторге. Нет, дорогой, я не хочу посмотреть, у меня голова болит. Да, нам уже пора собираться, а то на самолет опоздаем».

Вот ты небось сразу догадалась, что он Светке килт привез? А я так ничего и не заподозрила.

Светка разозлилась ужасно. То ли потому, что подарок не женский, то ли потому, что на размер меньше оказался, — я так и не поняла. И Костя не понял. Но на всякий случай сбежал

из дому. А я оказалась на распутье — то ли замуж выходить, то ли с другом напиваться. Победила, как водится, дружба.

Хотя Костик на фоне Интерпола не ахти как смотрится. Я так думаю, это потому, что он совершенно не умеет носить свое прекрасное тело. Оно висит на его прекрасной душе мешком и морщит на лбу. Просто беда какая-то. Хотя, конечно, не мне говорить, ох как не мне...

И знаешь, что я тебе еще скажу? Мы все умрем идиотами, вот что.

А теперь бросай все дела и пиши мне, что ты жива, здорова и еще что-нибудь жизнеутверждающее.

Даже и не жди прощального поцелуя. Все равно не дождешься.

* * *

Юлька, ну я не понимаю, у тебя совесть есть? Ну допустим, в Марселе землетрясение, наводнение и извержение вулкана, поэтому электричества нет, интернет только по карточкам, а последний конверт ты потеряла. Но почему тебя дома не было, когда я приезжала? Вот этого я совсем не могу понять.

Да, не удивляйся, села на самолет и прилетела. Постояла под дверью, поговорила с твоим соседом (что значит на каком языке? На французском, разумеется! Я же французским владею свободно и без словаря. В рамках фраз «кес ке се» и «нон парле»), прогулялась по набережной и улетела обратно. Можешь теперь застрелиться от горя.

На набережной я познакомилась с очаровательным художником Мишелем (если я правильно интерпретировала его загадочные жесты и невнятное бормотание). Ты его знаешь, у него среди прочих рисунков висит твой портрет. Я в тебя потыкала пальцем, и у нас завязалась оживленная беседа. Только я не поняла: это он тебя любит безумно или ты его? Впрочем, в данном конкретном случае это совершенно неважно.

Знаешь, он дал мне кисть и бумагу и разрешил порисовать. Совершенно невероятное ощущение: я прикоснулась кистью к

холсту (по-моему, это вовсе даже и не холст был, а обыкновенный ватман, но «кистью к холсту» слишком уж красиво звучит, так и хочется повторять), провела рукой и поняла, что если остановлюсь, то так никогда и не узнаю, что же там может оказаться. Как будто у этого рисунка уже есть вполне определенное будущее, а настоящего пока что нету. И единственный способ узнать — это дорисовать до конца.

(Можно было бы провести множество замечательных параллелей, но я удержусь. И так понятно, в общем-то.)

Я чуть не поседела окончательно, пока рисовала, а там оказалась всего-навсего лошадь. Правда, очень красивая и грустная лошадь, но до тайны мироздания она все-таки не дотягивала. В общем, я разочаровалась в себе как в художнике и даже расплакалась. Но прекрасный Мишель утешил меня, подарив твой портрет. Я повесила его в кабинете и собираюсь поливать слезами. Он от этого испортится, краски поплывут, и ты станешь некрасивая. Неужели даже такая ужасная перспектива не заставит тебя немедленно появиться?

Тогда я даже и не знаю, как быть...

* * *

Юлька, уже лето на дворе, а тебя всё нет. А я всё продолжаю тебе писать письма. С упорством, достойным лучшего применения, как говорит твоя мама. Это я вчера провела вечер в кругу твоей семьи. Мама учила меня жизненной мудрости (а то у меня всё остальное уже есть, осталось только жизненной мудростью разжиться), а Мишка, наоборот, рассказывал, что все мои несчастья оттого, что я хочу быть хорошей. Велел подумать об этом на досуге. К счастью, досуга у меня никогда не бывает, так что, считай, повезло.

Нет, ну я не понимаю, какая разница, каким хотеть быть? Я хочу быть хорошей, соседка Вилена Юрьевна хочет быть плохой, а сам Миша хочет быть свободным от оценок. Векторы, возможно, разные, но принцип тот же самый. Есть идеал, есть стремление к идеалу и есть фрустрация в момент осознания недостижимости идеала. Но Мише я постеснялась это

говорить. А то еще решит, чего доброго, что я недостаточно хорошая...

Нашла вчера пакетик жасминового чая, который ты мне привезла из Венеции.

Я достаточно легко смирилась с тем, что в моей машине некуда поставить чашку кофе. Ну и черт с ней, с чашкой, подумала я. Не больно и хотелось. И на два года думать забыла о чашках.

Но сегодня внезапно выяснилось, что чашку с жасминовым чаем (с ложечкой мёда) в моей машине тоже некуда поставить, а вот это уже совершенно невыносимо.

Есть ведь, наверное, какие-нибудь приспособления, чтоб в них чашку поставить? Как ты думаешь? Только не с кофе, а с жасминовым чаем, пусть они и дороже стоят, мне никаких денег не жалко. А то так и буду ходить, облитая жасминовым чаем (с ложечкой мёда).

Это я так плачу, если ты не поняла.

Так и буду писать длинные письма без всякой надежды на ответ. День за днем. Месяц за месяцем. Год за годом...

* * *

Единственное, на что я рассчитываю, — если бы с тобой что-нибудь случилось, об этом непременно сообщили бы в вечерних новостях. Потому что ничего обычного за все время нашего с тобой знакомства с тобой не происходило. Я, в общем-то, видеть тебя вовсе даже и не хочу. Просто мне любопытно. Ну что стряслось? Что?!!

Я подхватила какой-то гадкий вирус. «Мечта лентяя» называется. Температура высокая, но ничего не болит. Пока лежу в кровати, всё замечательно, а стоит встать — и сразу падаю. Хотела поработать, но Дина категорически отказалась присылать мне материалы. Сказала, что я слабенькая и мне надо отдыхать.

За два дня безделья я успела посмотреть три фильма, прочитать идиотский детектив, примерно десять часов проплакать и в итоге написать сказку. А что ты думала? Ты

исчезла, надо же кому-то сказки писать!

Вообще знаешь, что я тебе скажу? Зря я занялась клонированием нервов. Это глупое занятие. Нервы не клонировать надо, а выплавлять из стальной проволоки. Иначе не выживешь.

Пойду кашу себе сварю. Геркулесовую. А то я слабенькая... Да, чуть не забыла про сказку.

«Жили-были на белом свете хорёк и хомячок. Хорёк был красив и стремителен, а хомячок всего на свете боялся и даже в зеркало ни разу в жизни не посмотрел. Потому что не хотел расстраиваться.

Когда-то в детстве хорёк прочитал книжку, в которой было написано про колесо сансары. И с тех пор он начал жить праведно и без лишней необходимости никого не убивал. Потому что он теперь знал, что его жизнь — это всего лишь коротенькое звено в длинной цепи перерождений. А родиться в следующей жизни какой-нибудь мерзостью ему не хотелось. Вот и старался как умел.

А хомячок тоже в детстве прочитал книжку про колесо. И гораздо внимательнее, чем хорёк, надо заметить. И с тех пор он это самое колесо крутил при каждой возможности.

И вот однажды волею судьбы (а может, даже Судьбы, это же нельзя знать наверняка) хорёк и хомячок оказались в одной клетке. Не знаю, как это произошло, — то ли хорька поймали юные натуралисты, а хомячок предназначался ему в качестве ужина, то ли еще чего. Неважно, в общем.

Проснулся хорёк и увидел хомячка в колесе. И что-то такое у него перемкнуло в голове спросонья, но показалось ему, что это вот то самое колесо сансары и есть. А мышь внутри — это главное такое существо, от которого его, хорька, бессмертие теперь зависит. Потому как если мышь остановится, то никакого перерождения не будет. С одной стороны, есть в этом свои плюсы. Можно, например, прекратить праведно жить, вот прямо сейчас взять и прекратить. А с другой стороны, а смысл? Все равно ведь в клетке не разгуляешься.

Но с надеждой на бессмертие трудно расставаться, тем

более что к хомячку хорёк уже и привыкать начал. А хомячок рад бы остановиться, да страшно: а ну как съедят?

Так они и жили в клетке. В любви и согласии».

Только я теперь не знаю, как эту сказку закончить. Пусть, наверное, так полежит, пока ты не появишься...

* * *

«Морской дьявол, — говорит она, — а Морской дьявол. Забери обратно свою ракушку. Я больше не хочу слушать море».

И вдруг начинает плакать. Впервые вижу, как она плачет.

Я трюсь об ее щеку и слизываю маленькую круглую слезинку.

Хочешь знать, о чем человек плачет? Выпей его слезу.

Хочешь знать, о чем человек смеётся? Забудь об этом, все равно никогда не узнаешь.

Слеза на вкус не очень соленая. Скорее горькая. С острым имбирным привкусом.

Она плачет о нерождённом гомункулусе. Глупая. Даже вынашивая кусочек живого мяса, она будет плакать об этом нерождённом гомункулусе, не зачатом из земли и пролитой спермы.

Все они рождаются из земли и спермы.

Все они возвращаются в море.

* * *

Ну что, не ожидала?

Привет-привет!

Меня терзают эти самые, ну, ты в курсе. Я подозреваю, что ты стёрла меня со скрижалей своего сердца, вычеркнула из недр памяти твоей, вот разве что в сотовом телефоне осталось мое имя, только на это и уповаю, если честно.

Ты меня прости, а я тебе тоже что-нибудь хорошее сделаю, договорились?

Ну что, простила?

Вот и чудесно, я так и знала!

Я так и не могу вспомнить, на чем оборвалась наша переписка, — свой ноутбук я утопила в море. Это у нас такой спор вышел с Морским дьяволом. Он выиграл, а душа моя ему без надобности. Пришлось расплачиваться материальной субстанцией.

Ты, наверное, хочешь спросить, почему это я несу разнообразную и необязательную чушь, вместо того чтобы внятно и подробно объяснить, куда исчезала, что делала и какого, собственно, черта?

Рассказываю.

Как ты помнишь, я приехала в Марсель, вся в слезах, губной помаде и тоске по любимому. И чтобы тоску унять, взялась за расследование обстоятельств его безвременной кончины. То есть это мне тогда казалось, что она безвременная, а потом, когда обстоятельства немножко прояснились, я поняла, что совершенно непонятно, как он дотянул до таких преклонных лет. С такими-то задатками

В общем, как ты поняла, я ужасно разозлилась и до сих пор еще не остыла.

Знаешь почему?

Буквально за час до того, как я бросила Морскому дьяволу свой любимый ноутбук (до сих пор надеюсь, что он им подавился, гад такой!), ко мне в дверь постучал почтальон. Единожды постучал, вопреки распространённому суеверию, но зато громко. Так что если по децибелам судить, то можно считать, что и дважды.

В общем, пришел почтальон, а у почтальона сумка, а в той сумке письмо, а в том письме буквы, а в тех буквах денежки... И не только.

Кроме денежек, которых у моего покойного мужа было гораздо больше, чем я ожидала, мне досталась в наследство маленькая, но очень гордая фирма.

И как ты думаешь, чем она занимается, эта фирма?

Ни за что не угадаешь.

Кожу клонирует.

Ну, там, если ожоги, или просто захотелось кому новую

кожу. Старая, допустим, надоела, вот и захотелось новую...

Ты прости моё словоблудие, но я ужасно неловко себя чувствую. Разозлил меня Олег, а наказала-то я в результате тебя. Ну и себя, но это уже мои личные разборки. Я ведь была дома, когда ты приезжала. Спряталась в туалете и плакала там как дура. Почему не вышла — до сих пор не понимаю. Стыдно было, наверное. Как будто адвокат вместе с наследством торжественно вручил мне ответственность за всё, что Олег делал.

Это он когда тебя трахал, сразу двух конкурентов устранял? Так, что ли? Или, наоборот, надеялся, что ты у него работать начнешь?

Или, может, что-то третье, чего мы вообще никогда не узнаем. Очень хотелось бы, чтобы третье. Хотя это самое третье может оказаться еще почище первых двух. Так что, может, оно и к лучшему, что не узнаем.

А что касается фирмы, так я ее на тебя переписала. И не вздумай отказываться — а то я опять исчезну на полгода!

Ну вот, с прошлым покончено, поговорим о будущем.

Я переехала в Рим. Долго я тут, наверное, не выдержу, хватит с меня больших городов. Хочется уехать в какую-нибудь деревню, купить там маленький домик на берегу реки... А там видно будет.

Возвращаться я в любом случае не собираюсь. Может, приедешь в Рим, пока я из него не сбежала? А я тебя по окрестностям покатаю.

Знаешь, я тут первым делом нашла работу. В экскурсионном бюро. А потом уже вспомнила, что работать мне ни к чему. Теперь пытаюсь справиться с огромным количеством свободного времени. Трудно, но ведь нет ничего невозможного для человека с интеллектом (это откуда цитата, ты случайно не помнишь? А то она у меня в голове третий день вертится, а в руки не даётся.).

Вот вроде бы и всё.

Напиши мне, когда перестанешь обижаться, — а ты быстро перестанешь, я тебя знаю. Или надоест, или просто забудешь. В общем, пиши.

Целую тебя.

Да, чуть не забыла рассказать.

За день до отъезда из Марсея я встретила с Этьеном. У него какая-то неожиданная ремиссия, что ли. Короче, врачи поставили ему страшный диагноз: он не умрет. То есть умрет, но не сейчас. А все обследования позволяют предположить, что очень даже еще не скоро умрет.

Я еще никогда не видела Друга и Учителя в такой растерянности. Похоже, что смерть так огорчает нас по одной-единственной причине: она нарушает наши планы. А стоит внести ее в ежедневник, и всё сразу же меняется. Картинка остается прежней, но, как говорит мой братец, совершенно иная коннотация. Так что не знаю, может ли привычка заменить счастье, но вот отменить несчастье — вполне.

Как ты считаешь, это достаточно оптимистическая нота, чтобы на ней проститься?

Мне кажется, что да.

* * *

Тихое море, полная луна. Штиль.

Морской дьявол спит на дне, подложив под голову ракушку. Ему снится тихое море и полная луна. Во сне он поджимает ноги к груди и обхватывает их руками — так удобнее плакать.

Из ракушки вылезает маленький краб и долго примеривается клешней к черному острому уху. Один взмах — и Морской дьявол просыпается с коротким визгом, долго трет ранку и обиженно поскуливает.

Ночь.

Мне совершенно очевидно, что эта книга не нуждается ни в предисловии, ни в послесловии. Она самодостаточна, тут не нужно ничего никому дополнительно разъяснять. И в рекламе она не нуждается, потому что вы или попадете (уже попали) под власть ее обаяния, или нет. Такого рода алхимические процессы происходят сами по себе, без стороннего вмешательства. Если уж и писать о «Забавных повадках людей» как-то — то в письмах друзьям, с которыми не виделись давным-давно, целых две недели, или, скажем, пять лет или двадцать, какая разница?

Этим и займусь.

* * *

Вадим,
я теперь могу ответить на вопрос, который ты задавал год, если не два назад: по какому принципу я отбираю тексты для публикации. И мне, если помнишь, так и не удалось ничего толком сформулировать. А теперь, перечитав еще раз «Забавные повадки людей», я могу это сделать. Правда, не своими словами, чужими — из «Вирсавии» Торгни Линдгрена. Но все-таки.

«Непостижимое и неопределенное — вот единственное святое», — сказала она.

И тогда он спросил, спросил так, будто не иначе как всю жизнь ошибался: «Как же неопределенность становится святынею?»

«Когда мы понимаем, что она существует, — отвечала Вирсавия, — и когда осознаём, что она непостижима и неопределённа».

Понимаешь? Вот именно это, непостижимое и неопределенное — единственное, что меня интересует. Не только в литературе, вообще во всем — только это. Я отбираю тексты, свидетельствующие, что неопределенность существует, дающие

шанс осознать, что она непостижима.

И, наверное, мне больше нечего сказать о книге Галы Рубинштейн. Разве только добавить, что она — блистательный пример текста, полностью соответствующего моим невыразимым, мягко говоря, критериям отбора.

* * *

Ну вот.

Обещанная книжка Галы Рубинштейн — в файле. Стоит ли ее читать тебе — вот именно тебе, — даже и не знаю. Чем ближе мне адресат, тем осторожнее мои рекомендации; в твоём случае их вообще быть не может.

Я лучше расскажу тебе, зачем эта книжка — не тебе, а, скажем так, абстрактному вполне человечеству.

У меня, знаешь, есть такое смутное младенческое представление о читателе как о Спящей Красавице, которую можно расколдовать — и не поцелуем, увы, как-то еще. Как — неизвестно, но надо стараться. Я, кажется, только этим и занимаюсь; Красавица уже изрядно потрепана и вся в синяках, да и с меня семь потов сошло. И это нечестно, что мне приходится заниматься такой фигней в одиночку. Поэтому, когда я вижу автора с потенциалом Прекрасного Принца, который при этом способен на нечто большее, чем поцелуй, я считаю своим долгом привести его к неподвижной прекрасной тушке и оставить их наедине. А там будь что будет.

Вот поскольку тебя-то уж точно будить не надо, благо ты вообще еще не ложился (и не собираешься), я ни на чем не настаиваю. Но только поэтому.

* * *

Слушай-слушай-слушай,
ты вот пишешь у себя в дневнике: *Сказка, которая не заканчивается словами «И жили они долго и счастливо, но врозь», кажется мне литературным вымыслом, призванным пробуждать остатки оптимизма.*

А тут у меня в руках сейчас, с позволения сказать, сказка,

которая заканчивается всякими разными словами, вариантами и перспективами. Потому что некоторые персонажи будут, вероятно, жить долго и счастливо, но врозь, как тебе нравится. А некоторые — недолго, но счастливо и вместе. А еще некоторые — долго, несчастливо, и какая разница, вместе или врозь. Ужас в том, что возможность жить долго, счастливо и вместе тоже прописана там — без единой фальшивой ноты, прикинь. Словом, не финал, а сад расходящихся троп, и в этом смысле книжка имеет опасное и прельстительное сходство с жизнью. И я вот сижу, думаю: а вдруг это обилие возможностей сработает так, что остатки оптимизма больше никогда не понадобятся читателю; я имею в виду — ему больше никогда не придется довольствоваться малым. Никогда, прикинь.

И вот смотри, цитата:

...в каждой башке, включая даже самую безмозглую, заключена своя, уникальная модель Вселенной. И какая разница, какие слова выбрать для ее описания. Нельзя найти правильную версию мироздания, потому что ее не существует. Но можно найти версию, которая максимально отвечает твоим собственным представлениям.

Так вот. Мне кажется, тебе с этой моделью Вселенной будет уютно жить. Какое-то время, по крайней мере. Потому что, с одной стороны, она не твоя, а с другой, скажем так, не совсем чужая.

Прислать тебе книжку, что ли, вот прямо сейчас, а то пока еще выйдет... Правда, у меня неотредактированный вариант; с другой стороны, так, может, даже и лучше. Мало ли, каких ошибок туда корректоры навставляли.

* * *

Помнишь, мы говорили с тобой, что все эти гендерные заморочки, всякие там мужчины-женщины, — полная ерунда, все одним миром мазаны, и только маленькие девочки — священные сверхчеловеки, высшие существа.

Маленькие девочки любого возраста и пола, ну да.

Так вот. В каком-то смысле «Забавные повадки людей» — очень *девочковая* книга. И автор (ну ладно, ладно, образ автора), и персонажи — все до единого девочки, особенно некоторые мальчики. Прекрасные и ужасающие в нечеловеческой легкости

невыносимого своего бытия. Щебечут, как райские птички, лакомятся не только и не столько конфетами, сколько друг другом, а потом вдруг одна из девочек говорит:

Мы, нормальные и здоровые, держимся за руки и громко распеваем веселые песенки, в то время как в двух шагах от нас рушатся дома и судьбы, а реальность, которую мы считаем милой и доброй, то и дело выдергивает из нашего круга новую жертву. И мы на секунду замолкаем, но хруст костей на милых и добрых зубах настолько невыносим, что лучше уж зажмуриться, на ощупь дотянуться до другой руки и запеть, громче прежнего. Чужая рука не заменит ту единственную и неповторимую, которой больше нет, но она лучше, чем пустота. Во всяком случае, на первый взгляд. А второго не будет, не до того, времени нет, а то ведь, не дай бог, отстанешь от мелодии, не попадешь в ритм. А там, того и гляди, совсем остановишься, раскроешь глаза и выпадешь из круга на землю, дико визжа и зажимая уши ладошками. И тогда твои соседи поглядят на свои опустевшие руки, потом переведут на тебя недоумевающий взгляд и вызовут санитаров.

И сразу как-то понятно, почему фунт лиха, в том числе в урожайный год. И, помнишь, смешной голливудский фильм «Догма», когда в финале вдруг выясняется, что Бог — девочка, кувиркается и кривляется, а потом вдруг страшно-страшно кричит? Вот ровно тот же эффект. Ровно тот же. Разве только комедией это не назовешь, как ни крути.

Такие, понимаешь ли, дела.

* * *

Гала,

я не очень понимаю, чем вы там на самом деле занимаетесь на работе, хотя словосочетание «прямая эволюция белка» уже выговариваю без запинки, но мало ли что я там без нее выговариваю. Тем не менее мне кажется, что вы там, у себя в лаборатории, что-то такое страшное изобрели, от чего книжные персонажи, сделанные вроде бы из букв русского алфавита, оживают и принимаются бродить по квартире читателя. Их не отпугнуло даже отсутствие коньяка в моем доме, они с собой принесли, тоже, надо понимать, из букв русского алфавита материализовавшийся. Сидят теперь, щебечут, милые такие. Так

что вы передайте начальству, все у вас распрекрасно получилось, пусть вашей лаборатории выдадут какую-нибудь премию, а мне напишите, пожалуйста, инструкцию — что с ними делать теперь? Может быть, каким-нибудь специальным порошком посыпать в полнолуние? Или, наоборот, поливать? И чем кормить?

Потому что захиреют ведь от плохого ухода, и как я тогда без них?

Макс Фрай

Литературно-художественное издание

Гала Рубинштейн
ЗАБАВНЫЕ ПОВАДКИ ЛЮДЕЙ

Ответственный редактор *Светлана Жаворонок*
Литературный редактор *Дмитрий Голобородько*
Художественный редактор *Юлия Прописнова*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Анна Лобанова*
Верстка *Любови Копченовой*

Подписано в печать 30.03.2007.
Формат издания 84 × 108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз.
Изд. № 70129. Заказ № 225.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Лениздат».
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.